ОПИСАНІЕ ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ

ВЪ КАЛАБРІИ и СИЦИЛІИ

сочиненное

во время самаго дѣйствїя

г. ГАМИЛЬТОНОМЪ,

Аглинскимъ Посланникомъ.

Съ ландкартою и присовокупленїемъ разныхъ :36: другихъ статей.

на ижд. П. Б.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1787 года.

N.

1. Зе
2. о н
3. Ти
4. Раз
5. обр
6. Ст
7. расе
8. —
9. обр
10. Гра
11. о Ра
12. сме
13. —
14. о т
15. Раз
16. те
17. оче
18. Кар
19. м
20. по
21. ж
22. б
23. Пре
24. ф
25. об
26. ор
27. о
28. о
29. о
30. о
31. о
32. о
33. о
34. о
35. о
36. о
37. о
38. К

Описание

Последнихъ землетрясеній въ Калабріи и Сициліи, сочиненное во время самаго ихъ дѣйствія и представленное Лондонскому Королевскому ученому обществу господиномъ Гамильтономъ, членомъ онаго и посланникомъ Аглинскимъ при дворѣ Неаполитанскомъ.

Государи мои!

Исполняя нынѣ со удовольствіемъ желаніе ваше, представляю вамъ и всѣмъ сочленамъ почтеннаго вашего общества краткое начертаніе землетрясенія, распространившаго съ 5 Декабря 1783 года великія бѣдствія въ Калабріи, Мессинѣ и во всей окрестности сея страны[1].

[1] То есть, и въ той части Сициліи, которая называется *Валь де Моне*. Нижняя Калабрія, пресѣкается отъ Сѣвера къ Югу высокими Аппенинскими горами, изъ коихъ многіе огнедышущаго

Извѣстія присланныя по повелѣнію правительства къ Статскому Секретарю Его Величества Короля обѣихъ Сицилій сопровождаются многими важными обстоятельствами о семъ страшномъ приключеніи, и мы давно уже по онымъ вѣдаемъ, что наиболѣе претерпѣла часть Калабріи, заключающаяся между 38 и 39 степенемъ широты, что самые сильнѣйшіе удары чувствуемы были отъ подошвы Аппенинскихъ горъ именуемыхъ *Монте деїо*, *Монте Сакро* и *Монте Каулоне* даже до горы *Силлы*[2] къ Западу и до Тосканскаго

свойства. *Валъ де Моне* въ Сициліи лежитъ прямо противу нижней Калабріи; землелогъ ея нарочито возвышенъ въ разсужденіи прочихъ частей сего острова и имѣетъ высокія горы, изъ коихъ Этна есть самая главнѣйшая. Къ Сѣверу отъ сея долины находятся Липарскіе острова, имѣющіе немало огнедышущихъ горъ или сопокъ. Изъ чего заключить можно, что основаніе Калабріи и Сициліи со всѣхъ сторонъ окружается огнедышущими горами, кои съ давнихъ временъ подвергали страну сію страшнымъ и частымъ землетрясеніямъ.

2 Гора *Силла* есть часть Аппенинскаго хребта въ нижней Калабріи, бывшей отечествомъ древнихъ Брутовъ. Въ тѣ уже времена сія гора весьма извѣстна была по пространному и прекрасному своему лѣсу, доставлявшему самое лучшее и ко всѣмъ родамъ строенія годное дерево, такъ же и смолу въ великомъ обиліи. Сей лѣсъ и нынѣ еще простирается отъ Таверона до Реджїо на многія мили.

моря, что причиненное ими разоренїе было соотвѣтственно разстоянїю разныхъ жилищъ отъ средоточїя потрясенїй, что удары 7, 26 и 28 Февраля и 1 Марта были самые ужаснѣйшїе, что съ перваго потрясенїя отъ 5 Февраля[3] земля имѣла различнаго рода движенїе и по выраженїю Италїанцовъ или *Вортикозо* или *Оризонтале* или *Осциллаторїо*[4] то есть или вихромъ крутящееся или содрогательное низомъ простирающееся или порывистое и прямо вверьхъ стремящееся; что оное движенїе со-

3 По объявленїю Сенеки *въ вопросахъ его о естествѣ* тотъ же самой день, былъ несчастнымъ для окрестностей Рима, кои въ царствованїе Нерона и въ консульства Регула и Виргинїя разорены землетрясенїемъ почти до основанїя.

4 *Аристотель* и *Плинїй* раздѣлялъ землетрясенїя на два рода а именно на дрожащее и порывистое: первое совершается чрезъ перемѣнныя вдоль простирающїяся движенїя, подобныя содроганїямъ, какїя чувствуетъ человѣкъ въ лихорадкѣ, а другое состоитъ въ возвышающемся стремительно и опускающемся прямо движенїи. *Агрикола* же считаетъ четыре рода оныхъ, кои *Албертъ великїй* тремя опредѣляетъ, а именно колеблющимся, если земля склоняется какъ будто на вѣсахъ то на ту, то на другую сторону, соединеннымъ съ стукомъ и восходящимъ съ низу вверьхъ на подобїе бїенїя пульса, и вихрообразнымъ имѣющимъ сходство съ вьющимся пламенемъ.

провождалось чрезвычайными бурями и дождами; что видъ страны бывшей нещастнымъ позорищемъ страшнаго сего дѣйствія совершенно перемѣнился и что перемѣна ея представляетъ очамъ испытателя природы множество новыхъ и разнообразныхъ явленій.

Сіи извѣстія, коихъ подробныя обстоятельства прехожу я молчаніемъ, возбудили во мнѣ великое любопытство. Вы знаете государи мои, колико все то, что относится къ свойству огнедышущихъ горъ, привлекаетъ мое вниманіе. Я заключилъ, что сіе не въ весьма пространной полосѣ земли случившееся трясеніе, могло оставить слѣды великаго химическаго дѣйствія природы, имѣющаго сходство съ тѣмъ, которое оная производитъ въ нѣдрахъ волкановъ или такъ называемыхъ сопокъ; и дабы рѣшить всѣ вопросы, кои самъ себѣ о томъ дѣлалъ, и открыть въ почтительной мрачности, коею облекается природа, нѣкоторыя истинны, предпріялъ немедлѣнно употребить краткое время, которымъ могъ пожертвовать, то есть дней около двадцати, на обозрѣніе нижней Калабріи и Сициліи, мѣстъ найболѣе разоренныхъ и тогда еще разоряемыхъ отъ землетрясенія и видѣть собственными очами важныя явленія мною слышанныя.

Для произведенія въ дѣйство сего своего намѣренія, нанялъ я для себя Малтійское судно, называемое Сперонеръ а для служителей своихъ Неаполитанскую Фелуку и оставилъ Майя 2 Неаполь, получивъ отъ Его Величества Короля Сицилійскаго всѣ нужныя для пути моего повелѣнія къ начальникамъ его областей и приморскихъ мѣстъ, дабы они мнѣ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ подавали руку помощи. Путешествіе мое было пріятно на сихъ судахъ, кои весьма хороши, такъ какъ и кормчіе на оныхъ, давно уже прославившіися своимъ искуствомъ. Миновавъ заливъ при *Поликастрѣ* направили мы путь свой вдоль береговъ верхней и нижней Калабріи. При *Чедрарѣ* примѣтилъ я первыя дѣйствія землетрясенія. Многіе изъ знатнѣйшихъ жителей сего города оставили свои домы и жили въ полевыхъ хижинахъ, хотя ни одинъ домъ во всемъ городѣ, сколько я навѣдаться могъ, непретерпѣлъ нимало вреда. Въ *Лучидѣ* нашелъ я поврежденными великолѣпный домъ тамошняго Барона и колокольню, жители же большею частію удалились такъ какъ и въ *Чедрарѣ* въ поле, гдѣ построили для себя деревянныя хижины, изъ коихъ нѣкоторые сходствуютъ съ тѣми, какія у насъ дѣлаются въ деревняхъ

во время ярмарковъ, а многія подобны свинымъ нашимъ клѣвамъ. Главное мое намѣреніе было, какъ можно скорѣе достигнуть до средоточія нещастнаго позорища, и поелику я имѣлъ мало времени а много предмѣтовъ для обозрѣнія, то окинувъ токмо издали взоромъ города *Маиду*, *Никастру* и *Евфимію*, спѣшилъ въ *Пиццо* городъ нижней Калабріи, куда 6 Маія подъ вечеръ и прибылъ. Сей при морскомъ берегѣ на туфѣ[5] или лавѣ основанной городъ, былъ весьма поврежденъ землетрясеніемъ 5 Февраля а 28 Марта разрушенъ онымъ до основанія. Жители его, коихъ число простиралось до пяти тысячь, предвидя великую опасность, при самомъ первомъ землетрясеніи 5 Февраля оставили свои домы и удалились въ хижины; по чему весьма немногіе лишились тутъ жизни во время землетрясенія, бывшаго 28 Марта. Но поелику новыя сіи жилища ихъ большею частію были худо, тѣсно и на нездоровомъ мѣстѣ построены, то несчастные Пиццольцы подверглись заразительной болѣ-

5 Слово Неаполитанское, означающее смѣсь золы съ пемзою, выбрасываемою изъ огнедышущихъ горъ и принимающую на себя видъ рыхлаго и легкаго камня; что составляетъ единое доказательство древняго изверженія Волкановъ, обрѣтенное мною во всей Калабріи.

зни, которою многіе изъ нихъ истреблены. Въ бытность мою здѣсь, свирѣпствовала оная еще сильно, невзирая на великое бдѣніе и хорошія распоряженія правительства для воспрепятствованія ея распространенію; да и весьма было опасно, что бы усилившійся тогда зной неприуготовилъ таковаго же бѣдственнаго жребія многимъ тысящамъ Калабрійцовъ и Мессинцовъ. Пиццольцы казалися мнѣ уже привыкшими къ великимъ пораженіямъ и къ неспокойной жизни; ибо на улицахъ, кои составляли бѣдныя ихъ хижины и шалаши находилъ я лавочки со всякими мѣлочными товарами. Здѣсь примѣчено, что огнедышущая гора въ Стромболѣ лежащая прямо противу разрушеннаго города *Пиццо*, разстояніемъ около 50 миль отъ онаго, извергала во время сего землетрясенія менѣе дыму и горющаго вещества, нежели въ прежнее время. Въ ту ночь, которую я проводилъ въ суднѣ своемъ, былъ разбуженъ жестокимъ ударомъ, произшедшимъ, какъ мнѣ казалось, на самомъ днѣ онаго, но несопровожденнымъ никакимъ подземнымъ звукомъ. Служители мои чувствовали и въ своемъ суднѣ тотъ же самой ударъ. Въ слѣдующій день отпустилъ я суда свои въ *Реджіо* а самъ поѣхалъ верхомъ въ *Монтлеонъ*, го-

родъ лежащїй въ 6 миляхъ отъ *Пиццо* на возвышенномъ мѣстѣ. Дорога къ оному иловата, усѣяна мѣлкимъ голышемъ и столь худа, что въ сїе время года едва по ней ѣздить можно, но пресѣкаетъ самую плодоноснѣйшую и самую прекраснѣйшую страну, какую я едва ли когда видѣлъ. Вся окрестность казалась мнѣ истиннымъ вертоградомъ, который былъ изпещренъ цвѣтоносными злаками, виноградными лозами, масличными, тутовыми или шелковичными и другими древами, осѣнявшими плодоносныя нивы, покрытыя всякаго рода хлѣбомъ, горохомъ и прочими подобными растѣнїями, которыя несмотря на густую тѣнь деревъ совершенно созрѣвали. Таковое прїятное и величественное зрѣлище представляетъ вся равнина Монтлеонская, выключая нѣкоторыя токмо полосы, кои занимаютъ лѣса состоящїе изъ дубу и масличныхъ деревъ, столь здѣсь толстыхъ, что я никогда оныхъ себѣ таковыми непредставлялъ; ибо онѣ толщиною въ половину самыхъ дубовъ составляющихъ здѣсь прекрасной строевой лѣсъ и по крайней мѣрѣ втрое толще масличныхъ деревъ, находящихся въ области именуемой *Кампанья Феличе*, то есть благословенная страна. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сея равнины раз-

сажены онѣ порядочно а въ иныхъ предоставлены природѣ.

Я намѣренъ былъ въ путешествіи своемъ разсмотрѣть токмо мѣста наиболѣе претерпѣвшія отъ страшнаго землетрясенія; но вниманіе мое всегда обращалось и на другіе предмѣты и было совершенно, такъ сказать увлекаемо удивленіемъ, каковое раждало во мнѣ плодородіе и прелестный видъ сея богатыя и величественныя страны, превосходящія всѣ прочія мною видѣнныя. Кромѣ двухъ произведеній масла и шелку, коими страна сія всѣ прочія Италійскія области а можетъ быть и всѣ земли въ свѣтѣ превосходитъ, имѣетъ она еще изобиліе въ хлѣбѣ, винѣ, хлопчатой бумагѣ и въ многоразличныхъ овощахъ и стручечныхъ произрастѣніяхъ, и если бы населеніе и прилѣжность жителей были соразмѣрны плодородію земли, то доходы нижней Калабріи возрасли бы въ краткое время до чрезвычайности. Я видѣлъ изъ шелковичныхъ деревъ цѣлые лѣса, коихъ владѣльцы меня увѣряли, что имъ десятина неприноситъ и пяти шилинговъ[6], но изъ которой можно бы болѣе пяти фун-

6 Шилингъ, Англинская монета составляетъ около 25 коп.

товъ штерлинговъ[7] получать, если бы довольно было людей для собиранія листья и питанія шелковичныхъ червей.

Городъ *Монтлеонъ*, извѣстный въ древнія времена подъ именемъ *Вибоваленція*[8] лежитъ на весьма пріятномъ холмѣ, съ коего обозрѣвается море и богатая равнина теперь мною упомянутая. Удоліе сіе ограждается къ Сѣверу и къ Востоку Аппенинскимъ горнымъ хребтомъ, изъ среды коего воздымается найпаче гора *Аспра монте*. До сего видны были тутъ повсюду города и села, которыя нынѣ къ сожалѣнію превратились въ бугры и кучи развалинъ. *Монтлеонъ* мало былъ поврежденъ землетрясеніемъ 5 Февраля, но тѣмъ паче разоренъ онымъ 28 Марта, хотя при томъ и немного людей погибло. Всѣ жители мѣста сего принуждены нынѣ жить въ мазанкахъ, сдѣланныхъ по большей части изъ хворостнику и камышу и облѣпленныхъ съ наружи алабастромъ.

7 Фунтъ штерлингъ, Аглинская же монета заключаетъ въ себѣ около 5 рублей

8 *Вибоваленція* городъ, именуемой Стравономъ во многихъ мѣстахъ *Илло* и Иппоніумъ былъ въ древнія времена весьма славенъ у Брутовъ. По имени его назывался близлежащій заливъ Евфиміи. Древніе дѣеписатели называютъ его Sinus Vibonienfis, Naptinus et Terinus.

Страна сїя кажется была уже и прежде подвержена опасности землетрясенїй; ибо вельможи обыкновенно строятъ здѣсь при своихъ чертогахъ деревянные домики, дабы при малѣйшемъ смятенїи искать въ оныхъ себѣ убѣжища. Я самъ имѣлъ ночлѣгъ въ одномъ изъ оныхъ, выстроенномъ съ великимъ вкусомъ дѣдомъ нынѣшняго Монтлеонскаго Герцога, коего благодушїю обязанъ я много за безопасность и спокойствїе во время сего своего путешествїя. При отъѣздѣ моемъ изъ Неаполя вручилъ онъ мнѣ письмо къ правителю областей своихъ, въ которомъ повелѣлъ ему принять меня нетокмо со всевозможнымъ страннолюбїемъ и учтивостїю и дать мнѣ и моимъ служителямъ надежныхъ лошадей, но и провождать меня двумъ вершникамъ, коимъ извѣстны всѣ проселочныя дороги въ сихъ мѣстахъ, безъ чего невозможно бы было мнѣ и въ четыре дни осмотрѣть съ безопасностїю примѣчанїя достойныя мѣста между *Монтлеономъ* и *Реджїо*. Нельзя никакъ себѣ представить, неиспытавъ самимъ собою, худаго состоянїя дорогъ въ Калабрїи, а особливо въ сїе время года, но нельзя при томъ и надивиться превосходству тамошнихъ лошадей.

Всѣ извѣстія согласны здѣсь между собою, что потрясенія земли со страшною бурею простирались отъ Запада и начинались обыкновенно оризонтальнымъ движеніемъ, а оканчивались вихрообразнымъ, которое по свидѣтельству самихъ жителей и разрушило большую часть вышепомянутыхъ мѣстъ. Другое толико же общее наблюденіе, что предъ каждымъ трясеніемъ казались облака неподвижными и что вдругъ послѣ сильнаго дожжа чувствуемо было землетрясеніе [9]. Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ разговаривалъ я со многими людьми, которые силою нѣкоторыхъ потрясеній были на землю повержены; крестьяне разсказывали, что движеніе было столь жестокое, что верьхи самыхъ толстыхъ деревъ почти земли касались [10]. Быки и лошади разстанавливали сколько можно ширѣ ноги и держали оныя такимъ обра-

9 Горючій воздухъ, въ нѣдрахъ земли разверзающійся и воспламеняющійся, производитъ землетрясенія, и поелику оный весьма тонкаго и легкаго свойства, то въ самую минуту потрясенія проницаетъ разсѣлины земли, стремится съ чрезвычайною скоростію вверьхъ и производитъ своею скоротечною силою незапныя перемѣны, какъ то сильной вѣтръ, дождь, молнію и проч.

10 Сіе дѣйствіе покажется чаятельно неболѣе страннымъ, какъ и повѣствуемое Плиніемъ прислу-

зомъ непрестанно, дабы возпротивиться подземному удару и симъ положенïемъ подавали точный знакъ наступающаго трясенïя. Я самъ примѣтилъ, что въ странахъ найболѣе землетрясенïемъ разоренныхъ крикъ осла, ржанïе лошади и гоготанïе гуся были вѣрными всегда предвозвѣстниками гибели народа, который спѣшно оставляя бѣдные шалаши свои искалъ въ открытыхъ мѣстахъ надежнѣйшаго убѣжища и наполнялъ воздухъ жалостнымъ воплемъ и молитвою: *Отче нашъ* и *Богородице Дѣво*.

Отъ *Монтлеона* продолжалъ я путь внизъ сея долины и проѣхалъ многïе города и села, которые всѣ болѣе или менѣе разорены по мѣрѣ ихъ отдаленности отъ мѣста, которое казалось мнѣ средоточïемъ сихъ различныхъ трясенïй. Городъ *Милето* въ низменности лежащïй толико разоренъ, что нѣтъ въ немъ ни единаго цѣлаго дома. Издали видѣлъ я такъ же *Сорïану*, превращенную съ великолѣпнымъ Доминаканскимъ своимъ монастыремъ въ кучу развалинъ; но

чаѣ одного великаго землетрясенïя. кн. 2 гл. 83. На поляхъ Мутинскихъ двѣ горы сошлися между собою съ весьма великимъ трескомъ, приражаясь и отходя одна отъ другой, при чемъ огнь и куренïе дыма восходили среди дня до облакъ, при сонмахъ Рим-

поелику главное мое намѣренїе нестолько клонилось къ разсматриванїю развалинъ, сколько къ примѣчанїю произведенныхъ землетрясенїемъ великихъ явленїй природы, то предпрїялъ путь въ *Розарно*, замѣтивъ токмо тутъ о особливой способности, коею одарены нѣкоторыя животныя жить долгое время безъ пищи. Сїи послѣднїя землетрясенїя представляютъ тому различные примѣры. Въ Сорїанѣ двѣ тучныя свиньи покрыты были развалинами сорокъ дней а потомъ вытащены оттуда живы. Онѣ были уже тощи и слабы, но скоро получили прежнїя свои силы[11].

скаго народа и различныхъ путешественникахъ, взиравшихъ на сїе явленїе съ пути Емилїева.

11 Столь долговременное неяденїе покажется для многихъ невѣроятнымъ, но извѣстно, что у весьма жирныхъ животныхъ, каковы были тѣ, о коихъ здѣсь упоминается, тукъ при долгомъ неяденїи превращается въ питательной сокъ и можетъ служить достаточнымъ средствомъ къ сохраненїю на немалое время жизни. При томъ же невозможно почти, чтобы сїи двѣ животины ненашли около себя при разрушенїи зданїй разсѣяннаго хлѣба или другаго какого корма. Каждому извѣстно, сколь сильно у нихъ рыло, которымъ онѣ весьма глубоко роются въ землю, чтобы найти червей или коренья и проч. Подобный случай о двухъ дѣвкахъ, какъ ниже будетъ сказано, покажется еще гораздо страннѣе.

Во время путешествія своего примѣтилъ я, что всюду жилища, стоявшія на возвышенныхъ мѣстахъ, коихъ основаніе состояло изъ дресвы, подобной рыхлому граниту, менѣе претерпѣли нежели находящіяся въ долинахъ; ибо сіи послѣднія совершенно разорены и сравнились съ землею. Основаніе долинъ состоитъ изъ пещаной, бѣлой, красноватой или сѣрой иловатой земли; бѣлой видно больше и оная наполнена морскими раковинами а особливо такъ называемыми петункулями. Сія иловатая долина во многихъ мѣстахъ пресѣкается рѣками и источниками, низпадающими съ горъ и дѣлающими поперегъ земли широкіе и глубокіе овраги.

Коль скоро проѣхалъ я развалины города святаго Петра, увидѣлъ предъ собою Сицилію и вершину горы Этны, извергавшей тогда весьма много дыму.

Недалеко отъ *Розарно* у рѣки *Мамелли* находится иловатая и болотистая долина, гдѣ нашелъ я множество острооконечныхъ яминъ или ложбинъ, видомъ подобныхъ формамъ сахарныхъ головъ, кои были такъ, какъ и около лежащая земля покрыты пескомъ. Мнѣ разсказывали, что во время землетрясенія 5 Февраля изъ каждой тако-

вой ложбины била вверьхъ сильно и высоко вода смѣшенная съ землею. Одинъ крестьянинъ, очевидный тому свидѣтель, говорилъ мнѣ, что онъ былъ самъ омоченъ таковымъ водоземлеметомъ, но что вода онаго небыла тепла, какъ нѣкоторые утверждали. Предъ тѣмъ же, какъ показались сіи вверьхъ біющіе ключи рѣка исчезла, но скоро опять наполнилась водою, которая гораздо превзошла прежнюю свою въ ней высоту. Сіе самое случилось и со всѣми другими рѣками въ сей долинѣ во время страшнаго землетрясенія 5 Февраля, чему причину легко узнать можно, предположивъ по единогласному объявленію жителей, что первой ударъ землетрясенія стремился съ низу вверьхъ, то есть, когда поверхность равнины вдругъ приподнялась, то рѣки будучи тутъ невесьма глубоки, должны были по необходимости исчезнуть изъ виду, а какъ по томъ равнина осѣла и пришла въ прежнее свое положеніе, то и рѣки приняли отъ вершинъ своихъ прежнее теченіе. Такимъ же образомъ скорое опаденіе земли, гдѣ были многія болота и прорытыя водою рытвины, принудило воду подъ поверхностію ея скрытую восходить вверьхъ съ великимъ стремленіемъ и производить вышепомянутые водометы. —

Между симъ мѣстомъ и Розарномъ перешли мы рѣку *Метауро* по крѣпкому деревянному мосту длиною въ 700 пальмовъ[12], который сдѣланъ недавно по повелѣнію Герцога *Монтлеонскаго*. Пещеры и разсѣлины произведенныя землетрясеніемъ на днѣ рѣки и на ея берегахъ разломили мостъ сей на двѣ части; и какъ самое то мѣсто, въ которомъ утверждены были сваи, претерпѣло ощутительное потрясеніе, то нынѣ положеніе моста немало сходствуетъ съ волнами морскими. Оставшіеся на обѣихъ сторонахъ неповрежденными перила были страннымъ образомъ отрѣзаны; но отдѣлившіяся части опять плотно соединились и нынѣ по мосту безъ опасенія ѣздить можно. Надзиратель мостовъ сказывалъ мнѣ, что въ самую минуту землетрясенія дно сея великія рѣки чрезъ нѣсколько секундъ совершенно сухо было, и что въ то время, какъ вода опять съ великою силою назадъ стремилась, мостъ подобно волнамъ колебался. Говоря о землетрясеніи въ долинѣ разумѣю я всегда бывшее 5 Февраля, которое гораздо сильнѣе другихъ было по тому, что никакого знака о

12 Пальма, Италійская мѣра, длиною около пядени. Римская пальма содержитъ въ себѣ 8 дюймовъ и $3\frac{1}{2}$ линіи.

наступленіи онаго примѣчено небыло и слѣдственно никакихъ нужныхъ предосторожностей взять было неможно. Городъ *Розарно*, гдѣ Герцогъ *Монтлеонскій* имѣлъ дворецъ, разоренъ совершенно; однѣ только стѣны стоятъ около шести футовъ вышиною и служатъ защитою хижинамъ. Число жителей простиралось въ ономъ до 3000, изъ которыхъ неболѣе 200 погибло. Въ *Розарно* такъ какъ и въ другихъ разоренныхъ городахъ, кои имѣлъ я случай обозрѣть, сдѣлано одинакое примѣчаніе о различномъ положеніи погребенныхъ подъ развалинами мущинъ и женщинъ. Мущинъ находили всегда такъ, какъ будто они борются и сопротивляются опасности, а женщинъ въ положеніи чрезвычайнаго сокрушенія съ возложенными на головы руками и съ изъявленіемъ страшнаго отчаянія, либо держащихъ дѣтей своихъ на рукахъ такимъ образомъ, который изображалъ купно и горесть и чувствительную матернюю нѣжность.

Одно зданіе оставшееся въ *Розарно* неповрежденнымъ есть тамошняя крѣпкая темница, въ которой во время разрушенія города заключены были три преступника, которые конечно бы лишились жизни, если бы были на волѣ. Пообѣдавъ въ одной хижинѣ,

коея хозяинъ во время землетрясенія лишился пяти человѣкъ изъ своего сѣмейства, продолжалъ я далѣе свой путь въ *Лавреану* и неоднократно переѣзжалъ вышепомянутую большую рѣку *Метауро*.

Окрестности лежащаго на холмѣ города *Лавреаны* представляютъ истинной вертоградъ. Никакое зрѣлище небыло для меня восхитительнѣе сего и здѣсь непогибло ни одного человѣка отъ землетрясенія, которое постигло городъ сей нестоль незапно какъ прочїе города; но послѣ умерло человѣкъ съ 50 отъ падучей болѣзни, бывшей слѣдствїемъ чрезвычайнаго страха и изнеможенія. Я имѣлъ ночлѣгъ въ домикѣ одного почтеннаго Малтїйскаго дворянина *Донъ Доминико Акванетто*, который былъ изъ числа знатнѣйшихъ жителей города. Онъ ѣздилъ на другой день со мною на тѣ двѣ дачи *Мачини* и *Ватикано*, о коихъ я прежде много слышалъ, и которыя перемѣнили отъ землетрясенія свои мѣстоположенія. Сїи дачи лежали въ одной высокими холмами окруженной долинѣ, коея поверхность давно уже была кажется подрыта малыми ключами, стремившимися съ горъ, перенесенныхъ нынѣ на то самое мѣсто, гдѣ находились оныя двѣ дачи. Помянутые же ключи

имѣютъ довольно быстрое внизъ долины теченіе, доказывающее, что поверхность ея не такъ равна, какъ взору нашему представляется. Я догадываюсь, что землетрясеніе разторгло нѣкоторыя вмѣстилища дождевой воды, кои заключены были въ малыхъ иловатыхъ горахъ въ верхней части долины. Тогда вода умчала оторванную землю, приняла свое теченіе съ великимъ стремленіемъ подъ подрытою поверхностію, подняла ее съ масличными и туповыми деревьями и хижинами и унесла въ долину всю сію полосу земли, простирающуюся на милю въ длину и ширину, гдѣ оная и осталась. Здѣсь видѣлъ я множество глубокихъ разсѣлинъ, которыя небыли ширѣ фута кромѣ одной, разверзшейся незапно во время землетрясенія и поглотившей одного быка и сотню козъ. Что же принадлежитъ до ямъ имѣющихъ видъ сахарныхъ головъ, то оныхъ здѣсь нашелъ я столь же много какъ и въ *Розарно*; но никого немогъ обрѣсти, кто бы совершенно меня увѣрилъ, что бы стремившаяся изъ оныхъ вверьхъ съ великою силою вода была тепла, какъ показано въ объявленіи поданномъ правителю сея области. О изверженномъ же водою пескѣ, которой кажется желѣзноватымъ и нѣсколько перего-

рѣвшимъ, говорили, что будто бы издавалъ отъ себя сильной сѣрной запахъ, но и сему немогъ я найти никакихъ слѣдовъ [13]. —— Отсюда чрезъ прекрасныя мѣста проѣхалъ я въ городъ *Полистену*. Подлинно печальное зрѣлище видѣть въ толь богатой странѣ единыя токмо развалины прекрасныхъ жилищъ подлѣ бѣдныхъ хижинъ, у дверей коихъ встрѣчаются два или три человѣка погруженные въ глубокое унынїе, и проѣзжать дороги покрытыя множествомъ разнаго пола и возраста людей, едва имущихъ силу влачить ноги свои. Вмѣсто городовъ представляются взору великїя груды развалинъ, вокругъ коихъ построены бѣдныя хижины. Самая большая изъ оныхъ служитъ церковїю; подлѣ висятъ на низкихъ перекладахъ колокола, печальные остатки испровerженныхъ храмовъ Божїихъ. Всякой человѣкъ стоитъ тамъ въ безмолвномъ изумленїи, пока-

13 О семъ кажется не для чего сомнѣваться; поелику тоже самое примѣчено было и во время другихъ многихъ землетрясенїй. *Плинїй* упоминаетъ о подобномъ обстоятельствѣ к. 2 гл. 18 Terre motu imminente aut secuto, esse in puteis turbidiorem aquam, nec sine odoris taedio: т. е. въ началѣ и по прошествїи землетрясенїя вода въ колодязяхъ бываетъ мутнѣе противъ обыкновеннаго и при томъ съ запахомъ противнымъ.

зывая жалостные признаки о утратѣ родственниковъ своихъ. Среди сего печальнаго позорища, являющаго повсюду неописанную бѣдность, ѣхалъ я четыре дни. Во всей низменности сей свирѣпствовало землетрясеніе съ толикою силою, что всѣ жители города въ одно мгновеніе ока живые или мертвые погребены были подъ развалинами домовъ своихъ. Городъ *Полистена* былъ нарочито великъ, но имѣя положеніе свое на отлогихъ берегахъ между двумя рѣками, подверженъ былъ частому наводненію. Изъ шести тысячь жителей двѣ тысячи съ лишкомъ лишились 5 Февраля при землетрясеніи жизни. *Маркизъ Джіоржіо*, владѣлецъ сея земли, котораго я здѣсь засталъ, употреблялъ всевозможное стараніе подать помощь избѣгшимъ гибели несчастнымъ своимъ подданнымъ чрезъ разчищеніе развалинъ, коими улицы покрыты, и поспѣшную отстройку хижинъ по хорошому плану и на здоровомъ мѣстѣ. Онъ такъ же велѣлъ выстроить большіе сараи для шелковичныхъ червей, которыхъ я нашелъ во время своего путешествія въ полной работѣ. Трудолюбіе и благодушіе сего вельможи достойно величайшія хвалы; но примѣръ его, сколько могъ я видѣть, нашелъ немногихъ себѣ подражателей. За двѣ мили

отъ *Полистены* видѣлъ я городъ св. *Джіоржіо* на нѣкоемъ возвышеніи. Оной хотя уже и небылъ обитаемъ, однако же какъ и прочіе города сея равнины, разчищенъ жителями. Я любопытствовалъ видѣть монахинь, спасшихся во время разрушенія прежняго ихъ монастыря, и просилъ *Маркиза* показать мнѣ ихъ жилище; но изъ двадцати трехъ бывшихъ въ монастырѣ спаслась одна токмо осьмидесятилѣтняя старица. Пообѣдавъ съ *Маркизомъ* въ деревянномъ его домикѣ подлѣ развалинъ прежнихъ великолѣпныхъ его чертоговъ, поѣхалъ чрезъ прекрасную дубраву масличныхъ и каштанныхъ деревъ въ городъ *Казаль-Нуово*. Тамъ показали мнѣ мѣсто, гдѣ недавно предъ симъ стояли палаты несчастной моей пріятельницы *Герачь Гримальди* лишившейся жизни съ 4000 подданныхъ своихъ при страшномъ землетрясеніи 5 Февраля, разрушившемъ городъ сей до основанія. Нѣкоторые изъ его жителей, коихъ живыхъ вытащили изъ подъ развалинъ, расказывали мнѣ, что домы ихъ вдругъ приподняло и что они непримѣтили никакихъ признаковъ сему нечаянному движенію. Въ разныхъ другихъ городахъ остались еще стѣны и части зданій, но въ *Казаль-Нуово* неможно разпознать ни единой

улицы, ниже единаго дома. Цѣлой городъ превращенъ нынѣ въ ужасную глыбу земли. Одинъ изъ несчастныхъ его обитателей, который во время землетрясенія находился на близлежащемъ пригоркѣ и при первомъ ударѣ взиралъ на всю равнину, сказывалъ мнѣ, что онъ вмѣсто города ничего болѣе тогда неувидѣлъ, кромѣ густаго облака изъ бѣлой пыли состоявшаго на подобіе дыма, что было естественнымъ дѣйствіемъ страшнаго испровержения зданій и извести превратившейся въ пыль.

Отсюда продолжалъ я далѣе путь свой чрезъ *Кастелону* и *Маикуско*, два города претерпѣвшіе равной жребій съ *Казаль-Нуовою*, и прибылъ въ *Терру-Нову*. Сей городъ лежитъ въ прекрасной долинѣ между двумя рѣками, которыя вмѣстѣ съ ключами низпадающими съ горъ произвели весьма глубокой и широкой оврагъ, которой пролегаетъ нынѣ по землѣ, состоящей изъ песку и глины, составляющихъ основаніе землелога всей оной долины. При *Террѣ Новѣ* имѣетъ оврагъ сей неменѣе 500 футовъ въ глубину и трехъ четвертей мили въ ширину. Малое познаніе свойствъ сея земли и положенія оной есть причиною многихъ неисправностей вкравшихся въ извѣстіяхъ о

явленіяхъ природы, сопровождавшихъ землетрясенія. Говорятъ напримѣръ, что тотъ или другой городъ да и цѣлыя поля или рощи на милю отъ того мѣста, гдѣ прежде находились, отнесены, неупоминая о буеракахъ или провалахъ. Въ самомъ же дѣлѣ явленія сіи нечто иное въ великомъ, какъ то, что мы всякой день видимъ въ маломъ, когда стороны рва какого, подрытыя чрезъ нѣсколько времени дождевою водою, отрываются и низвергаются собственною своею силою и тяжестію.

Чрезвычайная глубина помянутаго буерака соединясь съ сильнымъ трясеніемъ причинила испровержение двухъ великихъ полосъ земли, на которыхъ выстроена была часть города, состоящая изо ста домовъ, кои низринуты въ пропасть на полмили отъ того мѣста, гдѣ прежде находились. Наиболѣе странно при семъ случаѣ то, что многіе жители низринутыхъ домовъ вытащены живы, иные изувѣчены а иные безъ всякаго поврежденія. Я самъ разговаривалъ съ человѣкомъ, который въ своемъ домѣ съ женою и служанкою сдѣлалъ чудное сіе путешествіе. Онъ говорилъ мнѣ, что ни онъ ниже дѣвка, а только жена его была нѣсколько изувѣчена и уже и она совершенно

выздоровѣла. Я спросилъ, какое она увѣчье получила; онъ же далъ мнѣ на сїе такой отвѣтъ, которому вы конечно будете такъ же какъ и я удивляться, но которой по своему свойству нималаго удивленїя недостоинъ. Онъ сказалъ съ холодностїю: государь мой, она переломила обѣ ноги и руку и разкроила себѣ черепъ такъ, что мозгъ былъ виденъ. Дѣйствительно кажется мнѣ, что жители Калабрїи гораздо болѣе имѣютъ мужества нежели Неаполитанцы; ибо они сносятъ бѣдственное свое состоянїе прямо съ философскимъ терпѣнїемъ. Изъ тысячи шести сотъ жителей *Терры-Новы* спаслось неболѣе четырехъ сотъ. Путеводитель мой, священникъ и врачь, первымъ ударомъ землетрясенїя былъ самъ погребенъ подъ развалинами своего дома, но другими непосредственно по томъ слѣдовавшими опять на поверхность земли изверженъ, и я имѣю самыхъ вѣрныхъ свидѣтелей таковаго приключенїя во многихъ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ другихъ частяхъ сея долины лежавшихъ близъ оврага недалеко отъ *Терры-Новы*, видѣлъ я нѣсколько десятинъ земли деревами обсаженныхъ и усѣянныхъ разнымъ хлѣбомъ, которыя испровержены въ пропасть и большою частїю безъ малѣйшаго вреда, такъ

что все и теперь тамъ столь же прекрасно растетъ, какъ и въ то время расло, когда земля небыла отторжена отъ материка своего и столь далеко отъ онаго перенесена. На противъ того другія части земли низринуты въ косвенномъ положеніи, а иныя дномъ къ верьху обращены, такъ что видны корни деревъ. Въ другомъ мѣстѣ обрушились въ пропасть двѣ одна противъ другой лежавшія преужасной величины глыбы земли, кои наполнили собою всю лощину и заградя стремленіе воды, составили великое озеро. Къ сему должно присовокупить случай, послѣдовавшій съ двумя горами, сошедшимися во время своего низпаденія, кои пресѣкши теченіе рѣки составили обширное озеро. Во время землетрясенія исчезла и здѣсь рѣка такъ какъ и въ *Розарно*, но вскорѣ опять появилась и разлилась по долу буерака вышиною почти на три фута, такъ что несчастные, низверженные въ сію глубокую пропасть со своими домами и избѣгшіе смерти хотя уже и съ переломленными ногами, находились въ опасности быть поглощенными водою, о которой меня здѣсь увѣряли, что оная была солона подобно морской; однако же по мнѣнію моему обстоятельство сіе требуетъ подтвержденія.

Показанная мною причина, отъ которой незапно исчезла рѣка *Метауро* при *Розарнѣ* можетъ служить къ объясненію и сего явленія, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ рѣки во время землетрясенія изсякли.

Весь городъ *Моллоки ди Сотто* при *Террѣ Новѣ* съ близъ находившеюся горою отторженъ и испроверженъ въ пропасть. Виноградный садъ бывшій на сей горѣ, остался по обрушеніи оной невредимъ, но токмо принялъ косвенное положеніе. Примѣтна еще и теперь его дорога, которая сквозь его проложена была и которая представляетъ нынѣ любопытное зрѣлище. Нѣкоторыя мельницы, бывшія прежде на рѣкѣ, унесены ея стремленіемъ и остановясь между двумя вышепомянутыми глыбами земли видны на одномъ мѣстѣ, возвышенномъ на нѣсколько футовъ отъ поверхности воды.

Если бы таковыя перемѣны небыли объяснены обстоятельствами оныя сопровождавшими, то имѣли бы видъ баснословныхъ превращеній. Во многихъ мѣстахъ примѣтилъ я, что полосы земли на нѣсколько десятинъ простиравшіися, усаженныя толстыми деревами и усѣянныя хлѣ-

бомъ опустились на 8 или 10 футовъ ниже прежнїя своея поверхности, другїя же напротивъ того на столько возвысились; чему между прочимъ немалою причиною былъ грунтъ долины, состоящїй изъ пещаной съ глиною смѣшанной земли, легко разсыпающейся и прїемлющей на себя другїе виды. Въ долинѣ близъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ помянутыя глыбы земли обрушились въ пропасть, находятся многїя вровень между собою расположенныя отверстїя или разсѣлины, кои при продолженїи трясенїя могли бы легко ускорить низриновенїе оставшихся плитъ земли. Вообще примѣтилъ я въ своемъ путешествїи, что при всѣхъ провалахъ близлежащїя части равнины имѣли подобныя разсѣлины такъ же между собою расположенныя. Сильное движенїе земли, подобное великому колебанїю вѣсовъ, имѣвшее съ одной токмо стороны упоръ, объясняетъ довольно сїе явленїе.

Изъ *Терры-Новы* поѣхалъ я въ *Оппидо*, городъ лежащїй на горѣ, коея основанїе состоитъ изъ нѣкотораго роду гранита, смѣшеннаго съ желѣзноватыми частицами, и которое при томъ весьма отлично отъ иловатаго землелога окрестныхъ странъ. Оная окружалась двумя рѣками впадающими въ оврагъ который былъ гораздо глубже и пространнѣе,

нежели при *Терре-Нове*. Говорятъ, что гора, на которой выстроенъ городъ *Оппидо*, разсѣлась на двѣ части, которыя паденіемъ своимъ запрудили обѣ сіи рѣки и составили великіе озера; но я ничего болѣе здѣсь не примѣтилъ какъ токмо, что превеликія глыбы земли, часто обрушавшіися въ помянутый оврагъ наполнили почти оной и удержавъ теченіе рѣкъ составили изъ оныхъ весьма обширныя озера. Правда, что часть каменныя горы, на которой стоялъ городъ *Оппидо* обрушилась такъ же со многими домами; но сіе ничего незначитъ въ сравненіи оторванныхъ отъ матерыка ужасной величины глыбъ земли и усаженныхъ виноградными и масличными деревами, которыя съ одного края пропасти на другой перенесены несмотря на нарочитое ихъ разстояніе, простирающееся по крайней мѣрѣ на полмили.

Всѣ жители здѣсь единогласно утверждаютъ, что одинъ крестьянинъ ѣхавшій на парѣ быковъ чрезъ поле свое, перекинутъ на другую сторону пропасти съ полемъ такъ, что ни онъ ниже его быки непретерпѣли никакого вреда.

Послѣ всего видѣннаго мною собственными своими очами весьма удобно вѣрю сему случаю. Собраніе всѣхъ странныхъ приклю-

ченій и случаевъ таковаго рода, произведенныхъ землетрясеніемъ въ сей долинѣ, составили бы великую книгу. Я уповаю, что многіе изъ оныхъ изображены будутъ въ описаніи, каковое предпріяла издать Неаполитанская Академія, коея предсѣдатель избралъ уже дѣйствительно пятьнадцать сочленовъ и нѣсколько живописцовъ для доставленія публикѣ подробнаго и точнаго начертанія страшныя сея перемѣны, въ чемъ и можно на раченіе ихъ надѣяться, а особливо, когда они обратятъ строгое свое вниманіе на свойство землелога и положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ случились сіи перемѣны и приложатъ нужное стараніе, дабы описаніе ихъ приобрѣло у разумныхъ людей довѣренность и неудовлетворяло бы токмо однимъ любителямъ чудесъ, коихъ здѣсь немалое число. —— Еще долженъ я упомянуть о поразительномъ примѣрѣ ужаснаго бѣдствія, въ которое повержены жители сего несчастнаго города. Одинъ весьма достаточный дворянинъ имѣвшій многія помѣстья по имени *Донъ Марцелло Грилле*, удалясь ночью изъ своего дому бывшаго въ *Оппидѣ*, который разрушенъ землетрясеніемъ и низринутъ въ пропасть со всѣми его наличными деньгами, коихъ было до 12000 червонцовъ,

пребылъ многїе дни безъ пищи и безъ покрова на сильномъ дождѣ, пока на конецъ могъ достать бѣдное рубище отъ пустынника въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ разрушеннаго города *Оппидо* обитавшаго. Осмотрѣвъ развалины *Оппидскїя*, снишелъ я въ пропасть, дабы и оную разсмотрѣть съ надлежащимъ вниманїемъ. Здѣсь нашелъ я истинные слѣды страшнаго землетрясенїя, коего дѣйствїя хотя и одинаковы были съ тѣми, какїя примѣтилъ я въ *Терръ-Нове*, но въ гораздо вышшемъ степени; ибо видны преужасныя глыбы земли отторженныя отъ обѣихъ краевъ пропасти, одна на другую взвалившїяся и составившїя превеликую гору, запрудившую теченїе рѣкъ, изъ коихъ одна была весьма широка. Если природа и искуство неподадутъ вскорѣ помощи, что бы симъ рѣкамъ, превратившимся нынѣ въ обширныя озера, доставить прежнее теченїе; то вся окрестность угрожается неизбѣжною опасностїю заразительныя болѣзни. Въ другомъ мѣстѣ видна отторженная часть долины, имѣющая многїя десятины въ окружности и покрытая прекрасною жатвою различнаго рода хлѣба, матерыми дубами, масличными, тутовыми и другими въ рядъ насажденными деревами, которыя столь же

хорошо растутъ и въ шакомъ же порядкѣ находятся на днѣ сея пропасти, какъ и тѣ, кои остались на поверхности матерой земли и съ которыми онѣ расли на пять сотъ футовъ выше и почти на три четверти мили далѣе отъ прежняго своего мѣста. Я такъ же видѣлъ въ неповрежденномъ состоянiи вышепомянутый виноградный садъ, обрушившiйся въ пропасть, коея стороны бывъ нынѣ обнажены и утесисты показываютъ, что верхнiе ихъ слои состоятъ изъ красноватой а нижнiе изъ плотной, бѣлой, песчаной и глинистой земли, подобной рыхлому камню. Ударъ, которой получила сiя обширная часть земли отъ сильнаго потрясенiя, умноженнаго можетъ быть парами изходящими изъ огнедышущихъ горъ, дѣйствовалъ по видимому съ большею гораздо силою на сiи нижнiя и толстыя глыбы, нежели на самую обработанную поверхность земли; ибо повсюду, гдѣ я находилъ отдѣленныя и въ пропасть низверженныя части покрытой растѣнiями земли, примѣтилъ, что таковые же нижнiе слои изъ плотной глины состоящiе отброшены на нѣсколько сотъ саженей далѣе и нынѣ безпорядочно одни на другихъ лежатъ въ великихъ глыбахъ, изъ коихъ многiя имѣютъ, какъ выше

сказано, кубической видъ. Поелику же нижняя часть получила гораздо сильнѣйшій ударъ, нежели верхняя и совсемъ отъ оной отдѣлилась; то сія послѣдняя и немогла претерпѣть при низриновеніи своемъ столь великаго потрясенія, которое бы видъ ея преобразило.

Примѣчанія сіи сколь нынѣ ни маловажны, однако могутъ быть полезны при изданіи Неаполитанскою Академіею изображеній. Я самъ, если бы дозволяло время, непреминулъ бы взять съ собою въ Калабрію живописца, дабы исполнить предпріятіе свое съ сугубою пользою. На другой сторонѣ пропасти находится гора изъ такой же иловатой земли состоящая, которая чаятельно во время землетрясенія свирѣпствовавшаго въ долинѣ отторжена позже той, о которой выше упомянуто. Она имѣетъ около 250 футовъ вышины а поперечникъ ея при самомъ нижнемъ основаніи заключаетъ въ себѣ около ста футовъ. Сія гора пренесена на четыре мили отъ мѣста своего и низринута въ пропасть. Сильный дождь, продолжавшійся въ тоже самое время, какъ обрушались разныя полосы земли и упадали торчмя на гору, такъ же свойство землелога сея горы, а особливо ея косвенное положеніе, объясня-

ютъ сей случай, безъ чего извѣстїе полученное въ Неаполѣ о столь дальнемъ ея съ долины преселенїи, почтено бы было за совершенное чудо. Я нашелъ нѣкоторыя на днѣ пропасти прямо стоящїя дерева, низверженныя въ оную изъ близлежащей равнины съ природною своею землею и видѣлъ такъ же превеликїя глыбы земли, отвалившїися отъ обоихъ краевъ пропасти, которыя кажется были размыты и унесены сильнымъ стремленїемъ дождевой воды и кои уподоблялись выметаемой изъ огнедышущихъ горъ лавѣ. Таковое явленїе природы видно такъ же въ *Сантъ-Христинѣ*, недалеко отъ *Оппидо*, между коимъ городомъ, *Казаль-Нуовою* и *Террою-Новою* найболѣе кажется свирѣпствовало 5 Февраля землетрясенїе, котораго дѣйствїе въ другихъ частяхъ нижней Калабрїи, гдѣ находятся низменности, хотя такого же рода было, но несравненно слабѣе. Хижины построенныя для избѣжавшихъ погибели жителей древняго города *Оппидо*, нынѣ разрушеннаго находятся на здоровомъ мѣстѣ разстоянїемъ отъ онаго почти на милю. Здѣсь засталъ я самого владѣльца сея страны *Князя Карїатти*, который употреблялъ всѣ силы для подания помощи несчастнымъ своимъ подданнымъ. Онъ показывалъ мнѣ

двухъ дѣвушекъ, изъ коихъ одна шестьнадцатилѣтняя находилась чрезъ цѣлые одинадцать дней подъ развалинами въ *Оппидо* безъ всякія пищи[14]. Она держала въ своихъ рукахъ дитя пяти или шести мѣсяцовъ, которое умерло въ четвертой день. Сія дѣвушка разсказывала мнѣ обстоятельно о претерпѣнныхъ ею мученіяхъ и говорила, что она видя сквозь малое отверстіе свѣтъ, могла щитать дни, сколь долго была погребена. Въ прочемъ здоровье ея мало кажется повреждено: она пьетъ безъ труда, но твердую пищу съ трудностію проглатываетъ. Другая дѣвушка лѣтъ одинадцати

14 Выдержать одинадцатидневное неяденіе въ столь нѣжныхъ лѣтахъ и слѣдовательно по естеству своему менѣе расположенныхъ къ пренесенію толь долговременнаго воздержанія, находиться сверьхъ того въ столь принужденномъ положеніи и быть тревожиму страхомъ и ужасомъ, имѣя при томъ младенческій трупъ на рукахъ, которой въ семь дней ощупительно долженъ быть уже поврежденъ, и перенесть толь великія трудности, многимъ покажется несобыточнымъ дѣломъ. Однако же оное весьма вѣроятно; ибо въ исторіи врачебнаго искуства находимъ примѣры гораздо должайшаго воздержанія. Рѣдкость же случая неможетъ быть достаточнымъ основаніемъ къ отриновенію онаго. Да намъ и недовольно еще извѣстны пособія природы и расположенія ея дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ. Въ прочемъ проницаніе и обширное свѣденіе г. *Гамильтона* столь

была только шесть дней подъ развалинами, но въ толь тѣсномъ мѣстѣ и въ толь болѣзненномъ положенiи, что одна ея рука прижатая къ щекѣ едва оной насквозь непродавила.

Изъ *Оппидо* продолжалъ я путь свой по сей прекрасной странѣ чрезъ всѣ разоренные города и села даже до *Семинары* и *Пальмы*. *Въ Семинарѣ* домы не такъ разрушены какъ въ *Пальмѣ*, коея положенiе низменнѣе и ближе къ морю. Здѣсь лишились жизни тысяча четыреста человѣкъ, коихъ трупы еще непогребены, такъ какъ и во многихъ мѣ-

Европѣ извѣстны, что никто неможетъ сомнѣваться, что бы пропустилъ онъ какое обстоятельство ко удостовѣренiю себя въ истиннѣ сего произшествiя, тѣмъ паче, что онъ по собственному своему опыту зная склонность сего народа къ странностямъ, былъ всегда остороженъ при неосновательныхъ разсказахъ. Между дѣйствiями долговременнаго голода приводятся здѣсь слѣдующiя: неутомимая жажда, трудность въ глотанiи, отвращенiе отъ твердой пищи и истощенiе силъ. Въ врачебныхъ же сочиненiяхъ описываются еще и другiя дѣйствiя голода, а наипаче слѣпота, которая послѣдовала и при моихъ глазахъ у одной госпожи, подавившейся великою костiю, отъ чего она немогши ни ѣсть ни пить, ослѣпла совсемъ въ пятой день а въ осьмый и умерла. Славный и весьма искусный врачь *Данте* приписываетъ слѣпоту несчастного Графа *Оголино* такому же дѣйствiю голода.

стахъ, кои я проѣхалъ. Во время моего здѣсь пребыванія видѣлъ я при выносѣ двухъ тѣлъ одну женщину, которой никогда незабуду. Она съ прискорбіемъ сидѣла на развалинахъ своего дома и поддерживая слабою рукою преклоненную на колѣни главу свою, сопровождала взоромъ, изъявлявшимъ горесть и болѣзненное чувствованіе, каждое движеніе человѣка, коего заставляла разгребать кучи земли въ печальной надеждѣ найти трупъ любезнаго своего дитяти.

Сей городъ отправлялъ великой торгъ масломъ, и говорятъ, что во время испровержения онаго находилось въ немъ запасено до 4000 боченковъ, кои тогда такъ какъ и всѣ другіе подобные сосуды, бывъ разбиты, сдѣлали масленую рѣку, которая стекла въ море и плавала на поверхности онаго нѣсколько часовъ. Сіе пролитое масло, смѣшавшись съ разсыпаннымъ хлѣбомъ и въ половину согнившими трупами причинило ощутительное поврежденіе въ воздухѣ, угрожающее при усиливающихся нынѣ жарахъ печальнымъ слѣдствіемъ несчастному остатку Палмійскихъ жителей, обитающихъ въ близости своего разоренкаго города. Путеводитель мой увѣрялъ меня, что онъ здѣсь первымъ ударомъ землетрясенія былъ погре-

бенъ подъ развалинами своего дома, а вторымъ непосредственно за онымъ слѣдовавшимъ выше нежели на пятьнадцать футовъ изверженъ. Мнѣ разсказывали многіе примѣры столь нечаяннаго освобожденія, случившіися во всѣхъ мѣстахъ долины, гдѣ землетрясеніе найболѣе свирѣпствовало.

Изъ *Пальмы* поѣхалъ я далѣе чрезъ Баньярскія и Соланскія горы, покрытыя претолстыми дубовыми и другими деревами, растущими здѣсь на каменистой землѣ. Сія дорога неменѣе опасна по страшнымъ буеракамъ возлѣ оной находящимся, какъ и по великимъ разбоямъ нерѣдко тутъ случающимся. Вожатые мои раздѣлились здѣсь на двое для охраненія меня, одинъ ѣхалъ въ переди а другой по зади. Сія узкая дорога во многихъ мѣстахъ завалена камнями и деревами, отторженными отъ горъ землетрясеніемъ и принуждавшими насъ прокладывать новыя дороги не безъ опасности. Правда, что Калабрійскія лошади весьма осторожны и проходятъ стремнины нехуже дикихъ козъ. Среди столь опаснаго пути чувствовалъ я сильное трясеніе земли со стукомъ, подобнымъ тому, каковый производитъ взорванный на воздухъ подкопъ. Мы всякую минуту находились въ опасности

быть разможденными отъ низвергающихся каменныхъ утесовъ, или деревъ висѣвшихъ съ корнями надъ нашими главами.

Оставивъ лѣса Баньярскіе, Синопольскіе и Соланскіе проѣзжалъ я чрезъ богатыя нивы, окруженныя дубравами и кустарниками въ пріятномъ разнообразіи, подобно прекраснѣйшимъ нашимъ садамъ. Сія веселая дорога продолжается многія мили до нѣкоторой возвышенности, отколѣ виденъ Мессинскій маякъ, всѣ берега Сицилійскіе даже до Катаніи, а за оными и самая гора Этна, воздымающаяся до облакъ и представляющая взору прекраснѣйшій и великолѣпнѣйшій видъ, какой токмо себѣ вообразить можно. Оттуда снишелъ я по тропинкѣ между двумя каменными горами даже до башни Поццольской, гдѣ находится загородный домъ и деревня Принцессы Баньярской. Я нашелъ тамъ жителей, одержимыхъ уже падучею болѣзнію, которая при усиливающемся непрестанно жарѣ угрожаетъ опасностію всей прекрасной сей странѣ. Бѣдствіе и зараженный воздухъ, поврежденный произшедшими во многихъ мѣстахъ озерами, родили здѣсь сію болѣзнь. Многіе рыболовы увѣряли меня, что во время землетрясенія въ ночи 5 Февраля былъ въ морѣ пѣсокъ те-

пелъ и что въ разныхъ мѣстахъ вырывался изъ земли пламень. О семъ слышалъ я и во многихъ другихъ мѣстахъ сея страны, и заключилъ, что испаренія восходившія отъ земли во время сильнаго ея потрясенія наполнены были электрическимъ веществомъ, какъ бываетъ дымъ изъ огнедышущихъ горъ во время сильнаго ихъ изверженія; ибо я ненашедъ нигдѣ и никакихъ слѣдовъ лавы, которая бы была извергаема изъ разсѣлинъ земли, удостовѣрился, что всѣ дѣйствія страшнаго землетрясенія происходили отъ стремительнаго проторженія внутреннихъ паровъ. Первый чувствованный здѣсь ударъ былъ оризонтальный, по томъ кругообразный и весьма сильный, но нестоль жестокій, какъ въ долинѣ, *Казаль-Нуовѣ*, *Палистенѣ*, *Пальмѣ*, *Террѣ-Нуовѣ*, *Оппидѣ* и другихъ прилежащихъ къ онымъ мѣстахъ, гдѣ всѣ жители единогласно увѣряли меня, что страшный ударъ 5 Февраля расторгъ нѣдра земли безъ всякихъ предзнаменованій и разрушивъ въ одно почти мгновеніе несмѣтное множество зданій, испровергъ оныя со всѣми людьми, кои въ нихъ заключены были. Да и самая очевидность доказываетъ, что тамъ потрясеніе было несравненно сильнѣе нежели здѣсь, поелику тутъ видны и по днесь многіе

слѣды градскихъ обиталищъ, а тамъ всѣ города и села превращены въ горы или низринуты въ пропасти съ несказаннымъ множествомъ народа и неоставлено нигдѣ ни малѣйшаго слѣда дорогъ или порядочныхъ жилищъ.

Отсюда даже до *Реджіо* окруженъ весь путь прекрасными дачами и дубравами. Здѣсь ни одинъ домъ неразрушенъ до основанія, но всѣ почти много или мало повреждены и оставлены пусты; поелику жители ихъ укрылись въ хижины, которыя они въ скорости здѣлали въ прелестныхъ померанцовыхъ, фиговыхъ и тутовыхъ или шелковичныхъ садахъ, самою природою устроенныхъ. Я былъ въ однонъ таковомъ вертоградѣ, который почитается найлучшимъ во всей сей части древней великой Греціи. Онъ лежитъ почти на полторы мили отъ *Реджіо* и принадлежитъ одному здѣшнему дворянину *Агамемнону*. Нѣтъ словъ для изображенія красоты *Агрумы*. Сіе имя есть здѣсь общее всѣмъ деревамъ, приносящимъ померанцы, апельсины, лимоны, баргамоты и разные иные подобные плоды. Песчаная земля, преизящное положеніе, чистые источники, изъ коихъ вода повсюду чрезъ малые жолобы весьма удобно проводится, споспѣшествуютъ не-

мало красотѣ и плодовитости прелестныя сея страны. *Г. Агамемнонъ* сказывалъ мнѣ, что онъ несчастливымъ почитаетъ тотъ годъ, когда изъ своего саду, который неочень великъ, неполучитъ до двухъ сотъ тысячь лимоновъ и столько же апельсиновъ, кои добротою своею ничемъ неуступаютъ Мальтійскимъ, и несоберетъ такого количества баргамотовъ, чтобъ невыжать изъ оныхъ до 200 вѣдеръ соку. Фиговыя дерева приносятъ здѣсь дважды въ годъ плоды, въ Іюнѣ и Августѣ. Но я обращаюсь паки къ главному своему предмѣту, отъ коего часто отвлекаетъ меня неописанная красота и плодовитость сихъ мѣстъ. При захожденіи солнца прибылъ я въ *Реджіо*, которой нашелъ менѣе поврежденнымъ нежели чаялъ, хотя и совсемъ пустымъ, поелику всѣ жители удалились изъ онаго въ палатки и хижины; однакоже во время путешествія многіе дни продолжавшагося по странѣ, гдѣ все безъ изъятія испровержено, казался мнѣ здѣсь одинъ домъ съ крышкою или одна церковь съ куполомъ своимъ, столь же новымъ какъ и пріятнымъ предмѣтомъ. Жители всея сея окрестности были дѣйствіями землетрясенія столь чувствительно поражены и въ такой страхъ приведены, что многіе

конечно будутъ жить въ своихъ хижинахъ или шатрахъ и тогда, когда землетрясенїе совсемъ прекратится. Хижины же большою частїю здѣсь выстроены весьма худо, а особливо въ сосѣдствѣ городовъ мало разоренныхъ, коихъ жители имѣютъ прїятную надежду возвратиться въ прежнїе свои домы, когда пройдетъ совсѣмъ страшная гроза во ужасъ ихъ приведшая.

Городъ *Реджїо* хотя довольно поврежденъ, но несовсѣмъ разоренъ. Епископъ онаго, человѣколюбивый и рачительный пастырь, при самомъ началѣ землетрясенїя отличился своимъ усердїемъ и благодушїемъ. Онъ употребилъ частїю излишнїя церковныя украшенїя а частїю свои пожитки для вспомоществованїя несчастной своей паствѣ, съ которою онъ всѣ причиненныя землетрясенїемъ бѣдствїя раздѣляетъ противу обыкновенїя своихъ собратїй весьма охотно. Сей великодушный его поступокъ тѣмъ болѣе для меня примѣчателенъ, что я во все время своего путешествїя находилъ мало очень людей благородно мыслящихъ, всюду же напротивъ того обрѣталъ крайнюю лѣность, нерадѣнїе и безпечность, которыя тѣмъ пагубнѣе, что единое токмо совсѣмъ противное сему состоянїе можетъ подать надежду

къ сильному сопротивленію столь великому и всеобщему бѣдствію. Но поелику правленіе неусыпно старается о вспомоществованіи народу въ нынѣшнемъ его состояніи и о предвареніи опаснѣйшихъ еще слѣдствій, то можно надѣяться, что мудрыя его и ревностныя пособія возбудятъ вскорѣ въ семъ народѣ трудолюбіе, толико нужное оному теперь, и безъ коего столь прекрасная и богатая а можетъ быть и самая лучшая въ Европѣ область была бы подвержена совершенному испровержению. Знатнѣйшія отрасли торговли въ *Реджіо* суть: шелкъ, померанцы, апельсины, лимоны и баргамотной сокъ, коего отсюда болѣе ста тысячь вѣдеръ ежегодно вывозится. Кожица сего плода употребляется для корму рогатаго скота, который ѣстъ оную охотно, и коего мясо получаетъ отъ того весьма пріятный запахъ.

Помянутый Епископъ, мужъ великаго почтенія достойный, разсказывалъ мнѣ различныя обстоятельства преждебывшихъ землетрясеній въ 1770 и 1780 годахъ, кои жителей Реджійскихъ, числомъ до 16400 принудили оставить свои домы и удалиться на нѣсколько мѣсяцовъ въ поле, хотя тогда городъ ихъ и непретерпѣлъ великаго повре-

жденія. Народъ въ сихъ мѣстахъ долженствующій имѣть довольно опытности о домашнемъ своемъ бѣдствіи, объявлялъ, что четвероногія животныя и птицы имѣютъ гораздо тончайшее чувствованіе о наступающихъ предзнаменованіяхъ землетрясенія нежели люди. Гуси отличаются въ семъ наиболѣе и бываютъ столь пужливы предъ наступленіемъ удара, что слетаютъ немедлѣнно съ воды, когда на оной сидѣли, и послѣ того ничемъ уже принудить ихъ неможно въ оную скоро войти.

Число мертвыхъ здѣсь нарочито соразмѣрно съ разрушенными зданіями и превосходитъ оныя только сто двадцатью; ибо землетрясеніе 5 Февраля случилось днемъ и произошло ненезапно, по чему жители Реджійскіе имѣли время спастись бѣгствомъ. На противъ того въ равнинѣ, гдѣ оное послѣдовало нечаянно и было при томъ весьма сильно, число мертвыхъ несравненно превосходнѣе и соотвѣтствовало точно ужасному разоренію и испровержению зданій и городовъ. *Реджіо* былъ уже разоренъ прежде войны съ Марсіанами, но опять построенъ *Юліемъ Кесаремъ* и названъ *Реджіо Юліо*. По нынѣ видна еще часть древнихъ его стѣнъ и одна башня называемая *Торро-Юлія*,

воздвигнутая изъ камней ужасной величины плотно сложенныхъ.

На пути отсюда къ мысу *Спартивенто* близъ мѣстечка *Сау-Персето* находятся остатки плавильныхъ заводовъ, которые Его Величество Король Неаполитанскій повелѣлъ построить для выдѣлки серебренныхъ рудъ, добываемыхъ изъ близлежащихъ горъ; но они скоро оставлены, поелику издержка на содержаніе ихъ превосходила цѣну получаемаго съ оныхъ сребра.

Недалеко отъ *Реджіо* есть нѣсколько городовъ, въ коихъ сохраняется и по нынѣ греческой языкъ. Во время моего путешествія по Сициліи лѣтъ за 15 предъ симъ вышелъ я на берегъ при *Спартивентѣ* и проѣзжая чрезъ *Бову* нашелъ, что здѣсь одинъ токмо греческій языкъ и былъ въ общемъ употребленіи.

14 Маія оставилъ я *Реджіо* и противные вѣтры принудили меня приказать оба свои судна тащить быками до самыя стрѣлки *Пецголо* противъ *Мессины*, откуда стремленіемъ воды съ великою скоростію пренесены мы въ самую Мессинскую гавань. Видъ сея пристани и города въ половину разрушеннаго представлялъ при свѣтломъ сіяніи луны поразительное для сердца но

прекрасное по разновидности своей зрѣлище для очей. Подлинно сила землетрясенія хотя въ сей странѣ довольно была велика, однако же въ *Мессинѣ* и *Реджіо* нестоль бѣдственна какъ въ нижней *Калабріи.*

На другой день прибытія своего въ *Мессину* обозрѣвъ я самой городъ, увидѣлъ, что передняя сторона прекрасныхъ и великолѣпныхъ зданій, сооруженныхъ единообразно и по правиламъ самой лучшей архитектуры въ видѣ полулунія на самомъ берегу гавани, частію совсемъ разорены, а частію нѣсколько токмо повреждены. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берега примѣтилъ я превеликія разсѣлины, изъ коихъ многія простирались болѣе нежели на футъ глубины ниже дна морскаго. Сіи разсѣлины произошли по мнѣнію моему отъ оризонтальнаго движенія, которое въ равнинѣ или подолахъ *Терры-Нуовы* и *Оппидо* произвели равное же дѣиствіе и отторгая великія глыбы, какъ выше сказано, низвергало оныя въ пропасть; ибо море здѣсь вдоль берега столь глубоко, что величайшіе корабли у онаго приставать могутъ; по чему земля въ сильномъ движеніи и немогла найти себѣ упору отъ стороны моря и должна была по необходимости разсѣвшись отваливаться.

Сверьхъ того близъ сихъ разсѣлинъ вездѣ видны еще другія нестоль великія но вровень между собою идущія и заставляющія догадываться, что великой вредъ, претерпѣнной зданіями вдоль берега стоявшими, должно единственно приписывать разсѣлинамъ же въ подземныхъ частяхъ ихъ основаній находившимся. Внутри города множество домовъ стоятъ еще цѣлы, а нѣкоторые мало повреждены, да и то въ низменныхъ его частяхъ; въ возвышенныхъ же кажется землетрясеніе непроизвело никакого вреда. Самымъ явнымъ доказательствомъ слабѣйшаго гораздо землетрясенія въ *Мессинѣ* нежели въ нижней части *Калабріи*, служитъ то, что въ монастырѣ святыя Варвары, равномѣрно какъ и въ такъ называемомъ Езуитскомъ *искусѣ*, кои оба лежатъ на холмѣ, непримѣчено ни малѣйшей разсѣлины или трѣщины, и что часы сего послѣдняго непретерпѣли никакого замѣшательства во время всѣхъ землетрясеній, опустошавшихъ сію страну чрезъ цѣлые четыре мѣсяца и нынѣ еще совершенно непресѣкшихся.

Въ прочемъ изъ 30000 жителей находившихся, какъ полагаютъ, при первомъ землетрясеніи въ *Мессинѣ* нелишилось жизни и 700. Я нашелъ нѣкоторые домы обитаемы

и даже двѣ улицы съ открытыми лавками; однако же большая часть народа удалилась изъ города и живетъ внѣ онаго въ палаткахъ и хижинахъ, раздѣленныхъ на три или четыре улицы, коихъ немалая отдаленность по сю сторону невесьма выгодна для торгу. Да и опасаться должно, что бы несчастная *Мессина* при умножающемся лѣтнемъ жарѣ несдѣлалась новою жертвою заразительныя болѣзни, если небудетъ употреблено особливаго раченія къ содержанію новыхъ сихъ жилищъ во всевозможной чистотѣ.

Многія части Калабрійской равнины находятся въ семъ горестномъ положеніи, которое особливо происходитъ отъ вышепомянутыхъ озеръ, составившихся чрезъ запруженіе рѣкъ и коихъ уже вода, какъ я самъ видѣлъ, была зелена и начинала гнить. Здѣсь мимоходомъ долженъ я упомянуть, что монахини живущія нынѣ такъ же въ хижинахъ подъ смотрѣніемъ и защитою своихъ духовныхъ отцовъ, весьма часто прохаживаются. Онѣ показались мнѣ довольно бодрыми, и я думаю, что скоро привыкнутъ къ пріятной вольности, каковую доставилъ имъ необходимой выходъ изъ монастырей. Сіе самое примѣтилъ я и въ разсужденіи многихъ молодыхъ людей, обучающихся въ *Реджіо*,

такъ что въ дневныхъ запискахъ своихъ, изъ коихъ сообщаю сїе къ вамъ извѣстїе, внесъ и слѣдующее примѣчанїе: *землетрясенїе толико пагубное для многихъ состоянїй людей, было выгодно и прїятно для монаховъ и студентовъ.*

Неоднократно слыхалъ я здѣсь, что во время землетрясенїя исходилъ изъ разсѣлинъ произшедшихъ на берегу моря пламень, но немогъ самъ примѣтить никакого явного тому слѣда, по чему и думаю, что сей пламень былъ здѣсь равно какъ и въ *Калабрїи* неиное что, какъ нѣкоторой родъ воздуха горючаго или наполненнаго электрическимъ веществомъ. Особливый случай въ сихъ мѣстахъ оказавшїйся, служитъ новымъ доказательствомъ, сколь долго могутъ жить животные безъ пищи. Двѣ ослицы принадлежавшїя *Герцогу Бельвизо* были погребены подъ развалинами, изъ которыхъ одна по прошествїи 22 а другая 23 дней вытащены; послѣ чего неимѣли онѣ никакого позыву на ѣду, но пили весьма жадно и на конецъ совершенно оправились. Многїе примѣры приводятъ о собакахъ долго бывшихъ въ томъ же положенїи; изъ птицъ одинъ Фазанъ изъ дому Аглинскаго Консула въ *Мессинѣ* былъ заключенъ 22 дни подъ развалившимся

домомъ, и по освобожденіи своемъ первые дни немогъ ничего ѣсть, но токмо пилъ. Онъ былъ весьма тощъ и подавалъ мало признаковъ къ жизни, но нынѣ совсѣмъ бодръ.

Какъ изъ сихъ, такъ изъ вышепомянутыхъ примѣровъ и изъ многихъ другихъ мнѣ разсказыванныхъ явствуетъ, что долгое лишеніе пищи у животныхъ, сопровождается всегда неутолимою жаждою и совершеннымъ лишеніемъ охоты къ яденію. Въ прочемъ всѣ мои изслѣдованія заставляютъ меня вѣрить, что сильное потрясеніе 5 Февраля простиралось изъ нѣдръ земли къ поверхности оной, и что слѣдовавшее по томъ было оризонтально и кругообразно. Особливаго вниманія достойное обстоятельство, примѣченное на всемъ берегу *Калабріи* найболѣе претерпѣвшей, есть слѣдующее: малая рыба, называемая *чичирелли*, много сходствующая съ тою, которую мы по Аглински называемъ *Витъ Бейтъ* и отличающаяся отъ сей въ томъ токмо, что нѣсколько тощѣе оной, держалась обыкновенно во глубинѣ морской; но съ самаго перваго потрясенія показалась на поверхности воды и нынѣ ловится гораздо удобнѣе и въ большемъ несравненно количествѣ противу прежняго, такъ что тогда почиталась лакомствомъ при наилучшихъ

столахъ, а нынѣ служитъ обыкновенною пищею простаго народа. Да и всякая рыба вообще со времени несчастнаго сего происшествія въ большемъ гораздо количествѣ и при томъ удобнѣе ловится. О семъ увѣряли меня единогласно всѣ рыболовы, коихъ я о томъ спрашивалъ, и ихъ отвѣтъ сопровождался всегда такими выраженіями, кои вразумляли меня, что они приписывали сами случай сей великой чрезвычайности. Я догадываюсь, что рыбу выгонялъ со дна моря или жаръ, причиненный подземнымъ огнемъ сопокъ, или безпрерывное движеніе самаго дна, что такъ же весьма много ее устрашаетъ. Ловящіе рыбу удою и неимѣя на оной болѣе червя, выгоняютъ ее обыкновенно изъ подъ берега, топая сильно по оному ногами. Способъ сей мною самимъ извѣданъ и оной производитъ всегда ожидаемое дѣйствіе.

Крѣпость непретерпѣла по видимому никакого вреда и нынѣ въ такомъ же состояніи находится, въ какомъ видѣлъ я оную за 15 лѣтъ предъ симъ. Славная и огромная больница имѣетъ съ набережней и городской стороны трѣщины, произшедшія отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, кои повредили и другія зданія; но пристань осталась въ цѣло-

сти. Комендантъ находившійся здѣсь во время самыхъ сильныхъ дѣйствій землетрясенія, сказывалъ мнѣ, что море съ начала онаго до четвертаго дни сряду воздымалось весьма высоко и волновалось со страшнымъ шумомъ чрезвычайно, и что вода на другой сторонѣ пролива была напротивъ того въ совершенной тишинѣ. Явленіе сіе нетрудно изъяснить изъ проторженія стремительнаго на днѣ морскомъ паровъ, заключавшихся въ полостяхъ онаго и воспріявшихъ по мнѣнію моему начало свое изъ подземныхъ сопокъ.

7 Маія оставивъ *Мессину*, гдѣ оказано мнѣ было всевозможное страннопріимство, продолжалъ путь свой на судахъ вдоль береговъ Сицилійскихъ даже до входа въ проливъ; по томъ вышелъ на берегъ и встрѣтилъ одного священника, который ночью съ 5 на 6 Февраля былъ при затопленіи ужаснымъ валомъ всего мыса и кораблей съ 24 человѣками, и сказывалъ, что едва самъ несодѣлался несчастною жертвою сего вала, по ниспаденіи коего осталось на берегу несказанное множество рыбы и деревъ съ корней вывороченныхъ. Сперьва онъ объявилъ, что вода была очень тепла; но какъ я сталъ спрашивать его подробно о подлинности сего

обстоятельства, изъ коего могъ выводить важныя слѣдствїя, то сказалъ, что точно утвердить неможетъ, была ли тогда теплѣе, нежели какъ обыкновенно бываетъ въ лѣтнее время. Въ прочемъ былъ онъ очевиднымъ свидѣтелемъ, что волны весьма высоко и съ ужаснымъ шумомъ воздымаясь, слѣдовали одна за другою съ толикою скоростїю, что невозможно было спастись бѣгствомъ. Башня высокая на мысѣ до половины разрушена, при чемъ одинъ священникъ въ оной тогда бывшїй лишился жизни.

Отсюда проѣхавъ я чрезъ морской проливъ, прибылъ въ *Сциллу*, гдѣ засталъ прїятеля своего, почтеннаго Доминиканца и хорошаго испытателя природы *г. Минази*, уроженца сего города, коему препоручила Неаполитанская Академїя описанїе явленїй природы, сопровождавшихъ въ сей странѣ землетрясенїя. Отъ его получилъ я совершенное понятїе о вышепомянутомъ страшномъ валѣ, коего самъ Принцъ Сцильскїй содѣлался съ двумя тысячами и пятью стами подданныхъ своихъ несчастною жертвою, и о которомъ сказывали мнѣ здѣсь, что будто бы былъ кипящъ. Здѣсь слѣдуютъ подробныя обстоятельства бѣдственнаго сего приключенїя.

Когда сей Принцъ примѣтилъ, что во время землетрясенія 5 Февраля обрушилась часть каменныя горы при *Сциллѣ* въ море, то опасаясь, что бы вся сія гора, на которой городъ и его замокъ построены, небыла подвержена такому же жребію, повелѣлъ оснастить немедлѣнно нѣсколько кораблей и удалился въ небольшую гавань, окруженную утесистыми горами; но второй ударъ землетрясенія послѣдовавшій скоро по томъ въ самую полночь, разрушилъ основаніе одной превеликой горы, состоявшей частію изъ извести а частію изъ мѣлу, бывшей гораздо выше той, которой часть при Сциллѣ обрушилась и находившейся между башнею *дель-Кавалло* и утесами Сцилскими, которая низвергщись съ неописаннымъ стремленіемъ въ море, находившееся тогда въ совершенной тишинѣ, подняла страшный оный валъ, затопившій вышепомянутой мысъ, называемой стрѣлкою пролива, и отразившійся прямо противу губы, въ которой Принцъ скрывался съ подданными своими, съ толикою силою, что разбилъ всѣ корабли въ щепы и всѣхъ людей на оныхъ бывшихъ потопилъ. Тѣ же, кои небыли на корабляхъ и избѣжали свирѣпства перваго сего валу, были унесены немедлѣнно другими за онымъ слѣдовавшими хотя уже и нестоль сильными.

Я говорилъ со многими людьми разнаго пола и возраста, которые находились не въ дальнемъ разстоянїи отъ сего несчастнаго мѣста. Изъ нихъ нѣкоторые были жестоко ранены, а особливо тѣ, кои захвачены были стремленїемъ воды и унесены въ море. Здѣсь говорилъ одинъ, разбилъ голову о камень, тамъ, говорилъ другой, былъ я сброшенъ въ бочкѣ, тутъ опять, вѣщала со слезами несчастная мать, измождено совсемъ дитя мое камнями и деревами. Въ прочемъ всѣ единогласно говорили, что въ водѣ ни малѣйшей теплоты нечувствовали. Я упоминаю о семъ обстоятельствѣ для того, государи мои, что вы во разныхъ извѣстїяхъ будете читать объ оныхъ увѣренїе, равно какъ и о многихъ трупахъ изверженныхъ на землю со всѣми признаками обжоги и о разныхъ живыхъ людяхъ, которые будто бы обварены кипящею морскою водою. Если бы я при входѣ въ заливъ удовольствовался отвѣтомъ священника и оной внесъ въ свою записную книжку, то рѣдко бы кто усумнился, что помянутый валъ небылъ дѣйствительно кипящъ; но нынѣ зная причины и обстоятельства сего бѣдоноснаго вала, подтвержденныя свидѣтельствомъ многихъ несчастныхъ людей, кои были онымъ сами

покрыты, всякъ будетъ противнаго мнѣнія и неповѣритъ неосновательнымъ слухамъ.

Здѣсь разсказывали мнѣ одинъ случай подлинно удивленія достойный, о истиннѣ коего каждый меня увѣрялъ. Одна беременная женщина была унесена валами въ море. По прошествіи 9 часовъ увидѣли ее въ великомъ отдаленіи отъ берегу, плавающую на спинѣ и спасли живую. Она счастливо разрѣшилась отъ бремени и нынѣ находится совершенно здорова. Я непреминулъ бы говорить съ сею женщиною, если бы она невозвратилась въ свою деревню, которая была отъ меня далеко. Мнѣ говорили, что она была искусна въ плаваніи, такъ какъ и многія другія женщины въ сей части *Калабріи*, но что тоска ея и мученіе были уже столь велики, что она въ ту самую минуту, когда судно ее спасшее къ ней приближалось, хотѣла опустить голову въ воду, и предать себя самопроизвольно смерти для пресѣченія нестерпимыхъ мукъ. Отецъ *Моннази* разсказывалъ мнѣ другое странное приключеніе, случившееся въ здѣшней же окрестности, и коего подлинности былъ онъ самъ свидѣтелемъ. Молодая дѣвушка лѣтъ восемьнадцати была днемъ погребена подъ развалинами одного дома и въ то время раз-

битая бочка упала ей на ногу и на згибѣ совсѣмъ почти оную отдавила. Пыль и известь удержали кровь, нога отпала и рана совершенно сама собою зажила безъ всякой посторонней помощи. Если бы собирать всѣ обстоятельства о чудесномъ такъ сказать спасенiи отъ смерти многихъ Калабрiйскихъ и Сицилiйскихъ жителей, то можно бы составить изъ оныхъ толстую книгу; но я почелъ за нужное внесть сюда однѣ токмо тѣ, кои были для меня поразительны и о истиннѣ коихъ получилъ я самыя вѣрныя доказательства.

На обратномъ своемъ пути въ *Неаполь*, куда прибылъ я 23 числа, ѣхалъ я вдоль береговъ обѣихъ Калабрiй и мимо княжества *Цитры*, и выходилъ на сухой путь токмо при *Тропеи*, *Павлѣ* и *Пальмирской губѣ*. *Тропею*, на каменистой горѣ лежащую и имѣющую весьма прiятное положенiе, нашелъ я немного поврежденною, хотя всѣ жители ее оставили и находятся нынѣ въ шалашахъ. Тоже самое обрѣлъ я и въ *Павлѣ*, гдѣ рыболовы увѣряли меня, что они съ начала несчастнаго для страны ихъ приключенiя все еще ловятъ рыбу въ великомъ множествѣ. 15 Маiя чувствовалъ я въ *Тропеи* сильное землетрясенiе, которое однако же недолго про-

должалось. Во время всего своего путешествія чувствовалъ я оныхъ пять, изъ которыхъ три ночью были довольно страшны, а въ бытность мою въ *Мессинѣ* примѣтилъ непрестанное но весьма легкое колебаніе земли, которое было чувствуемо и многими тамошними жителями.

Я сообщаю вамъ государи мои несвязное и въ скорости изъ дневныхъ моихъ записокъ составленное описаніе; но думаю, что если бы начертаніе сіе нестоль скоро и нетаковымъ, каково оно нынѣ есть, послалъ, то самое лучшее для онаго время протекло бы въ прекращеніи собраній ученаго вашего общества, по возобновленіи коихъ былъ бы предмѣтъ сей не съ лишкомъ уже новъ. Въ такомъ случаѣ долженъ я былъ избрать изъ двухъ неудобствъ меньшее. Въ прочемъ таковыя описанія, сколь бы недостаточны ни были, имѣютъ такъ какъ въ живописи преимущество первыхъ начертаній и свойственное имъ выраженіе, которое часто въ выработанной картинѣ теряется. Кромѣ же сего, если вы пріймете во уваженіе усталость чувствуемую мною оконченнаго теперь токмо путешествія, и что я среди приуготовленій къ завтрешнему моему отъѣзду въ Англію, составляю для васъ сіе описаніе, то ласка-

юсь, что неоткажете мнѣ въ своемъ снисхожденіи.

Но прежде нежели васъ оставлю государи мои, желаю представить здѣсь заключенія изъ сдѣланныхъ мною въ *Калабріи* и *Сициліи* примѣчаній и предложить вамъ основанія, заставляющія меня думать, что общая причина нынѣшнихъ здѣсь землетрясеній есть расторженіе нѣдръ земныхъ внутренними електрическими или иными парами, заключенными въ весьма глубокихъ ихъ полостяхъ, которое послѣдовало или въ глубинѣ морской между островомъ *Стромболи* и берегами Калабрійскими, или въ той части равнины, гдѣ находится *Оппидо* и *Терра-Нуова*, т. е. если вы по размѣру чертежа Италіи раздвинете на 23 мили циркулъ и одну ножку его поставивъ на *Оппидо*, въ коемъ кажется мнѣ землетрясеніе было самое величайшее, опишете другою кругъ, то въономъ будутъ заключаться всѣ города, мѣстечка, села и иныя обиталища совершенно разрушенныя, коихъ жители всѣ почти погибли, и гдѣ поверхность земная совсемъ въ новой видъ преобразилась. Котда же раздвинете вы циркулъ на 71 милю и опишете отъ прежнія же точки, т. е. отъ *Оппидо* кругъ, то оной будетъ занимать все то простран-

ство земли, которое было въ движенїи и слѣды онаго оставило. Я примѣтилъ, что какъ поврежденїе зданїй такъ и число лишившихся жизни находится въ точномъ соотвѣтствїи съ ближайшимъ или дальнѣйшимъ разстоянїемъ отъ сего принятаго мною средоточїя, и что изъ двухъ равно отъ онаго отдаленныхъ городовъ, изъ которыхъ одинъ стоялъ на холмѣ а другой на равнинѣ или въ лощинѣ, послѣднїй несравненно болѣе, нежели первый разоренъ. Довольно убѣдительное по мнѣнїю моему доказательство, что причины землетрясенїя должно искать въ самыхъ нѣдрахъ земли.

Я такъ же думаю, что поелику дно морское ближе находится къ горнилу горючаго вещества, образующаго и составляющаго горы и почитаемаго мною за причину землетрясенїй; то мы увидѣли бы тамъ несравненно еще большїя перемѣны нежели на твердой землѣ, если бы могли взорами своими туда проникнуть. Но множество описанїй находящихся уже можетъ быть въ печати, представятъ дѣло сїе совсемъ съ другой стороны; и поелику мудрецы неохотно оставляютъ старыя свои положенїя, то будутъ и при семъ случаѣ утверждать, что послѣднее землетрясенїе произошло отъ

высокихъ Аппенинскихъ горъ *Деіо*, *Кавлоне* и *Аспра-Монте*[15]. Здѣсь хотѣлъ бы я токмо ихъ спросить, вѣрятъ ли они, что *Эолскіе* или *Липарскіе* острова, которые произошли конечно изъ глубины морской чрезъ огненныя изверженія и въ различныя и весьма мо-

15 Тѣ, кои принимаютъ, что нынѣшнія землетрясенія въ Калабріи произошли отъ *Аппенинскихъ* горъ примыкающихся къ равнинѣ, основываютъ кажется свои догадки на великомъ разореніи оныя; но таковое ихъ основаніе неимѣетъ надлежащей твердости; ибо принявъ съ г. *Гамильтономъ*, что море заключающееся между *Сициліею*, *Липарскими островами* и берегами *нижней Калабріи* было истиннымъ средоточіемъ потрясеній, легко понять можно, что воспламенившееся горючее вещество разпространилось на подобіе звука въ кругахъ вровень между собою разширявшихся и достигши даже до *Аппенинскихъ* горъ, нашло здѣсь непреодолимое сопротивленіе и отразилось по необходимости такъ, что изъ двухъ противуположенныхъ движеній долженствовало произойти то великое въ помянутой долинѣ, которое оную опустошило и преобразило. Такимъ образомъ если волны бурнаго моря разбиваются объ утесистые берега, и отразясь съ тѣми встрѣчаются, кои имъ послѣдуютъ, то ударяются между собою съ такимъ стремленіемъ, которое производитъ гораздо большіе валы, нежели на открытомъ морѣ, гдѣ движеніе ихъ свободно. По сей причинѣ и стараются всегда во время сильной бури убираться въ открытое море несколько для избѣжанія утесистыхъ береговъ, сколько для того, что волны тамъ нестоль сильны, какъ при берегахъ онаго.

жетъ быть между собою отдаленныя времена, получили начало свое отъ Аппенинскихъ горъ въ Италіи или отъ минеральныхъ жилъ кроющихся подъ моремъ въ нѣдрахъ земли. Страшная гора *Стромболи* непрестанно огнемъ покрытая и самые новые острова отстоящіе на пятьдесятъ миль отъ береговъ *Калабріи* и чувствовавшіе дѣйствіе землетрясенія, объясняютъ удовлетворительно сіи явленія. Да и возможно ли принять, что бы трясенія простиравшіяся изъ нѣдръ земли къ ея поверхности и нанесшія толь великое разореніе несчастнымъ жителямъ равнины, могли произойти изъ горъ *Деіо*, *Кавлоне* и *Аспра-Монте*?

Словомъ сказать, я думаю, что причина сего землетрясенія есть таже самая, отъ которой произошли прежде *Эолскіе* или *Липарскіе* острова, и что на днѣ моря между *Стромболи*, какъ мнѣ весьма вѣроятно кажется, и *Нижнею Калабріею*, гдѣ по общему объявленію былъ слышенъ подземный звукъ, могло содѣлаться отверстіе, назначенное природою для основанія новаго острова или огнедышущей горы, которая чрезъ нѣсколько вѣковъ, кои для оной суть единое мгновеніе, возникнетъ; ибо хотя она неутомимо работаетъ, однако же дѣйствія ея столь тихи,

что мы слабые смертные оныхъ надлежащимъ образомъ ни созерцать, ниже въ теченіе многихъ вѣковъ собрать и совокупить неможемъ. Да и кто знаетъ, не всѣ ли перемѣны мною здѣсь описанныя, суть единыя дѣйствія заключенныхъ въ землѣ паровъ, произходящихъ отъ броженія минеральнаго вещества, составляющаго пищу волкановъ или сопокъ, кои отверзши себѣ проходъ тамъ, гдѣ найменѣе обрѣли сопротивленія, то есть въ низменныхъ мѣстахъ или подолахъ, потрясли оныя стремительною своею силою гораздо болѣе нежели горные хребты, чрезъ кои проторгнуться немогли.

Если Королевская Неаполитанская Академія издастъ свое описаніе, которое будетъ объяснено чертежами, планами и изображеніями достопамятнѣйшихъ явленій, такъ же и всѣхъ описанныхъ здѣсь мѣстъ; то и мой трудъ, сколь ни несовершенъ, достигнетъ тогда настоящей своей пользы; ибо безъ рисунковъ весьма трудно быть во всемъ вразумительнымъ такъ какъ должно. Въ прочемъ препоручая себя и сіе письмо въ ваше благоволеніе, пребываю.

Гамильтонъ.

П. Б.

Разсужденіе

о невѣріи

и пагубныхъ онаго слѣдствіяхъ.

Трудно бы было повѣрить, что бы въ толь просвѣщенномъ вѣкѣ, каковъ есть нашъ, могло существовать невѣріе, если бы человѣки небыли нынѣ вообще легкомысленны и преданы роскошѣ и чувственнымъ увеселеніямъ. Оно нетолько что возрасло тамъ, гдѣ давно было извѣстно, но проникло уже и въ тѣ страны, гдѣ прежде его незнали; ибо удовлетворять сколько можно и безъ раскаянія всѣмъ своимъ желаніямъ и невѣрить наказаніямъ будущей жизни, есть правило долженствующее имѣть столько же послѣдователей, какъ и самый порокъ, къ которому оное препровождаетъ. Утверждаясь на писателяхъ, паче славныхъ по ихъ соблазнамъ нежели по красотѣ ихъ слога, маловѣры, вольнодумцы и кощуны дерзаютъ разрушать богопочитаніе, и каждый распутный чело-

вѣкъ имѣетъ своего оракула, коего онъ почитаетъ первымъ изъ смертныхъ. Но коль безумно ихъ дерзновенїе и коль слабы ихъ доводы! Я ненамѣренъ въ семъ разсужденїи достизать до истинны путями философическими: но хочу только представить дѣятельныя слѣдствїя невѣрїя, растлѣнїе нравовъ и многочисленныя бѣдствїя имъ производимыя, которыя постигли бы и весь человѣческїй родъ, естьли бы оное могло возторжествовать надъ истинною и принудить ее такъ сказать вознестись паки на небо. Надлежало бы нелюбить ни Бога ни человѣковъ, чтобъ взирать съ равнодушїемъ на пагубные плоды произращенные своевольствомъ разума въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно получило побѣду. *Шавтесбури* и *Белъ* могутъ разцвѣтить умозрительное невѣрїе и описать общество невѣрующихъ столь добродѣтельнымъ, сколь имъ угодно: свѣтлость ихъ красокъ придастъ можетъ быть нѣкоторую прїятность ихъ живописи; однако она никогда неполучитъ отъ нихъ достоинства правдоподобїя. Сїе подтверждается разумомъ и испытанїемъ, и я предложу вкратцѣ доказательства почерпнутыя изъ сихъ двухъ источниковъ.

Несчастный сочинитель *разсужденїя о блаженной жизни* явилъ роду человѣческому су-

щественную услугу, когда онъ сброся съ себя личину представилъ явнымъ образомъ, каковъ есть невѣрующїй и какїя суть естественныя слѣдствїя онаго умозрѣнїя, которое до него столько старались въ нашихъ очахъ украсить: „Блаженство, говоритъ онъ „есть достоянїе каждаго чоловѣка; всякъ „имѣетъ на оное право и долженъ его искать тамо, гдѣ оно есть. Оно столько же „принадлежитъ беззаконнику, какъ самому „лучшему и добродѣтельнѣйшему изъ всѣхъ „человѣковъ. Утѣхи любви вкушаемыя съ „простою чувствительностїю животныхъ и „нѣжное раздраженїе чувствъ суть наше „истинное и единственное благо. Оно само „собою можетъ составить наше блаженство „независимое ни отъ чести, ни отъ одобре- „нїя нашихъ собратїй; но для приобрѣте- „нїя онаго потребно убѣгать добродѣтели, „сей строгой высокоумницы: она въ самомъ „существѣ есть нечто иное какъ мечта, „дщерь искуства и вымысла; чужеземное расте- „тѣнїе, котораго природа въ сердцахъ на- „шихъ непосаждала. Раскаянїя съ толикимъ „упорствомъ насъ преслѣдующїя и докучли- „вая совѣсть, суть единственный плодъ по- „лученныхъ нами во младенчествѣ впечат- „лѣнїй и посѣянныхъ въ немъ предразсудковъ.

„Надлежитъ невнимать ихъ гласу и дотолѣ „заглушать совѣсть, доколѣ она нелишится „силы скучать намъ своими укоризнами. „Нѣтъ никакого признака бытїю Бога и уже „доказано, что будущая жизнь есть совер-„шенная ничтожность. И такъ намъ нѣ-„чего страшиться; одно только есть суще-„ство, могущее смутить наше блаженство: „палачь. Сего только судїи мудрецы должны „остерегаться, тѣ самые мудрецы, для ко-„торыхъ нѣтъ въ прочемъ ничего страш-„наго ни на поверхности земли, ни въ ея „безднахъ.„

Естьли бы невѣрїе столько усилилось, что учинилось бы владычествующимъ закономъ, то превращенїе повсемственнаго умозрѣнїя въ дѣятельность было бы неотмѣнно первымъ слѣдствїемъ таковой перемѣны. Невѣрующїе живутъ нынѣ въ принужденномъ положенїи подъ властїю царей и въ сообществѣ съ другими людьми, вѣрующими въ Бога и неодобряющими смертоубїйства, кровосмѣшенїя, отравленїя и другихъ кратчайшихъ путей ко храму щастїя; но естьли бы вся Европа приняла сїе ученїе, естьли бы новый *Фламинїй* сталъ велегласно народамъ проповѣдывать: *вы свободны; вы избавлены отъ сего Бога, котораго страшились: живите впредъ по-*

слѣдуя вашимъ желанїямъ: помыслите, какой бы вселенная приняла образъ? каждый человѣкъ возлюбилъ бы себя одного съ изключенїемъ прочихъ. Онъ сталъ бы взирать на всѣ предмѣты, яко собственно ему принадлежащїе, коль скоро призналъ бы себя въ силахъ оные получить, а ихъ способными усугубить его блаженство: уже онъ былъ бы освобожденъ отъ всякаго долга къ своимъ родителямъ, чадамъ, братїямъ и согражданамъ; уже необязанъ бы былъ однихъ содержать и воспитывать, къ другимъ наблюдать почтенїе, а прочимъ оказывать услуги и вспоможенїе. Какъ нынѣ мыслитъ *ла Метри*, такъ бы тогда мыслили тысячи, что я говорю? всѣ человѣки. Естьли бы начертанїе его было употреблено въ дѣйствїе, то всѣ узы общества навсегда бы разторглися. Развѣ одно только любленїе забавъ составляло бы еще нѣкоторый родъ союза между обоими полами, но союза недолговременнаго и непостояннаго. *Пантеоновъ жрецъ* произнесъ бы можетъ быть еще установленїе о наложничествѣ двухъ любомудрствующихъ противу совѣсти, которыя бы дотолѣ почитали себя соединенными, доколѣ бы мужъ ненашелъ прекраснѣйшей женщины, а жена лучшаго любовника. Растлѣнїе нравовъ возпламенитъ

сверьхъ того родителя къ дочери, а брата къ сестрѣ своей: они небудутъ находить никакой препоны и вскорѣ сіи неистовыя страсти произведутъ въ каждомъ сѣмействѣ непримиримѣйшія ссоры: погаснетъ въ сердцахъ дѣтей почтеніе къ отцамъ и матерямъ, уничтожится и родительская власть надъ чадами. Красавица просвѣтившаяся чрезъ оную мудрость, какія будетъ имѣть чувствованія ко своимъ дѣтямъ? къ симъ дѣтямъ, которыя суть безпокойное для нее бремя, препятствующее ей наслаждаться другими любовными узами, и кои станутъ съ докукою требовать отъ нее пищи и призрѣнія? Она поступитъ съ ними такъ, какъ поступали съ подобными имъ въ Римѣ, Аѳинахъ и Китаѣ. Они предадутся въ снѣдь дикимъ звѣрямъ, а мать ихъ знающая болѣе любомудріе, нежели вскармливающая щенковъ своихъ сука, полетитъ нетратя времени повергнуть себя паки въ объятія любострастія.

Дитя всего менѣе должно полагаться на нѣжность своихъ родителей. Лишатъ ли они себя тѣхъ денегъ, за кои могутъ препроводить цѣлую ночь въ забавахъ? пожертвуютъ ли ими для утоленія слезъ вопіющаго въ колыбелѣ младенца или для доставленія

сему взросшему юношѣ наставника рѣдкихъ достоинствъ? найдутъ ли отцы въ *Ламетріевомъ уложеніи* такой законъ, которой бы ихъ къ исполненію сего обязывалъ? Достигнетъ ли сынъ какимъ либо случайнымъ образомъ до совершеннаго возраста? онъ отложится отъ повиновенія ко своему родителю: ему потребно удовлетворять собственныя свои желанія: онъ будетъ употреблять всякія средства къ полученію тѣхъ денегъ, въ коихъ родитель для одинакихъ съ нимъ причинъ ему отказываетъ. Въ сѣмействахъ произойдетъ вѣчное несогласіе. Сынъ укрѣпляется въ силахъ, между тѣмъ какъ отецъ отъ невоздержанія и старости ослабѣваетъ. Здѣсь открывается новое зрѣлище. Сей старикъ, скажетъ сынъ, препятствуетъ мнѣ веселиться и отдаляетъ отъ меня мое удовольствіе. Естьли бы его небыло, я могъ бы щеголять въ наилучшихъ одеждахъ, могъ бы нравиться сей прелестной женщинѣ, имѣть роскошную трапезу и восхищать слухъ свой самыми лучшими Италіанскими голосами. Чтожъ возбранитъ сему благоразумному сыну освободить себя отъ врага его благополучія?

Безбожники могутъ быть равно какъ и всѣ человѣки подвержены болѣзнямъ и же-

лать въ таковомъ случаѣ отъ сожительствующихъ съ ними вспоможенія, призрѣнія, благосклонности и терпѣнія, въ коемъ найбольшую имѣютъ нужду. Но какъ они осмѣлятся ласкать себя сею надеждою? Безпокойный человѣкъ! возгласитъ его господствующая наложница, когда я освобожусь отъ него навсегда! и се готовится ему жребій Американскихъ дикарей; онъ погибаетъ безъ помощи; ибо какая нужда до его жалостнаго состоянія другимъ людямъ, которые ни о чемъ, кромѣ собственнаго удовольствія непомышляютъ?

Возможно ли ожидать, чтобъ симъ новымъ мудрецамъ извѣстна была сладость дружества? Я согласенъ въ томъ, что найдутся между ими други такъ сказать затрапезные, сотоварищи въ роскоши; но самая малѣйшая корысть, споръ о предпочтеніи и несогласіе во мнѣніяхъ немедлѣнно разторгнутъ и сіи слабые узы. Коль скоро человѣкъ увидитъ въ другѣ своемъ соучастника только въ его забавахъ, то онъ съ такою же удобностію можетъ его возненавидѣть, съ каковою любилъ его. Малѣйшее несходство вкусовъ довольною будетъ причиною къ разрыву таковаго союза. Когда же ни въ чемъ другъ другу непрощаютъ, когда

неоказываются взаимныя услуги и неуважается вѣрное соблюденіе таинства, когда нечувствуютъ въ себѣ разположенія къ пожертвованію своими правами во удовольствіе или утѣшеніе друговъ своихъ, тогда дружество существовать неможетъ.

Младенецъ приходитъ въ сиротство; онъ лишается подпоры, буде только имѣлъ оную въ своемъ родителѣ. Кто пожелаетъ заступить его мѣсто? милосердіе упразднено невѣрующимъ купно со всѣмъ тѣмъ, что называется отъ него предразсужденіемъ. Сирота, безпомощный странникъ, нищій отъ глада истаевающій, всѣ сіи нещастные умрутъ на разпутіи.

Можетъ быть отрѣшатся и таинства бракосочетанія; но хотя бы обрядъ сей и удержался, то какого удовольствія надлежитъ ожидать въ такомъ соединеніи, въ которомъ одинъ находитъ болѣе услажденія со всякою другою, нежели съ своею подругою, которая чрезъ долговременное съ нимъ сожитіе, уже ему наскучила; между тѣмъ какъ сія почитаетъ равнымъ образомъ себя разрѣшенною отъ храненія къ супругу своему вѣрности и любви, коль скоро перестаетъ въ томъ находить свое удовольствіе. Новое ученіе дѣйствительно разру-

шаетъ всякіе узы. Я обѣщаю: но для чего мнѣ исполнять мною обѣщанное? вѣрность моя въ содержаніи моего слова, не есть добродѣтель; слѣдовательно и разрывъ моихъ обязательствъ недолжно почитать порокомъ. Таковая исправность есть нечто иное какъ безуміе и смѣшное хвастовство, коль скоро оная препятствуетъ моему благополучію; а невѣрность становится единственнымъ моимъ долгомъ, коль скоро она творитъ меня щастливѣйшимъ.

Купли, продажи и всякія торговыя дѣла будутъ между ими безпрестаннымъ поводомъ къ коварствамъ и какимъ только можно вообразить обманамъ. Да для чего и необманывать? чрезъ поддѣланіе своего товара буду я пить лучшее вино и имѣть лучшій ужинъ: я обманъ признаю за должность, ибо отъ онаго зависитъ моя прибыль. Всѣ Китайцы обвиняемые въ беззаконіи, нетолько слѣдуютъ сему ученію, но даже явнымъ образомъ и на дѣлѣ оное исполняютъ.

Произойдетъ ли между сими мудрецами споръ о какомъ либо стяжаніи? съ какимъ жаромъ каждый будетъ защищать свои права! все его поощрять станетъ а ничто необуздывать. Положимъ, что будутъ между

ими и судіи: но они незная ни гражданскаго права, ни чести, ни божества, захотятъ достигнуть щастія, не чрезъ добродѣтель или, какъ они говорятъ, мечтательную честь, но чрезъ настоящее благо и увеселеніе. Для чего же симъ непредубѣжденнымъ судіямъ непредпочитать подкупливающихъ ихъ дарами и несодѣлывать щастливѣйшими тѣхъ, кои сами споспѣшествуютъ ихъ благополучію?

Гордость единаго раздражаетъ и оскорбляетъ гордость другаго: роскошь одного изъ сихъ человѣковъ ищетъ своего удовольствія въ тѣхъ же самыхъ предмѣтахъ, въ коихъ соперникъ его располагается онаго же искать для себя; завистливый сосѣдъ, самовластно разширяетъ предѣлы земли своей, ненависть и мщеніе производятъ взаимное между всѣми несогласіе, каждый смертный желаетъ всѣмъ обладать и на все имѣть право: каждый становится врагомъ всѣхъ прочихъ. Ядъ истребляетъ сего безпокойнаго родственника; кинжалъ наемнаго убійцы уничжожаетъ злобу обидчика или мщеніе обиженнаго: кого найболѣе будутъ имѣть причину опасаться, того и станутъ почитать величайшимъ врагомъ.

Скудный и обремененный своею нищетою нещастный игрокъ, тунеядецъ, находящійся при наступленіи ночи безъ дѣла, человѣкъ распутнаго житія, слѣдовавшій всегда побужденіямъ природы и изтощившій всѣ способы къ ихъ удовлетворенію; всѣ сіи люди вооружась пистолетами пойдутъ на большую дорогу доказывать первому прохожему, что онъ неимѣетъ права на собственныя свои деньги. Судія же по слабости или по недостатку въ добродѣтельныхъ подчиненныхъ, отъ скупости или по безпечности своей о всемъ томъ, что возмущаетъ общественное спокойствіе, отвратитъ очи свои или раздѣлитъ добычу съ ворами. Съ другой стороны частный человѣкъ разточающій плоды своихъ трудовъ въ роскошахъ будетъ стараться чрезъ утаеніе пошлинъ или чрезъ продажу подложныхъ товаровъ и чрезъ явные обманы награждать оныя издержки, которыя причиняютъ ему пиршества, зрѣлища и гульбища.

Во всѣхъ состояніяхъ жизни увидятъ равные непорядки: господинъ отъ своего служителя, а владѣлецъ отъ своихъ подданныхъ потребуютъ нетолько того, что они въ силахъ исполнить, но часто и невозможнаго. Служители же и подданные станутъ

со своей стороны съ нераченіемъ исправлять свои должности или какъ можно неисправнѣе платить поземельную подать, будучи удостовѣрены, что ихъ господинъ или владѣлецъ неимѣетъ на нихъ другаго права, кромѣ своего могущества. Коль же скоро любомудрый народъ или войско причастное симъ таинствамъ почувствовали бы, что силы ихъ превосходнѣе силъ военачальника или государя, то сіе познаніе неумедлило бы оказать съ силою свое дѣйствіе.

Государь, скажутъ, будетъ судить, наказывать и увѣрять оныхъ умствователей мечемъ или висилицею, что несравненно выгоднѣе для ихъ самихъ быть честными людьми и жить сходственно съ правилами закона нежели вопреки онымъ. Но къ чему возлагать ему не себя таковый трудъ? къ чему послужитъ ему толь важное попеченіе? незанятъ ли онъ нужнѣйшими дѣлами? недолжно ли ему веселиться? не должно ли ему искать верховнаго своего блага въ роскошѣ, въ оныхъ забавахъ, кои онъ можетъ столь скоро пріобрѣтать и перемѣнять на другія неменьше пріятныя? Естьли онъ любочестиваго духа, то недолжно ли ему итти съ перуномъ въ рукахъ по слѣдамъ славы, единственнаго его кумира? какое огорченіе

можетъ ему причинить погибель нѣсколькихъ тысячь машинъ пожертыхъ для уравненія того пути, по коему должна шествовать его торжественная колесница? просвѣщенный умъ его весьма ясно видитъ ничтожность правосудія и весьма чувствуетъ безуміе добродѣтели. При дворѣ его присудствуютъ изобрѣтатели новыхъ забавъ и подражатели его вкуса; кто болѣе другихъ раболѣпствуетъ, тотъ вѣрно можетъ надѣяться взойти на высочайшую степень, лишъ бы только онъ продолжалъ служить ко удовольствію своего Государя. Онъ никогда непомышляетъ о основаніи училищъ для осовершенствованія разума, а еще менѣе о такихъ, гдѣ исправляютъ нравы. Почто употреблять Государю свои сокровища на доставленіе счастія другимъ, а не себѣ? Министръ, военачальникъ и судія поступаютъ по мѣрѣ ихъ власти согласно съ видами Государя, а народъ будетъ платить то количество денегъ, за которое вельможи увольняются отъ наказанія за ихъ притѣсненіе, и напослѣдокъ военачальникъ отрицающій Бога скажетъ: что значитъ Государь? на чемъ права его основаны? и кто мнѣ повелѣлъ ему повиноваться? Извѣсто, что безбожникъ столько же уважаетъ присягу,

сколько вѣрою просвѣщенный человѣкъ клятвы, данныя имъ по принужденію Нептуну или Апполону. Таковая система произведетъ то, что Государь будетъ отвсюду ядомъ и мечемъ угрожаемъ; ибо кто изъ подданныхъ непозавидуетъ наслажденію всѣхъ его вожделѣній?

Пусть онъ окружаетъ себя полкомъ тѣлохранителей; пусть многочисленныя и благоустроенныя войски будутъ содержать подданныхъ повинующихся ему недобровольно, въ порабощеніи; но кто его защититъ отъ собственной его стражи и военачальника любимаго многими тысячами ратниковъ; отъ сильнаго народоправителя приобрѣвшаго довѣренность въ порученной ему области? Въ третьемъ столѣтіи *Римъ* а въ нашихъ временахъ *Персія*, довольно доказываютъ, сколь слабую надежду можетъ Государь возлагать на свои войски, когда однажды прервутся узы между имъ и его подданными. Зданіе государства разстроеннаго во всѣхъ его частяхъ, весьма близко къ паденію. Какой *Арбазъ* или *Мирвей* или *Гальба* довершитъ погибель сей любомудрствующей Монархіи. *Сарданапалъ*, *Неронъ* и *Боргія*, были таковые мудрецы и государи, какъ въ умозрѣніи такъ и дѣятельности.

Всѣ сіи черты сняты съ самой природы: краски мои весьма еще слабы противу тѣхъ, каковыми бы надлежало быть для изображенія таковыхъ предмѣтовъ. Я имѣю въ *Римѣ*, *Алжирѣ*, *Персіи* и еще въ ближайшемъ отъ меня разстояніи подлинниковъ своего описанія.

*У*же довольно, уповаю, доказано, что сія новая премудрость есть гибель общежитія. Она каждого человѣка заставляетъ имѣть предмѣтомъ собственное только благополучіе и благополучіе совершенно плотское. Она безпрестанно полагаетъ силы всѣхъ человѣковъ въ противоположеніи долженствующемъ, какъ уже и самъ *Гоббезій* чистосердечно въ томъ признался, произвести между всѣми войну и несогласіе.

Вѣра производитъ совсѣмъ тому противное: она совокупляетъ всѣ сіи силы и всѣ многоразличныя помышленія во едино къ признанію богосущности. Повинуясь ея законамъ, мы должны верховное сіе существо любить паче всего, а нашего ближняго, яко самихъ себя. Какое неизчерпаемое сокровище премудрости и милосердія, возстановляющее блаженство рода человѣческаго и поспѣшествующее повсемѣстному благу!

Откровенїе научаетъ насъ, что мы созданы не для единаго только сего мїра: благи онаго предопредѣлены къ нашему искушенїю; мы должны вкушать ихъ умѣренно и не съ лишкомъ прилѣплять къ нимъ свои сердца, по тому что должно наконецъ ихъ оставить; для насъ предуготованъ духовной мїръ, откуду изгнаны чувственныя увеселенїя и въ которомъ мы должны неотмѣнно упразднить въ себѣ всѣ чувствованїя подлаго любочестїя предъ лицемъ Бога, въ мїрѣ духовъ, въ коемъ неинако учинимся причастными блаженству, какъ по безпредѣльному милосердїю, имѣющему подкрѣпить нашу слабость.

Въ здѣшнемъ мїрѣ, мы всѣ другъ другу братїя. Намъ повелѣно творить для ближнихъ своихъ то же самое, что бы мы стали творить ради самого Бога, естьли бы онъ благоволилъ явиться въ видимомъ образѣ и естьли бы восхотѣлъ потребовать отъ насъ помощи. Таковая мысль превосходитъ все то, что человѣческое краснорѣчїе ни представляетъ намъ трогательнѣйшаго и убѣдительнѣйшаго. Отъ сего сокращеннаго основанїя вѣры, произтекаютъ всѣ гражданскїя добродѣтели. Естьли бы онѣ во всей точности соблюдаемы были, то блаженство

мїра было бы естественнымъ и непремѣннымъ онаго слѣдствїемъ. Сравнимъ христїянское общество съ безбожническимъ въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, кои предъ симъ были описаны. Бракъ двухъ Хрїстїянъ есть позорище любви и кротости: одинъ долженствуетъ помогать нести бремя другому: сильнѣйшїй недолженъ употреблять во зло свое могущество, а слабѣйшїй обязанъ повиноваться; никакая посторонняя прелесть недолжна колебать супружескїя вѣрности; старость нетолько неослабляетъ взаимной между двумя Христїянами нѣжности, но еще можетъ оную усугубить. Чѣмъ болѣе они въ добродѣтели возрастаютъ, тѣмъ паче другъ друга любятъ и почитаютъ. Дѣти для Христїянъ суть драгоцѣнный залогъ благости Бога, поставившаго ихъ нѣкоторымъ образомъ на свое мѣсто, будучи общимъ отцомъ всѣхъ смертныхъ. Они же на противъ того почитаютъ своихъ родителей, яко наставниковъ, опредѣленныхъ къ нимъ отъ Бога. Родительская любовь награждается со стороны чадъ искреннею признательностїю. Долгъ и природа совокупно составляютъ нѣжнѣйшїй и прїятнѣйшїй союзъ, каковый только можно представить, въ каждомъ сѣмействѣ.

Конфуцій говорилъ весьма справедливо, что блаженно было бы государство, естьли бы каждое сѣмейство наблюдало порядокъ; естьли бы всѣ граждане были соединены одинакими видами и естьли бы всѣ общества взаимно содѣйствовали чрезъ повиновеніе къ достиженію до высочайшаго источника благоустройства. *Конфуцій* ничего подобнаго невидѣлъ въ теченіи своея жизни; но сіе прекрасное позорище непремѣнно бы имѣло воспослѣдовать и еще въ лучшемъ образѣ, нежели въ каковомъ оно представлялось въ мысляхъ его, коль скоро бы утвердило всюду христіянство свое владычество. Служащій Христіянину есть его братъ; онъ обязанъ оказывать ему всякую благосклонность, всякое правосудіе, всякія вспоможенія, каковыхъ его состояніе требуетъ. Слуга таковаго господина можетъ ли нелюбить его? Богъ повелѣваетъ ему почитать своего господина и исполнять все то, что возлагается на него, не какъ работу, но яко подвигъ предписанный ему и для него приличный. Торговля получаетъ отъ христіянства довѣріе, а чрезъ то и безопасность, которую никакой законъ даровать ей неможетъ. Христіянинъ и во глубинѣ ночнаго мрака назирается окомъ несравненно священ-

нѣйшимъ того, которое стрежетъ безбожника т. е. око его царя. Самый тайный залогъ умершаго друга, залогъ ни кому неизвѣстный, неможетъ поощрить его къ нарушенїю вѣрности. Могу ли я учинить толь великое зло для того токмо, что онаго никто невидитъ? Продамъ ли я своему легковѣрному другу подложный товаръ или возьму съ него лишнюю цѣну, по тому только, что онъ незнаетъ его доброты или имѣетъ въ немъ крайнюю нужду? Согласно ли сїе будетъ съ вѣрою повелѣвающею мнѣ нежелать того другому, чего я себѣ нежелаю? Промѣняю ли я вѣчность за малое количество денегъ, которыми можетъ быть недолго буду пользоваться.

Судїя или правитель почитаетъ свою власть такимъ начальствомъ, которое препоручено ему отъ Бога на краткое время и за кое онъ будетъ непремѣнно награжденъ или наказанъ. При таковомъ сердца его расположенїи всякая собственная корысть отъ него удаляется, равно какъ и всякое желанїе промѣнять вѣчную награду на минутное удовольствїе. Онъ безъ малѣйшаго принужденїя будетъ правосуденъ, исправенъ, немздопрїимчивъ: онъ подвизается предъ очами верховнаго своего владыки, которому извѣ-

стины даже и самыя сокровенныя его помышленія. Царь на престолѣ своемъ спокоенъ. Всѣ его подданные созерцаютъ въ немъ образъ Бога снизшедшаго на землю, видимый источникъ стройности, свѣтило гражданскаго общества. Онъ посредствомъ полученнаго имъ сіянія въ состояніи освѣщать міръ пространныя окружности. Его благочестіе и богобоязливость вперяютъ въ тысячи человѣковъ тѣже самыя чувствія, каковыми онъ преисполненъ: ни малѣйшее желаніе къ мятежу невозстаетъ въ сердцахъ его подданныхъ. Всѣ сіи выгоды проистекаютъ изъ одного источника. Богъ въ откровеніи своемъ положилъ нашему любочестію предѣлы, которые укрощая ненасытимую страсть къ стяжанію честей и забавъ показываютъ намъ блаженство, внушающее въ насъ къ онымъ презрѣніе. Тайному побужденію влекущему тѣло наше къ забавамъ а душу къ славѣ, полагаетъ божественное откровеніе предѣлъ. Тако быстрая рѣка заключенная въ берегахъ своихъ поспѣшествуетъ судоходству непотопляя полей.

Теперь остается намъ только предварить нѣкоторыя возраженія, кои легко бы могли соблазнить слабыхъ людей имѣющихъ попол-

зновенїе къ невѣрїю. Христїянскїя области, говоритъ безбожникъ, дѣйствительно ли столько изобильны въ добродѣтельныхъ человѣкахъ? Меньше ли язычники были премудры и добродушны? Китай непричастный христїянской вѣрѣ непредставляетъ ли намъ весьма нравственнаго и благоучрежденнаго государства? Когда же сїе справедливо, то чѣмъ превозносится откровенїе, которое нетворитъ людей лучшими, и чѣмъ возможно упрекнуть невѣрїю, которое непрепятствуетъ быть имъ добрыми?

Правда, что Римъ и Грецїя имѣли такихъ мужей, кои возпламененны будучи чистѣйшимъ славолюбїемъ творили достохвальные подвиги для блага своего отечества. Они мужественно сражались, праведно судили, смѣло говорили въ собранїяхъ и украшались множествомъ другихъ внѣшнихъ добродѣтелей къ пользѣ ихъ сограждан. Со всѣмъ тѣмъ нынѣшнїе безбожники едва ли могутъ воспользоваться противу насъ сими примѣрами. Уже по ихъ правиламъ сїи великїе мужи были столько же малоумны, какъ и Христїяне; ибо какъ сїи трудятся для приобрѣтенїя въ небесахъ вѣчныя жизни, такъ равномѣрно и тѣ бывши объяты таковымъ же изступленїемъ подвизалися въ

томъ намѣреніи, дабы учиниться безсмертными въ памяти человѣковъ; для сея мечты отвергали они роскошь, главнѣйшую цѣль человѣка, сіе прелестное добро, которое даровало бы имъ блаженство совершенное. Сверьхъ же того сіи мужи были небезбожники: добродѣтельнѣйшіе изъ язычниковъ признавали божество, пекущееся о смертныхъ и взирающее на ихъ дѣянія; казалось, что умы ихъ уже освѣщаемы были зарею истиннаго свѣта. Мы включаемъ въ число сихъ *Антонина*, *Эпиктита* и *Сократа*. Самые Римляне во времена *Полибія* соблюдали еще такое къ богамъ благоговѣніе, что немогли обрѣсти ни одного человѣка, которой бы возхотѣлъ отважиться принять ложную присягу.

При всемъ томъ много еще недоставало, чтобъ *Римъ* и самыя *Аѳины* могли похвалиться такими добродѣтелями, которыя подлинно способны учинить народъ или человѣка благополучнымъ; когда Римляне были еще свободны, тогда ихъ добродѣтели имѣли главнѣйшимъ своимъ предмѣтомъ благосостояніе государства. Всѣ Римскіе граждане были объяты симъ заблужденіемъ будто ихъ отечеству предопредѣлено имѣть владычество надъ міромъ. Но симъ Римлянамъ, а еще болѣе Грекамъ недоставало мно-

гихъ весьма важныхъ добродѣтелей: они были мстительны и почитали ненависть и утѣсненіе враговъ своихъ за добродѣтель. Обвиненія, тяжбы съ недоброжелателями или родственниками были обыкновеннѣйшія пути, по которымъ младые Римляне шествовали къ славѣ. Вражды между сѣмействъ неимѣли предѣловъ. Сынъ неподвергая себя безчестію немогъ оставить безъ мщенія того, который былъ врагомъ его родителя. Сіе хотя и непроизвело поединковъ, кои пріяли свое начало уже въ позднѣйшія времена на Сѣверѣ, но было источникомъ мятежей и междоусобій. Римляне какъ кажется незнали милосердія и призрѣнія бѣдныхъ: подаянія и благотворительныя учрежденія суть плоды новѣйшихъ временъ и христіянства. Знатнѣйшіе между ими были свирѣпы и немилосерды ко своимъ непріятелямъ. Одинъ Царь подвергшись ихъ плѣненію осужденъ былъ на смерть купно со своими сынами и невинною дщеріу, которую по ужасному обыкновенію палачь прежде лишилъ чести, а по томъ жизни. Правила господствовавшія въ Римѣ еще неразвращенномъ, были большею частію несправедливы; онѣ владычествовали во всѣхъ совѣтахъ и позволяли утѣснять тѣ самые народы, которыхъ онъ принималъ подъ

свое покровительство: самоубійство было родъ позволеннаго своевольства, а самое чрезмѣрное любочестіе было нетолько похвальнымъ качествомъ, но душею героевъ. Знаменитѣйшіе изъ Римлянъ питали въ себѣ тщеславіе и высокомѣріе. Посланіе отъ *Цицерона* къ *Луцію* останется вѣчнымъ доказательствомъ, до какой степени любомудрѣйшіе и разумнѣйшіе мужи въ семъ случаѣ себя позабывали. Свирѣпое истребленіе многихъ невольниковъ употреблявшихся въ мечебойцы бывало однимъ изъ главнѣйшихъ его увеселеній и служило при пиршествахъ предмѣтомъ ликованія. Подкидываніе младенцовъ знатнѣйшаго происхожденія для уменьшенія разходовъ и наконецъ рабство были обыкновенія противнѣйшія человѣчеству и означавшія всѣхъ нечувствительность. Кратко сказать: римскія добродѣтели весьма будутъ неважны, естьли выключить изъ оныхъ мужество и пламенную ревность къ возвеличиванію Рима, называвшагося *вѣчнымъ* или *безсмертнымъ градомъ*.

Китай совсѣмъ нетаковъ, каковымъ его представляютъ намъ Езуиты, движимые собственного пользою, да и никогда таковымъ небылъ. *Ансонъ*, *Риній*, *Жантиль* и другіе просвѣщенные и безпристрастные пу-

тешественники описали оной естественно. Напрасно вольнодумцы причисляютъ *Китайскихъ ученыхъ* къ безбожникамъ. Императоръ ихъ покланяется Богу небесъ и весь народъ признаетъ сїе за священную истинну, что *Тїенъ* или верховное существо имѣетъ попеченїе о человѣкахъ. Китайцы приняли законы и постановленїя отъ первыхъ своихъ Императоровъ, отъ премудраго *Iена*, *Iу-янга* и другихъ государей, кои сколько я могъ открыть, придержалися первоначальнаго закона. Они покланялися одному Богу, творцу, хранителю и судїѣ всѣхъ человѣковъ. Сей законъ устроилъ тамъ безпримѣрной порядокъ. Самовластїе и строгое надзиранїе переходитъ отъ Императора къ его градоправителямъ, отъ оныхъ ко градскимъ судїямъ а отъ сихъ наконецъ къ старшему въ сѣмействѣ, который пользуется въ домѣ своемъ полною властїю, наблюдая при томъ и совершенное повиновенїе къ своимъ начальникамъ. Оныя и еще другїя правила совокупясь съ природною робостїю народа содержатъ сїе пространное государство въ довольно спокойномъ и незыблемомъ состоянїи. Новые государи, покорившїе мало по малу сей малодушный народъ нашли воономъ самовластїе весьма согласнымъ съ ихъ выгодами, равно какъ и способнымъ къ обу-

зданію многочисленнаго народа, который стократно превосходилъ число своихъ побѣдителей, и къ содержанію его подъ сноснымъ игомъ. Но въ чемъ состоятъ плоды толь славимыхъ законовъ и толь похваляемаго нравоученія? Во множествѣ пороковъ съ весьма малымъ числомъ добродѣтелей. Китаецъ трусливъ, лживъ, преданъ мщенію, корыстолюбивъ, обманщикъ и невоздерженъ. Правда, что онъ вѣжливъ, трудолюбивъ, важенъ и показываетъ по внѣшности кроткаго человѣка: но коль малы суть сіи добродѣтели въ разсужденіи вышереченныхъ пороковъ!

Здѣсь вольнодумецъ упрекнетъ меня преступленіями Христіянъ, онъ приведетъ на память почести набожнаго двора цареградскаго, развращеніе господствующее въ Римѣ и обыкновенные пороки въ другихъ странахъ. *Г. Бель* уже исполнилъ сію укоризну и должно признаться, что она нѣкоторымъ образомъ разительна. Разсмотрите, говоритъ онъ намъ, слѣдствіе христіянства: въ одну четверть часа Ишпанецъ молится и умерщвляетъ, набожный Италіянецъ приводитъ врага своего къ исповѣди и лишь только совершитъ онъ молитву, пронзаетъ сердце его кинжаломъ. Христіяне говорятъ, что они чаютъ вѣчныя жизни и что оная

есть главною цѣлію всѣхъ ихъ трудовъ и желаній: но посмотрите на нихъ прилѣжно: ищутъ ли они другаго чего, кромѣ денегъ, честей и забавъ? развѣ не того же самого ищутъ и безбожники? Такимъ образомъ безбожникъ и христіянинъ имѣютъ существенно одинакія правила; дѣйствія же откровенія обрѣтаются только въ словахъ и обрядахъ.

Сіе возраженіе кажется быть довольно сильнымъ, но только съ перваго взгляда. Христіянство во всѣ времена оказывало свое могущество и всегда возрастало въ добродѣтеляхъ соразмѣрно съ благочестіемъ. Первые Христіяне были всегда образцами любви, милосердія, смиренія и отверженія. Да невозможно имъ было инаковыми и быть; ибо они пребывали во всегдашнемъ ожиданіи и непоколебимомъ разположеніи жертвовать жизнію и всѣми земными благами, о коихъ другіе человѣки столь воздыхаютъ. *Плиній младшій* есть первый тому свидѣтель; да и самые Христіяне смѣло вызывали своихъ гонителей употребить самыя строжайшія изысканія, дабы найти между ими хотя одного, который бы обличенъ былъ въ какомъ либо порокѣ. По чему, доколѣ они пребывали истинными Христіянами, дотолѣ подвизалися

въ добродѣтели далѣе извѣстныхъ предѣловъ человѣчества. Любить своихъ враговъ, жертвовать за истинну своею жизнїю, предаваться безъ сопротивленїя неистовой злобѣ своихъ судей и самой смерти, суть дѣйствительно неприродныя въ сердцѣ человѣческомъ добродѣтели и которыхъ даже премудрѣйшїе язычники отнюдь незнали.

Правда, что въ послѣдствїи времени, сердца ихъ заразились мщенїемъ и любочестїемъ, да и въ такое при томъ время, когда по видимому уста ихъ отверзались только на изьясненїе пламеннаго къ Богу усердїя. Многочисленное и сильное Христїянъ общество простерло столь же далече, а можетъ быть еще и далѣе, нежели Римляне смертоубiйство и всѣхъ родовъ гоненїя. Едва ли можно найти въ цѣлой исторїи такое кровопролитїе, которое могло бы сравниться съ учиненнымъ въ день с. Варѳоломея, какъ по числу и знаменитому званїю жертвъ, такъ и по вѣроломству ихъ смертоубїйцъ: и сей самый однакожъ день увѣковѣченъ и прославленъ отъ мнимаго Христова намѣстника и удостоенъ явныхъ свидѣтельствъ одобренїя и радованїя. Любочестїе, скупость и неправедныя дѣла находятся во всѣхъ обществахъ и государствахъ:

но все сїе нимало непослужитъ къ оправданїю стороны безбожниковъ, а много воспользуетъ нашей. Суевѣрїе есть врагъ закона, почти столь же опасный какъ и невѣрїе. Сїе даетъ развращенїю человѣка полную свободу; понеже утверждаетъ, будто нѣтъ Бога наказующаго, а первое производитъ тоже самое, заставляя думать, что можно угодить Богу суетными обрядами и внѣшнимъ прилѣпленїемъ къ тому, что оно истинною церковїю именуетъ. То и другое равно удаляетъ человѣка отъ Бога. Безбожникъ отказывается въ платежѣ долга, а суевѣръ думаетъ заплатить оный маловажными вещами. Но какая нужда закону, что суевѣрїе достойно таковыхъ укоризнъ? Можетъ ли оный отвѣтствовать за преступленїе врага своего?

Правота въ торговлѣ, супружеская вѣрность, родительское чадолюбїе, дружество, милосердїе, правосудїе, повиновенїе къ начальству, хотя оное и часто бываетъ во зло употребляемо, ненарушимая вѣрность между ратниками; всѣ сїи добродѣтели господствуютъ еще и по днесь между тѣми, кои христїянству привержены. Сколько еще питается неимущихъ! сколько призирается бѣдныхъ! сколько воспитывается и обучается

сиротъ! сколько мстительныхъ желанїй, сколько любострастныхъ склонностей погашено въ сердцахъ живымъ чувствїемъ совѣсти и симъ важнымъ воспоминанїемъ, что есть Богъ! И сколько людей, кои по сей сильной причинѣ несмотря на ихъ поврежденїе, суть еще добрые граждане, вѣрные супруги, чадолюбивые родители, ревностные и полезные для отечества своего судїи. Владычество добродѣтели еще бы болѣе между человѣками разпространилось и очистилось, естьли бы между ими болѣе истинныхъ Христїянъ находилось; естьли бы они глубже начертавали въ сердцахъ своихъ истинны, открытыя священнымъ писанїемъ; естьли бы неослабляли въ самихъ себѣ силу божественныхъ обѣтовъ и прещенїй самовольнымъ пренебреженїемъ всѣхъ способовъ предопредѣленныхъ ко утвержденїю вѣры. Сравненїе двухъ епохъ одного государства послужитъ для насъ сильнымъ тому доказательствомъ.

Въ царствованїе великой *Королевы Елисаветы*, и даже въ позднѣйшїя времена въ Англїи почти небыло маловѣровъ: превосходнѣйшїе того столѣтїя умы, какъ то *Веруламъ* и долго спустя послѣ его *Милтонъ* были исполнены величайшаго къ Богу

благоговѣнія. Тогда Аглинскій народъ, былъ бережливъ, уединенъ, трудолюбивъ, храбръ, щедръ, страннопріимчивъ, жалостливъ и во всемъ наблюдалъ благоустройство. Тогда Англія превосходила могуществомъ своимъ *Филипа II* и *Папу*. Тогда она славилась мореплаваніемъ, просвѣщеніемъ, оружіемъ, торговлею, и имя сего благополучнаго народа, которому всѣ прочіе удивлялись, достизало до самыхъ краевъ извѣстнаго міра. На конецъ наступило время, въ которое вольнодумцы одержали по нещастію преимущество, т. е. въ царствованіе *Карла II*. Тогда все, что имѣло отношеніе къ вѣрѣ, стало предмѣтомъ посмѣянія или возраженій: *Рочестеръ* прежде еще своего обращенія, *Гоббъ* и *Дриденъ* были любимцы двора и народа. Невѣріе скоро перешло отъ престола къ дворянству, а отъ сего и до черни разпространилось. Чтожъ отъ того произошло? Сильное и всеобщее развращеніе. Уединеніе и цѣломудріе, раченіе о сѣмейственномъ благосостояніи, довѣріе въ торговлѣ, любовь къ отечеству, порядокъ въ доходахъ, всѣ добродѣтели примѣтнымъ образомъ исчезли и оставили страну, въ которой уже страхъ Божій болѣе негосподствовалъ. Развращеніе получило удивитель-

ные успѣхи. Нещастные браки, несогласія въ сѣмействахъ, обманъ и разточеніе, словомъ, всѣ пороки умножились до чрезмѣрности. Вольный *Троглодитъ* мыслитъ и дерзаетъ говорить: какая мнѣ нужда до безопасности той секты, которыя правилъ я неприемлю? Къ чему мнѣ пещись о свободѣ и благѣ моего отечества? пускай оно разрушится до основанія, лишъ бы только я на развалинахъ его могъ возвыситься и удовлетворить своему любочестію.

Все, что ни существуетъ добраго въ самыхъ развращенныхъ земляхъ и даже въ умахъ беззаконниковъ, есть плодъ христіянства. Они со всемъ своимъ могуществомъ находятъ множество до нихъ еще изданныхъ учрежденій, коихъ неотваживаются отмѣнить ради того, что всякъ видитъ въ нихъ много добраго и полезнаго для государства. Да и сами они чрезъ полученное ими воспитаніе или чрезъ разныя сочиненія, коихъ чтеніе искусные писатели умѣли учинить привлекательнымъ, находятся еще упоенными нравственными умоначертаніями, отъ коихъ подобно *Эпикурову* послѣдователю *Лукрецію* освободить себя немогутъ. Стыдъ принуждаетъ ихъ скрывать свое развращеніе, и воспрещаетъ имъ представить оное въ

настоящемъ видѣ свѣту, который по ихъ мнѣнію недовольно еще просвѣщенъ. Между тѣмъ однакожъ какъ наши отважные мудрецы вооружаются противу всего того, что утверждаетъ божественныя правы, всего, что имѣетъ нѣкоторое владычество надъ человѣкомъ, напрягаютъ всѣ свои силы разрушить преграды къ злу и стараются о истребленіи всякаго страха и всей надежды; остается еще во всѣхъ состояніяхъ множество истинныхъ христіянъ, коихъ просвѣщеніе препятствуетъ тьмѣ утвердить свое владычество. Между законодателями сего народа *Аптельтонъ* и *Вестъ* посвящаютъ свои дарованія на разпространеніе истинны; и мы можемъ представить въ особѣ первой степени, каковою только смертные могутъ ласкаться и близъ самаго престола просвѣщеннѣйшаго почитателя правды, предъ коего неотважутся предстать порокъ и невѣріе.

Послѣ учиненнаго нами изображенія владычествующаго развращенія, удобно возчувствовать, колико нужно, чтобъ любящіе человѣковъ и свое отечество и безпрестанно вопіющіе о возрастающемъ невѣріи, употребляли всевозможные способы къ отвращенію отъ себя, сограждан и чадъ своихъ опасности имъ угрожающей. Недолжно

ли каждому христіянину возбуждать и усугублять всю свою ревность ко утвержденію своего сѣмейства, своихъ друзей и всѣхъ вообще въ вѣрѣ, дабы и потомство наше обрѣло христіянъ? Малое число земныхъ владыкъ, непозабывшихъ еще, что они получили вѣнецъ и верховную власть отъ Бога, недолжно ничего того упускать, что можетъ спосиѣшествовать къ разположенію сердецъ всѣхъ ихъ подданныхъ въ пользу вѣры, отъ коей блаженство ихъ зависитъ. Они удобно могутъ сіе учинить, когда будутъ особенно покровительствовать добродѣтель; когда будутъ оказывать къ маловѣрамъ презрѣніе и даже отлучать оныхъ отъ всякихъ гражданскихъ должностей; когда здѣлаютъ важныя учрежденія до сего принадлежащія въ церквахъ и училищахъ, и когда будутъ осмотрительны въ избраніи министровъ, судей и всѣхъ тѣхъ, кои должны имѣть нѣкоторое начальство.

Необязаны ли и ученые мужи посвящать отличныхъ своихъ дарованій тому, который есть оныхъ Творецъ? и недолженъ ли каждый христіянинъ употреблять всѣ свои силы ко изторженію изъ собственнаго своего сердца сѣмени зла, представя тѣмъ невѣрію торжественный примѣръ сего истин-

наго христїянства, предъ коимъ языческїе боги и суетныя разсужденїя мудрецовъ исчезаютъ яко мракъ нощи при возшествїи лучезарнаго солнца.

изъ сочиненїй Албрехта Галлера.

Гимнъ

чувствительности.

Удалитеся отъ меня хладныя и нечувствительныя души; не для васъ пѣсни мои устроены. Я вѣщаю языкомъ слуху вашему непонятнымъ. А ты, дщерь небесъ, чистѣйшая поезія, оставь на время лазоревые своды и сниди одушевить меня. Сниди, руководствуй необыкшую мою десницу по струнамъ сея лиры. Пѣснь моя достойна управляема быть тобою. Въ восторгѣ меня одушевляющемъ хочу я прославить чувствительность, лучь существа высочайшаго, сію добродѣтель, подругу смертныхъ, составляющую единственно благополучіе наше, и которая одна разсѣваетъ цвѣты по стезямъ сея жизни.

Пусть угрюмые мудрецы почитаютъ тебя мечтою и вымысломъ, пусть, внимая гласу хладнаго и слабаго разума простираются они во мрачности своего изступленія даже до того, чтобъ сомнѣваться и о бытіи твоемъ. Ахъ! что могутъ тебѣ вредить разсужденія ихъ. Нещастные! они уже довольно наказаны тѣмъ, что тебя непоз-

наютъ, а ты, ты можешъ нестрашиться воплей зависти. Но что я говорю? ты еще должна симъ гордиться и твой вѣнецъ не столько бы прекрасенъ и блистателенъ былъ, когдабъ ты неимѣла завистниковъ.

Такъ, ты единственно влечешъ человѣка, чтобъ онъ любилъ своего ближняго; ты едина можешъ утѣшить его въ трудахъ и вспомоществовать ему сносить великодушно мученія назначенныя ему въ сей жизни. Тобою только дерзаетъ онъ еще подобиться сему всеобщему началу, которое сотворило его и оживотворило божественнымъ своимъ дуновеніемъ. Поистиннѣ, слабое и скорогиблющее твореніе приближается ко Творцу своему способностію любить, а болѣе того способностію дѣлать добро.

Тщетно смертные порабощенные заблужденію и ослѣпленные страстьми хотятъ изгнать тебя отъ лица земли; тщетно вооружали они противу тебя мечь тирановъ и хитросплетенія мудрецовъ. Ты восторжествуешъ надъ своими врагами. Чистѣйшій лучь происшекшій отъ существа высочайшаго, ты пребудешъ вѣченъ, яко твое начало; ты уже блисталъ при первомъ восхожденіи лучезарнаго солнца, и когда оно погрузится во мракѣ вѣчной нощи, ты еще пребудешъ.

Все земное, блеснувъ на нѣсколько минутъ преходитъ. Человѣкъ раждается, живетъ, умираетъ, другой за нимъ послѣдуетъ; богатый и бѣдный, утѣснитель и утѣсняемый, владѣтель и рабъ, всѣ подвластны всеобщему закону: все преходитъ: въ будущую весну я уже неувижу той же пріятной зелени, которая нынѣ столько меня восхищаетъ: другая зелень возрастетъ уже на ея мѣстѣ. Такъ, все въ природѣ напоминаетъ мнѣ, что я смертенъ.

Но чувствительность долговѣчнѣе всѣхъ племенъ: убѣгаетъ время, протекаютъ вѣки и они погружаются въ бездну вѣчности; она едина непоколебима: смертная коса сильна разлучить меня съ моими пріятелями; но неможетъ она принудить меня ихъ забыть. Они вѣчно будутъ жить въ моей памяти. Пусть судьба обременитъ меня своими ударами, пусть она соберетъ ихъ всѣхъ совокупно на главу мою, я умѣю противу ихъ вооружиться и мое великодушіе непоколеблется. И чего страшиться, когда я паду отъ сихъ пораженій? безсмертіе встрѣтитъ меня въ самыхъ объятіяхъ смерти. Такъ, несмотря на ужасную мрачность гроба, я буду жить въ сердцахъ моихъ друзей.

Едва оставимъ мы младенческія лѣта, чувствительность, сія благотворительная волшебница беретъ насъ подъ власть свою и открываетъ удивленнымъ нашимъ чувствіямъ вселенную со всѣми ея прелестями. Ахъ! я немогу безъ сожалѣнія вспомнить сіи щастливыя минуты цвѣтущей моей младости. Тогда я былъ добросердеченъ, дружелюбенъ и чувствителенъ по склонности, любилъ весь человѣческій родъ и небылъ къ нему недовѣрчивъ, я всѣхъ почиталъ добродушными, я судилъ о нихъ по себѣ самомъ.

Тогда зло было для меня неизвѣстно и оно для меня несуществовало еще. Я былъ благополученъ, и мое щастіе питалось всѣмъ, что только встрѣчалося моему взору. О Боже! почто сіе мирное и невинное состояніе было толь скоротечно? Почто тѣже самыя вещи непроизводятъ во мнѣ больше прежняго впечатлѣнія? Тогда все меня веселило. Ясное небо, птичье гнѣздо, цвѣтокъ, все занимало мою душу, и она въ своемъ избыточествѣ изливалась со удовольствіемъ во грудь моихъ подобныхъ.

Но когда печальнымъ опытомъ узналъ я, что такое зло, когда разсудокъ открылъ мои очи и когда увидѣлъ я свѣтъ и людей

уже не такими, какими воображенїе мнѣ ихъ представляло, но каковы они въ самой вещи суть; тогда здѣлавшись умнѣе, но не такъ щастливъ, научился я недовѣрять моему ближнему. Я сталъ нетакъ добродушенъ, нестоль чувствителенъ, нестоль щастливъ: ибо мнѣ надлежало заключать себя въ самомъ себѣ и примѣчать поступки людей въ то самое время, когда я горѣлъ желанїемъ предать имъ всю мою душу.

Тако при возвращенїи весны, видимъ мы въ нашихъ садахъ младое деревцо, спѣшащее распуститься. Обольщенное сладостнымъ лобзанїемъ зефира, оно разверзается и стремясь наслаждаться бытїемъ, котораго нетерпѣливо ожидало цѣлую зиму, предается первымъ лучамъ восходящаго солнца и надѣется, что можетъ уже разпростерть свои вѣтьви. Нещастное! коль дорого заплатитъ оно за свою неосторожность! почто недождалось оно времени, чтобъ разлить свои соки, когда созвѣздїе овна явится въ небесномъ поясѣ. Стремительный Австръ уступившїй животворнымъ дуновенїемъ благотворительнаго вѣтра опять возвращается во время нощи, онъ возвращается сопровождаемъ жестокимъ хладомъ, раждающееся деревцо чувствуетъ себя снѣдаемымъ отъ пронзитель-

наго мраза, соки его прерываютъ свое теченіе. Тогда, но уже поздно, оно зжимается. Уже нѣтъ цвѣтовъ, и нѣтъ плода. Оно преклоняетъ свой верхъ, изсыхаетъ, и то, что служило украшеніемъ садовъ, теперь презрѣнно и поникло низу, и его вѣтьви обезображены и увядши, размѣтаны по землѣ, которую должны были покрывать своею тѣнію.

Тако въ цвѣтущихъ моихъ лѣтахъ чувствовалъ я пожирающее дыханіе самолюбія, прибытка и другихъ беззаконій, воспящающихъ въ сердцѣ моемъ сладостное чувствованіе влекущее меня ко изліянію души моей. Я видѣлъ, какъ чудовище раздора потрясало пагубоносными своими крилами и разсѣвало на семъ земномъ шарѣ сѣмена ненависти и разногласія. Оно носилось въ воздухѣ и утѣшалось взирая на свои жертвы, и потрясая при томъ своимъ пламенникомъ старалось возжечь всю вселенную. Увы! я зрѣлъ тогда человѣка приносящаго ближняго своего на жертву гнусному прибытку надъ нимъ владычествующему. Я примѣтилъ, что человѣкъ непочитаетъ человѣка своимъ братомъ, но видитъ только въ немъ своего врага. Нещастіе одного служило благополучіемъ другому. Волшебная тогда завѣса пала, и я во-

зопилъ: премилосердый Боже! возврати мнѣ первое мое невѣжество, оно мнѣ любезно, и естьли премудрость снискивается только цѣною почтенія отъ подобныхъ себѣ, то никогда неудостой меня оныя.

Пріятныя мечты юности моея! возвратитесь и возвратите мнѣ первую мою чувствительность и какъ младенца качайте меня до гроба въ колыбелѣ обольщающихъ вашихъ заблужденій. Почто свѣтильникъ истинны меня озаряетъ? Его блистаніемъ я ослѣпляюсь и сожалѣю о мракѣ, въ которомъ пребывалъ. Какъ! я принужденъ буду презирать тѣхъ, которыхъ влекло меня любить сердце? Нѣтъ, сіе чувствіе неовладѣетъ моею душею; оно ужасно, и я немогу о немъ помыслить безъ трепета. Ахъ! возвратися тщетная но утѣшительная мечта! возвратися и я скажу: чувствительность моя мнѣ пріятна, она единственно влечетъ меня любить подобныхъ мнѣ, она виною, что и они меня любятъ и она едина можетъ составить мое блаженство.

перевелъ Е. К. съ французскаго сочиненія Графа . . . Бутурлина.

Разговоръ Петра Великаго съ Лудовикомъ Четвертымъ надесять

сочиненный г. Литтельтономъ.

Лудовикъ. Кто бы могъ помыслить, что бы вы учась корабельному искуству на Голландскихъ и Аглинскихъ верфяхъ могли приобрѣсть имя *Великаго* столь справедливо, какъ я?

Петръ. Кто изъ насъ оное справедливѣе заслужилъ, время покажетъ. Самъ же я признаю великость свою въ томъ, что вамъ кажется низко.

Лудовикъ. Достоинство Государя недолжно подвержено быть толикому уничиженiю. Я съ своей стороны всегда стараюсь показаться въ очахъ подданныхъ своихъ или чужестранцовъ во всемъ блескѣ царскаго величiя.

Петръ. Есть ли бы я сидѣлъ на престолѣ Россiйскомъ во всей вашей пышности, такъ какъ предшественники мои, то конечно бы былъ боготворимъ отъ народа своего столько, сколько вы отъ Французовъ. Мое самовластiе простиралось бы тогда далѣе

надлежащихъ предѣловъ, а рабство моихъ подданныхъ было бы низко до крайности. Но въ то время я не въ состоянiи бы былъ перемѣнить ихъ худыхъ обычаевъ; я открылъ имъ науки, просвѣщенiе, мореходство и военное искуство и преобразилъ ихъ изъ звѣрей въ человѣковъ. Отличная сила моего духа въ разсужденiи другихъ Государей оказывалась въ томъ, что я нимало непочиталъ за уничиженiе или умаленiе своего величiя сойти съ престола, удалиться и работать на чужестранныхъ морскихъ верфяхъ, служить матросомъ въ своемъ флотѣ и простымъ воиномъ въ собственномъ же войскѣ до тѣхъ поръ, пока самъ постепенно незаслужилъ чиновъ отъ послѣдняго до перваго степени. Такимъ образомъ ввелъ я между дворянами правильную подчиненность въ морской и сухопутной службѣ способомъ хотя непрiятнымъ для ихъ гордыни но такимъ, которой былъ простой и самой надежнѣйшiй для приведенiя ихъ въ состоянiе исправлять съ точностiю возлагаемыя на нихъ должности.

Лудовикъ. Правда, что это было великое дѣло. Когда я почиталъ оное маловажнымъ, тогда разсудокъ мой испорченъ былъ предразсужденiями полученными мною еще при

воспитанiи, и смѣшными впечатлѣнiями произведенными во мнѣ нѣкоторыми моими придворными, коихъ умы были столь тѣсны, что немогли объять величiя вашего разсудка въ семъ случаѣ.

Петръ. Здѣсь оказалъ я болѣе иройства нежели Александръ или Кесарь въ своихъ подвигахъ. Я несоглашусь сравнить ихъ славы съ своею. Они оба творили великiя дѣла, но были правителями великихъ народовъ несравненно превосходнѣйшихъ въ мужествѣ, и военномъ искуствѣ предъ тѣми, съ коими сражались. Я же былъ Царемъ ничего незнающаго, неученаго и грубаго народа. Непрiятели мои были гораздо сильнѣе моихъ подданныхъ, такъ что десять тысячь ихъ могли побивать сто тысячь Россiянъ. Они имѣли великой флотъ, а я ни одного корабля. Король Шведской былъ Государь неустрашимый, вспомоществуемъ полководцами совершенно свѣдущими въ воинскомъ искуствѣ и имѣлъ въ службѣ своей воиновъ столь опытныхъ, что Европа была отъ нихъ въ трепетъ и удивленiе приводима. Однакожъ и они были отъ меня поражены, я принудилъ Государя ихъ бѣжать въ Турцiю, одержалъ побѣды на морѣ и на сушѣ и одушевилъ такъ сказать свой на-

родъ. Я снабдилъ его художествами, знаніями и благочиніемъ; я открылъ ему способы содержать всѣ сѣверные силы въ страхѣ и зависимости, поставлять Королей въ Польшѣ, обуздывать и ужасать оттоманскихъ Султановъ и посредствовать во всѣхъ дѣлахъ Европы. Кто бы другой могъ сіе учинить? Откройте бытійственныя книги древнихъ и новѣйшихъ временъ, и сыщите, естьли можете, хотя одного, которой бы сравнился со мною.

Лудовикъ. Ваша великая слава по достоинству бы вамъ принадлежала, если бы вы при просвѣщеніи своихъ подданныхъ перемѣнили суровость собственнаго своего нрава. Но ахъ! законодатель и преобразитель Россіянъ былъ горячь и строгъ до чрезмѣрности.

Петръ. Признаюсь что имѣлъ сію слабость; но *Александръ* имѣлъ оную въ гораздо вышшей степени а особливо во время пиршествъ; ибо напитки воспаляютъ въ тѣхъ, которые съ природы весьма пылки, сильныя страсти, и производятъ такія дѣйствія, коихъ здравой разумъ стыдится. Но строгость, которою вы меня упрекаете, можетъ извинена быть нѣкоторымъ образомъ, какъ необходимо нужная въ подвигѣ принятомъ мною къ преоб-

разованію народа своего. Страхъ наказанія былъ въ сердцахъ грубыхъ моихъ подданныхъ единственнымъ средствомъ къ повиновенію. Что бы заставить ихъ почитать государеву власть, я принужденъ былъ вооружить оную всѣми ужасами. Вы же имѣли народъ болѣе удобопреклонной къ повиновенію, такой народъ, которой легко могъ быть управляемъ слабыми вождями. Страхъ стыда гораздо больше дѣйствовалъ надъ ними, нежели страхъ *кнута* могъ дѣйствовать надъ россіянами. Людскость ваша и строгость моя равномѣрно были пригодны для народовъ, надъ коими мы царствовали. Но какое извиненіе вы можете найти въ жестокой наглости оказанной вами противу протестантовъ, своихъ подданныхъ? Они ничего инаго нежелали, какъ только, чтобъ жить подъ защищеніемъ законовъ утвержденныхъ вами, и они за сіе защищеніе платили бы отмѣнною ревностію къ службѣ вашей. Но вы ихъ принудили посредствомъ самыхъ безчеловѣчныхъ учрежденій либо оставить ту вѣру, въ коей они воспитаны, и въ коей совѣсть ихъ успокоевалась, либо удалиться изъ отечества своего и претерпѣвать въ изгнаніи всякое нещастіе. Ежели правила политики непо-

зволяли вамъ такимъ образомъ опустошать свое государство, и отдавать чужестраннымъ землямъ пользоваться ихъ рукодѣлїемъ, ремеслами и торговлею; то я удивляюсь, какъ сердце ваше отъ того васъ неудержало. Одна мысль приводитъ меня въ ужасъ, что отъ самаго просвѣщеннѣйшаго двора въ Европѣ изданы таковыя повелѣнїя, кои и самые дикїе татары едва бы могли безъ соболѣзнованїя исполнить.

Лудовикъ. Не мое сердце, но моя вѣра была причиною сихъ жестокостей. Духовный мой отецъ увѣрилъ меня, что онѣ были необходимы для блага и спасенїя моего народа.

Петръ. Ежели бы и я полагался на своего Патрїарха, такъ какъ вы положились на своего Iерея, то бы небылъ столь великъ, какъ былъ. Недолжно однако же помрачать славы такого Государя, коего память драгоцѣнна его подданнымъ. Они хвалятся тѣмъ, что повиновались вамъ, и сїе конечно составляетъ высочайшую честь для Государя. Мой народъ получаетъ славу свою со времени моего царствованїя. Но главнѣйшее различїе между нами есть то, что пышность и блескъ почитали вы необходимо нужными для своей великости; я же былъ

великъ въ самомъ себѣ, великъ въ дѣлѣ, терпѣніи и превыспренности духа предъ всѣми прочими человѣками.

перевелъ съ Аглинскаго С. Б.

О древѣ жизни и о пищѣ первыхъ обитателей земли.

Всѣ древнїе писатели согласны въ томъ, что сѣмена, травы и плоды сырые безъ всякаго приуготовленїя, составляли пищу первыхъ обитателей земли. Изслѣдованїе же ея свойствъ доказываетъ, что сколь оная ни способна для питанїя животныхъ, и сколь ни сообразна съ ихъ членорасположенїемъ, но неможетъ быть столь выгодна для человѣка, коего тѣло устроено гораздо нѣжнѣе и совершеннѣе нежели ихъ. Самые прїятнѣйшїе плоды болѣе прохлаждаютъ, нежели питаютъ; сѣмена, естьли неприуготовлены, причиняютъ вѣтры и съ трудомъ варятся, а травы еще жестче и болѣе содержатъ въ себѣ сырости. Изъ сего слѣдовало бы заключить, что люди имѣли тогда участь хужшую дикихъ звѣрей, если бы непостижимость Божїихъ судебъ неопровергала таковаго заключенїя. Благотворительная десница украсившая человѣка толь многими несравненно звѣрскїя превосходящими способностями, излїяла конечно на него и въ

разсужденіи самой жизни обильнѣйшія, нежели на другихъ животныхъ, удовольствія, коими онъ всегда бы наслаждался, если бы ненарушимо пребывалъ въ невинности, составлявшей блаженство и славу его происхожденія изъ рукъ Зиждителевыхъ.

Мойсей есть единый дѣеписатель возвѣщающій намъ о таковомъ на человѣка призрѣніи, толико достойномъ существа вышняго.

Онъ пищетъ, что *Адамъ* прежде своего грѣхопаденія, питался тою самою пищею, какую и другіе писатели опредѣляютъ первому человѣку; но что среди сада, въ коемъ онъ обрѣтался, находилось древо жизни, отъ котораго по дозволенію Божію вкушалъ дотолѣ, пока содѣлавшись недостойнымъ безсмертія, небылъ изгнанъ изъ рая. *И нынѣ да нѣкогда прострετъ руку свою,* говоритъ онъ, *и возьметъ отъ древа жизни и снѣстъ и живъ будетъ во вѣкъ.* Каждый легко понять можетъ, что древо, коего плодъ могъ даровать человѣку безсмертіе, неиную имѣло силу какъ укрѣплять его здравіе, по чему для произведенія таковаго дѣйствія долженствовало оно предупреждать, и непосредственно отвращать все, что въ обыкновенной его пищѣ могло быть сему противное; да и кто бы могъ повѣрить,

что бы *Адамъ* и *Ева* имѣя полную власть, вкушать по своему изволенїю плодъ сего древа, незахотѣли воспользоваться толь драгоцѣннымъ даромъ. Если бы благоразумїе или любопытство къ тому ихъ непобудили, то конечно естественныя слѣдствїя другой употребляемой ими пищи заставили бы ихъ на то покуситься. Въ прочемъ всякъ, кто только пожелаетъ изслѣдовать сложность и строенїе человѣческаго тѣла, увидитъ, что оное по естеству своему создано бреннымъ; но что бренность могла и можетъ отъ онаго отъята быть древомъ жизни, или другимъ какимъ средствомъ предупреждающимъ болѣзни, старость и самую смерть.

Имѣя же всегда въ своихъ рукахъ средство, нетолько для предупрежденїя худыхъ слѣдствїй могущихъ произойти отъ излишняго употребленїя обыкновенной пищи и для пособїя во всѣхъ припадкахъ, но и для возобновленїя силъ и бодрости духа, которые чрезъ самое сложенїе нашего тѣла ежедневно истощеваются и мало по малу исчезаютъ, можно быть безсмертнымъ; но потерявъ оное, надлежало быть осужденну на смерть или сказать иначе, послѣдовать уставу естества, которой былъ тогда премѣненъ. Въ возможности сего никто сомнѣваться

неможетъ. Естьли ягоды и плоды нѣкоторыхъ деревъ имѣютъ странное дѣйствїе вдругъ умерщвлять животныхъ[1], то невѣроятно ли, что было древо, коего плодъ имѣя свойство совсѣмъ противное, вдругъ укрѣплялъ силы и возвращалъ здравїю всю его бодрость? *Святый Iоаннъ* описывая въ апокалипсисѣ древо жизни, ясно полагаетъ, что оно имѣло вышепомянутое свойство, и что таковое было его первое предопредѣленїе: „*Посреди стогна града*, говоритъ онъ, „*и по оба полы рѣки древо животное еже творитъ плодовъ двана десять на кїйждо мѣсяцъ плодъ свой, и листвїе древа, въ отдаленїе языковъ.*„ Правда, что ученѣйшїе мужи такого мнѣнїя, что пища опредѣленная *Адаму* въ невинномъ его состоянїи, была нетолько прїятна, но и совершенно сходна съ сложенїемъ его тѣла. Сїе мнѣнїе утверждаютъ они Моисеевыми же словами: *и прозябе Богъ всякое древо красное въ виденїи и доброе въ снѣдь*, но и сїе неразрушаетъ сдѣланныхъ здѣсь предложенїй. Въ земномъ раю были различные плоды, и всѣ для пищи годные, только

1 Естьли собака выпьетъ воды перегнанной чрезъ листья вишневаго лавра, чрезъ косточки черныхъ вишень, или только чрезъ горькїя миндали, то вдругъ отъ того умираетъ.

бы во время употребляемы были; но чудодѣйственное свойство древа жизни и дозволенїе вкушать плоды онаго нетокмо неопровергаетъ истинны сихъ словъ, но еще паче утверждаетъ какъ оную такъ и великую зиждителеву благость. Вольность ежечастно наслаждаться плодами сего отмѣннаго древа, было можетъ быть наилучшее средство, чтобъ дать человѣку чувствовать безпрестанно совершенную зависимость отъ руки Творческой.

Когда же неблагодарный къ благостямъ Творца своего человѣкъ, возсталъ противу его, то ничемъ немогъ онъ быть наказанъ столь дѣйствительно и столь съ существомъ вины сходственно, какъ неукоснительнымъ лишенїемъ благъ и утѣхъ, столь недостойно имъ во зло употребленныхъ, и принужденїемъ, среди произведенїй земли еще плодоносной, снискивать себѣ неусыпнымъ трудомъ необходимое къ содержанїю себя, доставать себѣ пищу своимъ раченїемъ, и промышлять о вещахъ нужныхъ, приобрѣтая искуствомъ проворство намѣренїямъ его споспѣшествующее; надлежало такъ же, чтобъ небо подало ему особыя наставленїя о разныхъ вещахъ превосходившихъ естественныя его познанїя и долженствовавшихъ

ему быть нужными для соблюденія бытія своего. Изъ исторіи *Каина* и *Авеля* ясно видѣть можно, что провидѣніе со времени грѣха непреставало имѣть непосредственное попеченіе о пользѣ преступниковъ.

И такъ предводительствуемый собственными своими размышленіями и здравымъ разсудкомъ *Адамъ* чрезъ нѣсколько лѣтъ собралъ плоды своего трудолюбія; онъ питался отъ стадъ и полей своихъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что одинъ изъ сыновъ его упражнялся въ земледѣліи, а другой въ скотоводствѣ: „*и бысть Авелъ пастырь овецъ,* „*Каинъ же бѣ делаяй землю.*„

Невходя въ дальнѣйшее сего изслѣдованіе видно, что первыя начала искуства сохранять здравіе, родились отъ нужды; ибо въ самомъ дѣлѣ *Адамъ* по потеряніи всецѣлительнаго своего древа, принужденъ былъ учиться искуству, содѣлавшемуся съ того времени необходимымъ, обработывать землю, дабы оная произращала ему плоды способнѣйшіе къ пищѣ, нежели каковы бы были, еслибъ она сама собою безъ приуготовленія и обработыванія ихъ производила.

Трудно познать, какимъ образомъ въ послѣдствіи временъ, нѣкоторые народы совсѣмъ потеряли свѣденіе о земледѣліи и

многїе вѣки вели жизнь дикую, питаясь грубыми плодами невоздѣланныя земли; но вѣроятно весьма, что въ земледѣлїи упражнялись во всѣ времена въ злачныхъ и плодоносныхъ странахъ Сирїи и Египта, и что люди прежде всѣхъ перешедшїе въ Грецїю, для сысканїя себѣ убѣжища или отъ угнѣтенїй, или для избѣжанїя достойнаго наказанїя, лишась вдругъ всѣхъ нужныхъ къ оному средствъ принуждены были питаться самородными лѣсными и полевыми произведенїями; почему потомки ихъ забывъ и самые слѣды сего искуства разпространили невѣденїе свое и на всѣхъ тѣхъ, кои подобно имъ незнали бытїйственныхъ Іудейскихъ книгъ, изъ которыхъ и Мойсеевы непрежде преложены на греческой языкъ, какъ во время *Птоломея Сотера*, Царя Египетскаго, то есть за триста лѣтъ до рождества Христова. Предразсужденїя же разсѣянныя по вселенной Греками заставили и великаго *Иппократа* написать: „что въ началѣ мїра человѣкъ „питался такою пищею какъ и скоты, и „что отъ употребленїя грубой и къ варенїю неспособной пищи родились многїя болѣзни, для предупрежденїя или врачеванїя „коихъ люди мало по малу начали избирать „новой и болѣе сложенїю тѣла ихъ соотвѣтствующїй родъ жизни.„

Іосифъ видѣвшій толикое множество древнихъ полныхъ сочиненіи, доказываетъ ясно предковъ своихъ долгоденствіе, о коемъ было преданіе и у многихъ иноплеменныхъ дѣеписателей. *Манетонъ* и *Берозъ*, одинъ Египетскій а другой Халдейскій историкъ, такъ же *Гестикъ* и *Іеромъ*, Египтяне и повѣствователи древностей Финикійскихъ, согласно утверждаютъ, что люди самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ жили весьма долго. Да и *Гекатъ*, *Аккузилай*, *Гелланикъ*, *Ефоръ* и *Николай Дамасскій* свидѣтельствуютъ, что жизнь праотцовъ ихъ простиралась до тысячи лѣтъ. Естественная же тому причина безъ сумнѣнія была та, которая прежде всѣхъ представляется разуму, т. е. что первые люди питались здоровѣйшею нежели нынѣшніе пищею, которую составляли земляные плоды приуготовленные самымъ простымъ образомъ, такъ же хлѣбъ, молоко и вода. Опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что нѣтъ способнѣе сея пищи къ продолженію жизни, которой немало такъ же споспѣшествовало свойство годовыхъ временъ и неповрежденное еще сложеніе тѣла заразительными и иными болѣзнями произшедшими отъ преселеній и разныхъ другихъ обстоятельствъ.

Послѣ же того времени, которое Греки проводили въ дебряхъ и пустыняхъ, и которое мудрецы и стихотворцы ихъ именуютъ *златымъ вѣкомъ* не по тому, что они удалились изъ плодоносныхъ Азїйскихъ странъ въ такїя, гдѣ необрѣвъ никакихъ орудїй и пособїй къ воздѣланїю земли питалися нѣсколько вѣковъ, какъ дикїе звѣри тѣмъ, что само собою и безъ всякой ихъ помощи произрастало; но либо по темному нѣкоему преданїю о блаженномъ состоянїи перваго въ раю чаловѣка, либо по единому токмо воображенїю, что предки ихъ почитаемые отъ нихъ по вышепомянутому предразсужденїю первымъ племенемъ рода человѣческаго, жили въ невинности, когда вообще питались самородными плодами и небыли причастны ни праву собственности, ни личному корыстолюбїю, которое могло возжечь между ими раздоръ, произвести ссоры и побудить къ обманамъ и насилїю, начали новые народы мало по малу упражняться въ землепашествѣ, употреблять прїятнѣйшую и здоровѣйшую пищу, запасаться хлѣбомъ на всѣ времена года и изыскивать средства къ разведенїю и содержанїю скотоводства, заимствованнаго ими по увѣренїю дѣеписателей отъ Аркадїйскихъ жителей.

Нѣкоторые утверждают, что искони, т. е. прежде еще потопа были ѣствы и питія самыя крѣпкія во употребленіи, поелику народъ и тогда доходилъ до чрезвычайныхъ излишествъ и вожделѣній; но мнѣніе ихъ неосновательно: люди развратились нестолько чрезъ образъ пропитанія, сколько чрезъ недостатокъ устройства, наставленія и пренебреженія законовъ Божїихъ и человѣческихъ. Множество и нынѣ есть народовъ въ Аравіи и другихъ странахъ, кои при удивительной своей воздержности въ пищѣ, до крайности наглы, жестоки и подвержены всѣмъ неистовствамъ, обезображивающимъ человѣчество. Въ самой Великобританіи и Исландіи питающїеся по своей вѣрѣ молокомъ, хлѣбомъ, сыромъ, капустою и нѣкоторыми кореньями неменѣе склонны къ грабежу и насилію, какъ и собратія ихъ употребляющїе мясо и вино. Неукротимый быкъ питающїйся травою неменѣе иногда свирѣпъ бываетъ какъ и кровожаждущїй левъ. Птицы, коихъ снѣдь составляютъ однѣ токмо зерна, нападаютъ одна на другую, бьются и терзаютъ себя съ такою же лютостію какъ и плотоядныя.

Что же касается до перваго случая, когда человѣкъ рѣшился приобщить къ пищѣ

своей мясо, то кажется, что единое только позволенїе низпосланное съ неба могло возбудить къ тому смѣлость, и что безъ онаго ни самой мучительнѣйшїй гладъ ни искусительный запахъ приносимыхъ жертвъ немогъ подвигнуть его къ насыщенїю себя плотїю животныхъ, т. е. творенїй наиболѣе ему подобныхъ.

Другая великая перемѣна во образѣ пищи послѣдовала отъ изобрѣтенїя вина. *Ной* первый насадилъ виноградъ и первый испыталъ силу его, при чемъ случилось съ нимъ то, что послѣ испытали тысячи любопытныхъ, которые въ изслѣдованїи таинствъ природы подвергались опасности: онъ заплатилъ за свое любопытство утратою на малое время своего разума. Сперьва отвѣдывалъ онъ конечно плодъ сей въ гроздяхъ и ненашедъ въ немъ никакого вредительнаго свойства, составилъ изъ онаго напитокъ, и незналъ что игранїе произведетъ въ немъ нѣчто крѣпкое, чего прежде небыло. Думаютъ, что и пиво изобрѣтено скоро послѣ вина. *Иродотъ* увѣряетъ, что въ Египетскихъ областяхъ изобиловавшихъ хлѣбомъ но скудныхъ виноградомъ народъ употреблялъ нѣкоторой родъ вина сдѣланного изъ ячменю. Можетъ быть подъ симъ

разумѣется пиво, которое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхаго завѣта означено крѣпительнымъ напиткомъ, коему въ нашемъ переводѣ дано имя *Сикера*. Крѣпкїе же прямо напитки, каковы нынѣ въ Европѣ и Америкѣ употребляются, небыли въ древнїя времена никому извѣстны.

П. Б.

изъ сочиненїй Аглинскаго врача и историка своего искуства Мекензи.

СТАНСЫ.

Кто царству новыя порабощаетъ троны;
Изъ титла рабскаго кто подданныхъ извлекъ;
Кто зиждетъ новыя въ Россiи геликоны;
Та царствуй и живи Мафусаиловъ вѣкъ!

Кто далъ отечеству премудрыя законы;
Блаженство общее кто собственнымъ нарекъ,
Кто новый кажетъ блескъ всеедневно отъ короны;
Та царствуй и живи Мафусаиловъ вѣкъ!

Кто грозныя извлекъ изъ бурныхъ водъ препоны;
Кѣмъ радостнѣе Мста, плавнѣе Днѣпръ потекъ;
Для блага подданныхъ кто роздалъ милiоны;
Та царствуй и живи Мафусаиловъ вѣкъ!

Кто страшныя врагамъ устроивъ легiоны;
Какъ твердою стѣной отечество облекъ;
На сушѣ и моряхъ поставилъ обороны;
Та царствуй и живи Мафусаиловъ вѣкъ.

Придите въ Сѣверъ къ намъ Гомеры и Мароны;
Здѣсь музамъ храмъ отверстъ, здѣсь щастливъ человѣкъ;
Здѣсь милость царствуетъ, здѣсь кроткiя законы;
Придите! пойте Вы ЕКАТЕРИНИНЪ вѣкъ!

М. Х.

РѢЧЬ

Китайскаго Императора Юнг-Джена,

къ вельможамъ Манжурскаго колѣна, просившимъ о предпочтенїи и преимуществѣ ихъ народа предъ Китайцами.

Вы хотите отличаться отъ Китайцовъ особенными преимуществами. Не вѣдаете ли, что всѣ люди суть чада неба? Китайцы и Манжуры воспрїяли отъ него свое бытїе и всѣ предъ нимъ равны: однѣ токмо добродѣтели даютъ имъ преимущество.

Манжуръ есть человѣкъ и Китаецъ человѣкъ. Если бы вы сказали мнѣ объ отличїи одного народа предъ другимъ въ разсужденїи преимущественныхъ какихъ либо его качествъ , то я сказалъ бы вамъ, что разность въ оныхъ бываетъ и между единоплеменнымъ народомъ. Но вы требуете можетъ быть, что бы я при опредѣленїи въ службу свою людей взиралъ единственно на ихъ происхожденїе и непринимая во уваженїе личныхъ ихъ способностей, невопрошалъ бы болѣе, годны ли они къ отправленїю

возлагаемыхъ на нихъ должностей или нѣтъ, но токмо тщательно бы изыскивалъ, Китайцы ли они или Манжуры?

И такъ однихъ токмо послѣднихъ должно по мнѣнїю вашему избирать въ службу. Смѣете ли вы давать мнѣ такой совѣтъ? Развѣ вамъ неизвѣстно, что между Манжурами есть великое множество гордыхъ, вѣроломныхъ, корыстолюбивыхъ и преклонныхъ всегда для собственныхъ выгодъ къ обману своего Государя?

Я повелѣваю подданнымъ обоихъ народовъ, дабы они обрѣтаясь вмѣстѣ, гдѣ бы ни случилось, обходились между собою какъ други и братїя, служили взаимно себѣ совѣтомъ и судили о дѣлахъ здраво, согласно и безъ всякаго пристрастїя.

Да неречетъ никто отселѣ: я Манжуръ а ты Китаецъ. Единообразїе неможетъ всюду существовать. Земля невездѣ одинакова: каждое мѣсто имѣетъ нѣчто собственное, и народы отличаются между собою въ образѣ жизни такъ, какъ страны обитаемыя ими въ своемъ положенїи. Здѣсь такїе обычаи и склонности, а тамъ иные. Манжуры горазды стрѣлять изъ лука, а Китайцы умѣютъ хорошо владѣть перомъ. Сѣверные и западные народы проворны и

отважны, а Южные и восточные благоразумны и проницательны. Природа тако ихъ устроила, кто же можетъ ей противоборствовать? и къ чему послужатъ усилія для уничтоженія склонностей и нравовъ ею въ нихъ влїянныхъ? О вы! водворяющіися въ единомъ царствѣ, соедините свои дарованія, свои труды и свои совѣты для общаго государственнаго блага.

Даръ разума дѣлаетъ всѣхъ людей равными. Служите Государю, храните къ нему вѣрность, чтите своихъ родителей и исполняйте законъ правды и правосудія. Вотъ уложеніе данное природою всѣмъ человѣкамъ, и если они его послушаютъ, то нестанутъ вопрошать при избраніи себѣ друга, какого онъ происхожденія и кто былъ его отецъ: они небудутъ себя превозносить для униженія другихъ.

Я вѣдая, что свѣтъ есть одинъ домъ а жители онаго одно сѣмейство, положилъ за правило при самомъ возшествіи своемъ на престолъ, принимать равно въ службу Китайцовъ какъ и Манжуровъ и смотрѣть токмо на вѣрность, благонравіе и способность тѣхъ и другихъ, некасаясь нимало рода и происхожденія ихъ. Я никогда неприступлю къ толь поносному различію людей. Всякой

добродѣтельный подданный достоинъ моего благоволенія, а безчестнаго отрину я отъ себя, хотя бы онъ происходилъ и отъ собственной моей крови.

Живите согласно, любите другъ друга и служите правительству такъ какъ служатъ ноги и руки человѣку. Тогда основаніе общественнаго блага будетъ твердо и незыблемо.

П. Б.

РѢЧЬ ТОГО ЖЕ ИМПЕРАТОРА

о жертвоприношеніяхъ.

Извѣстно вамъ, что сего дня начинается зимній поворотъ. Я приступаю къ празднованію возврата сего времени года принесеніемъ жертвы въ священномъ храмѣ и вы видите, колико сей день ясенъ и свѣтлъ.

Послушайте людей слѣпыхъ и легкомысленныхъ! они вѣщаютъ: предопредѣленія неба непостижимы, какъ же можемъ мы знать, пріемлетъ ли оно наши моленія? Кичливые и непросвѣщенные смертные! есть ли отвергаются ваши обѣты, то разумѣйте, что обѣты сіи возсылаемы были не

отъ чистаго сердца, и что оныя праведно небомъ отринуты.

Безумные вѣщаютъ, что небо есть нечто иное, какъ чистый и пустый воздухъ, который неможетъ принимать отъ нихъ обѣтовъ и низпосылать за оныя какія либо воздаянія. Но чего ради моленія суетныхъ и безумныхъ людей невнемлются? По тому, что оныя произносятся ихъ страстями; что они просятъ небо о исполненіи своихъ прихотей, и что немыслятъ, что чрезъ несправедливыя свои моленія могутъ раздражить небесныя силы.

Небо правосудно: оно покровительствуетъ только честнымъ людямъ и неоставляетъ ни единаго добраго дѣла безъ награжденія: за преступленіемъ же всегда слѣдуетъ наказаніе. Небо всегда намъ соприсутствуетъ. Оно всегда близко насъ, всегда предъ нашими очами, всегда предъ нашими помышленіями; возведемъ ли къ нему наши взоры, зримъ въ немъ Вышняго. Обратимъ ли къ нему наши мысли? паки его тамо созерцаемъ

Оно несмотритъ на званіе людей; неразбираетъ степени и произхожденія, и вѣситъ на единыхъ вѣсахъ дѣянія царей и земледѣльцовъ. Каждый пріемлетъ возмез-

дїе по мѣрѣ дѣлъ своихъ: просо ли ты сѣялъ, просо и соберешъ. Пшеницу ли, пшеницу и пожнешъ. Ты самъ властитель своего жребїя: ты самъ можешъ избрать добро и зло. Испытуй свое сердце, изслѣдуй свою совѣсть: правосудїе ли или страсть тобою управляетъ? Если ты хотя и творишъ кому вредъ, но съ правосудїемъ; естьли ты праведно лишаешъ его даже и жизни, то надѣйся быть благополучнымъ, поелику ты хранишъ правосудїе и законъ. Но ежели ты дѣлаешъ добро по пристрастїю, естьли ты по той же причинѣ спасаешъ жизнь своего согражданина, то нетолько, чтобъ ожидать себѣ какой либо за то награды, ты еще долженъ страшиться небеснаго гнѣва.

Человѣческїя страсти имѣютъ владычество большее, нежели воображаютъ: они всегда соединены съ неправосудїемъ, съ лицемѣрїемъ, съ корыстолюбїемъ, съ скупостїю и завистїю; часто прїобрѣтаютъ чрезъ нихъ честь и славу, получаютъ хвалу и отличенїе, достигаютъ до высокихъ степеней, споспѣшествуютъ въ великихъ предпрїятїяхъ, и предаютъ имя свое потомству.

Сохраняйте всегда истинну въ вашихъ сердцахъ: приставьте къ ней въ стражи осторожность; отвергните страсти; соблюдай-

те правосудїе, и тѣмъ самымъ вы угодите небу, и упраздните въ себѣ всякую мысль недостойную человѣка. Небо невидимо будетъ на васъ призирать и устроитъ для васъ блаженство.

Остается мнѣ учинить вамъ укоризну. Когда я васъ чемъ либо награждаю, когда я чемъ либо плачу за вашу службу, тогда вы единаго токмо меня благодарите. Развѣ невѣдаете вы, что я ничего вамъ недаю, что бы мнѣ собственно принадлежало? Вы получаете отъ меня кровавый потъ народа и жизненныя соки нещастнаго земледѣльца.

Припадаютъ ко стопамъ Государя, просятъ вельможей, и ни о чемъ непомышляютъ, какъ токмо о приобрѣтенїи милостей; о вспомоществованїи же народу, о просвѣщенїи земледѣльца и о доставленїи ему щастїя отнюдь непомышляютъ, и при всемъ томъ почитаютъ себя невинными! имѣютъ спокойный сонъ! и нетерзаются угрызенїемъ совѣсти!

Долгъ нашъ заключается единственно въ томъ, что бы служить вѣрно отечеству и слѣдовать законамъ правосудїя.

Прочїя рѣчи сего мудраго Государя переведенныя съ Китайскаго О. Амїотомъ будутъ здѣсь такъ же сообщены.

О древности и превосходствѣ Славенскаго языка и о способѣ возвысить оный до первоначальнаго его величія.

Изъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ нѣтъ ни единаго, коего бы языкъ былъ столь обширенъ и толико твердъ въ основаніи какъ Славенской. Начиная отъ Полудня съ Адріатическаго моря именуемаго Венеціанскимъ заливомъ употребляется оный во всей Далмаціи, Кроаціи, Босніи и такъ называемой Славоніи между рѣками Дравомъ и Савою лежащей, въ разныхъ мѣстахъ Венгріи и по обоимъ сторонамъ Дуная, а оттуда распространяется до самаго Балтійскаго и Ледовитаго моря. Россіяне, Поляки, Литва, Богемцы, Кроаты, Венды, Моравы, Волохи, Булгары, Карніолы, Кориноы, Либурны и иные народы говорятъ онымъ съ столь малымъ отличіемъ, что безъ труда взаимно себя разумѣть могутъ. Въ Африкѣ, ку-

да въ самыя древнія времена по объявленію Ѳеодосія II достигали Славяне, находятся доселѣ остатки ихъ потомковъ, сохраняющихъ Славенскіе нравы, обычаи и языкъ. Въ Турецкой землѣ Янычары говорятъ всѣ почти симъ языкомъ, который у нихъ въ великомъ почтеніи. Что же принадлежитъ до источника его, то по всѣмъ изслѣдованіямъ ученыхъ и въ знаніи древностей искусныхъ мужей явствуетъ, что оной есть одинъ изъ первоначальныхъ и коренныхъ языковъ, и если не древнѣйшій Еврейскаго, имѣющаго много Халдейскихъ и Сирскихъ рѣченій, то по крайней мѣрѣ оному современный. Знаменитый дѣеписатель *Штирнгельмъ* доказываетъ весьма убѣдительными доводами въ предисловіи своемъ къ изданію гоѳическаго переводу новаго завѣта, что Іоафетъ съ пятнадцатью родоначальниками его племени, отъ которыхъ по Мойсееву повѣствованію Европейскіе народы произошли, неучаствовали въ строеніи Вавилонскаго столпа, изъ чего заключаетъ, что языкъ Іоафетовыхъ потомковъ происходитъ не посредственно отъ Ноя, но разными случаями, частыми преселеніями и долготою времени раздѣлился на многія вѣтви. *Экардъ* же объявляетъ въ сочиненіи своемъ о первоначаліи

и происхожденіи Нѣмецкаго народа, что всѣ Европейскіе жители не отъ Ноя происходятъ, но отъ какого то другаго колѣна перешедшаго далеко къ Сѣверу еще прежде потопа, куда оной по мнѣнію его непростирался и обитателей его неистребилъ. Симъ утверждаетъ онъ, что Целтскій и Скиѳскій языкъ отъ Еврейскаго непроисходитъ, но отъ нѣкоего древнѣйшаго. Сходство языковъ Коптическаго, Сирскаго, Скиѳскаго, Цельтскаго и ихъ отраслей показываетъ, что всѣ сіи народы заимствовали свой языкъ отъ единаго и не суть первоначальные но токмо первоплеменные по извѣстной намъ древности; по чему праотцы наши произошли отъ корня погруженнаго въ самой глубокой древности; въ чемъ бывъ удостовѣрены многіе славные дѣеписатели древнихъ и новыхъ временъ признавали потомками ихъ и самыхъ Фениківнъ, Троянъ, Грековъ и Римлянъ, утверждая при томъ единогласно, что почти всѣ западные народы отъ нихъ же произошли и заимствовали свой языкъ, измѣненный въ поздныя времена чрезъ различныя преселенія, смѣшеніе нарѣчій, частое раздѣленіе и разные иные случаи столь много, что нынѣ каждая отрасль его отличается отъ древа своего такъ,

какъ будто бы совсѣмъ отъ онаго непроисходила. Естественныя тому причины можно видѣть въ расположенiи, легкомъ оборотѣ голоса нашего, удобномъ приноровленiи онаго къ новому нарѣчiю и постепенномъ его сообразованiи съ тѣмъ, который чаще другихъ поражаетъ слухъ.

Эдвардъ Чернардъ показалъ въ сочиненiи своемъ, именуемомъ: *аглинское словопроизводство*, что Великобританскiй языкъ имѣетъ основанiемъ своимъ Славенскiй, коего соединенiе съ Персидскимъ, Армянскимъ и инымъ составило странную оную смѣсь, отличающую языкъ сей отъ прочихъ. Сiе доказываетъ и *Рудольфъ Iонасъ* въ книгѣ своей: *рожденiе Сѣвернаго языка*, печатанной 1688 года въ Оксфордѣ, такъ же *Бревудъ* въ изслѣдованiи своемъ закона духовнаго, и *Долчи* Рагузецъ въ разсужденiи о древности и пространствѣ Иллирическаго или Славенскаго языка. *Фришiи* утверждаетъ то же самое и о Нѣмецкомъ языкѣ въ своемъ словопроизводномъ словарѣ; изъ чего слѣдуетъ, что и другiе Европейскiе языки произшедшiе отъ Латинскаго или Нѣмецкаго обязаны началомъ своимъ Славенскому. Славный Италiйскiй писатель *Муратори* по весьма тщательномъ изысканiи первыхъ причинъ въ посте-

пенномъ образованіи и утвержденіи отечественнаго его языка, доказалъ, что оной менѣе обиленъ Аравійскими, Греческими и Нѣмецкими словами и рѣченіями нежели Славенскій.

Изъ сихъ свидѣтельствъ довольно видна древность и превосходство Славенскаго языка. Нынѣ слѣдуетъ показать, какимъ образомъ можно его возвысить до первоначальнаго величія и употребивъ оной для изъясненія о всѣхъ предмѣтахъ, какіе только встрѣчаются въ пространномъ полѣ словесныхъ и свободныхъ наукъ, многоразличныхъ художествъ и ремеслъ, приложить и къ исторіи Славенской, которая еще ни гдѣ въ надлежащей своей точности несуществуетъ; по елику начало ея у всѣхъ писателей обезображено баснословіемъ подобно какъ и другихъ народовъ. Въ семъ случаѣ, если бы употреблены были надлежащія мѣры къ приведенію многоразличныхъ нарѣчій сего языка къ его началу такъ, чтобъ собравъ всѣ оныя показать особенное свойство и существенное различіе каждаго, то можно бы приступить къ самому надежнѣйшему изслѣдованію первоначалія, мѣстоположенія, происхожденія, жительства и самыхъ важнѣйшихъ и достопамятнѣйшихъ приключе-

нїй Славенскаго народа и его племени. — Многїе природные Славяне въ разныхъ мѣстахъ жительствующїе чувствовали важность сего дѣла и трудились въ положенїи оному основанїя, на которомъ можетъ воздвигнуто быть прекрасное и величественное зданїе при подкрѣпленїи и уваженїи полезнаго ихъ труда; но неизвѣстность о таковомъ ихъ раченїи есть причиною, что разные иностранные писатели доселѣ о Славенскихъ племенахъ худо отзываются, и упоминая о ихъ языкѣ смѣшиваютъ оной почти всегда съ Венгерскимъ, Финскимъ, Епирскимъ или Албанскимъ, Татарскимъ и Калмыцкимъ. Поелику же важность въ основательномъ знанїи Славенского языка столь велика, что и Россїйская исторїя безъ онаго обойтись неможетъ, то и нужно стараться изслѣдовать прилѣжно коренное его нарѣчїе, сохраненное менѣе въ церковныхъ книгахъ воспрїявшихъ въ позднїя уже времена свое бытїе, нежели во многочисленныхъ его отродїяхъ, которыя если приведены будутъ воедино и изъяснены во всеобщемъ Славенскомъ словарѣ, то откроется чрезъ то великой свѣтъ въ древней нашей исторїи и обогатится весьма языкъ. — У Грековъ ощутительна была отмѣна Ат-

тическаго, Іоническаго, Эольскаго и Дорическаго нарѣчія; но сіе самое ихъ различіе составляло обиліе, силу, красоту и славу Еллинскаго языка: одно служило къ изображенію величественныхъ замысловъ, другое для изъясненія пріятныхъ и нѣжныхъ чувствованій, а третее для важныхъ и сильныхъ представленій и повѣствованій. Римляне такимъ же образомъ обогатили свой языкъ.

Изъ всего сего явствуетъ, что къ исправленію и разпространенію Россійскаго языка ближайшіе и лучшіе способы, о показаніи коихъ предложены были въ 1777 году вольнымъ Россійскимъ собраніемъ задачи, почитать надлежитъ разнородныя сочиненія древнихъ и новыхъ Славянъ въ разныя времена и въ различныхъ мѣстахъ писанныя. Науки и художества могутъ получить чрезъ то пристойныя выраженія во всѣхъ случаяхъ. Французской языкъ столь бѣдной во основаніи своемъ сдѣлался пріятнымъ, общеупотребительнымъ и достаточнымъ для наукъ и художествъ, не чрезъ что иное, какъ чрезъ сіе самое средство, т. е. помощію соединоутробныхъ языковъ Ишпанскаго, Италіанскаго и Португальскаго. Аглинскій, Голландскій, Датскій и Шведскій служили къ

обогащенію Нѣмецкаго, а оной взаимно имъ къ установленію и утвержденію настоящаго ихъ пространства. — Изъ внимательнаго разсматриванія древнихъ и новыхъ сочиненій обрѣтающихся на всѣхъ нарѣчіяхъ языка предковъ нашихъ окажется, какимъ образомъ оной возрасталъ, упадалъ, или отъ источника своего удалялся. Поелику же у Славянъ смѣжныхъ съ Италіею заведены съ весьма давнихъ временъ разныя училища, гдѣ науки и художества на одномъ токмо Славенскомъ языкѣ преподаются, то и сіе немало пособствовать можетъ къ обогащенію нашего языка и очищенію его отъ плевелъ чуждыхъ.

А. Б.

Переченъ письма г. Говеля и грамота Александра великаго данная Славянамъ.

Славенскимъ языкомъ говорятъ и нынѣ въ Либурнiи, Кроацiи, Боснiи, Далмацiи, Славонiи, Венгрiи, Богемiи, Польшѣ и во всей Россiи. Древность сего языка столь глубока, что простирается далѣе временъ *Александра великаго*; ибо сей славный завоеватель имѣвъ у себя въ войскѣ Славянъ пожаловалъ имъ грамоту, которая и по нынѣ цѣла хранится въ Прагѣ въ одной церквѣ. Я сообщаю переводъ оной здѣсь.

Мы Александръ великiй, сынъ Юпитера, завоеватель отъ Востока до Запада, и отъ Юга даже до Сѣвера и проч. и проч. и проч.

Вамъ, и въ награду всему вашему Славенскому народу и вашему языку, за вашу вѣрность въ службѣ и отличную храбрость и неустрашимость въ сраженiяхъ даемъ въ вѣчное владѣнiе пространную полосу земли отъ предѣловъ Италiи даже до Сѣвера; и всѣмъ прiѣзжающимъ изъ чужеземцовъ въ вашу страну повелѣваемъ быть рабами вамъ и потомкамъ вашимъ навсегда.

дана въ Александрiи
XI. Богини Минервы.

взято из Мавроурбина Исторiографiи. в 4. спб. 1722. стр 146. и 288

на италiанскомъ Мавроурбини въ книг. Pesaro. 1601.

О Россійскихъ староверцахъ.

Въ бытійственныхъ книгахъ древнихъ и новыхъ временъ обрѣтаются многія свидѣтельства грубыхъ но для черни столь соблазнительныхъ коварствъ, что цѣлые народы приводятся оными въ нѣкое изступленіе дѣлать то, что совсѣмъ здравому разсудку противно. Мудрые никогда непроизводили толь чудесныхъ перемѣнъ для блага рода человѣческаго , какъ невѣжды для пагубы его. Не токмо въ странахъ обитаемыхъ людьми одичавшими отъ скудости , преселеній въ дебри и пустыни и разныхъ другихъ причинъ, но и въ тѣхъ , гдѣ просвѣщеніе часто водворялось, помрачало буйство очи простолюдимовъ и низвергало ихъ толпами въ ровъ погибели. Бѣдные стеная подъ игомъ жестокости и неразумія стремятся сильно для освобожденія себя отъ онаго ко всякому призраку обольщающему ихъ чувства. Въ самомъ нашемъ отечествѣ имѣемъ мы много примѣровъ поползновенія разсудка человѣческаго къ послѣдованію нелѣпымъ внушеніямъ тѣхъ , кои обращаютъ слабость его въ свою пользу и нимало не помышляютъ о слѣдствіяхъ своихъ посту-

покъ. Государи почитавшіе строгость надежнымъ врачевствомъ отъ недуговъ душевныхъ, тщетно оную противу ихъ употребляли. Кротость и мудрость суть несравненно надежнѣйшія и почтительнѣйшія средства для удержанія людей отъ заблужденій. Сіи средства суть орудія *Великія Екатерины*, чрезъ кои управляетъ Она своимъ народомъ. Государи пекущіися о благѣ своихъ подданныхъ въ томъ Ей подражаютъ и уготовляютъ Европѣ блаженство. Суевѣріе скоро всюду исчезнетъ; сердца оживотворятся духомъ человѣколюбія и раздоры уступятъ мѣсто мирнымъ союзамъ братства. Премудрая наша Государыня неоставляетъ безъ вниманія ни единаго къ тому предмѣта. Она толико же печется о самой послѣдней степени людей какъ и первой. Сердце Ея преисполненное благости есть зерцало нашихъ должностей, а тонкій и величественный Ея разумъ есть свѣтильникъ и для самыхъ мудрецовъ. — Поелику же нынѣ мракъ невѣжества по всюду исчезать начинаетъ, то и нужно сохранить въ памяти тѣ случаи, кои навлекли оной и на Россію и изъ коихъ менѣе прочихъ извѣстны побужденія къ расколамъ и многоразличному ихъ раздѣленію. Онъ всѣ

слабы, но еще слабѣе ихъ умствованія нашихъ простолюдимовъ, породившія много буйствъ, но несравненно менѣе кровопролитія, нежели у народовъ величающихся своимъ просвѣщеніемъ. Начало и постепенное ихъ возращеніе есть слѣдующее.

Россійская церковь воспріявшая начало свое въ 988 году отъ Греческой и зависѣвшая долго отъ оной была до половины послѣдняго вѣка въ совершенномъ согласіи, кромѣ нѣкоего монаха Андреяна возставшаго около 1003 года противъ поклоненія иконъ, Іерархіи и законовъ церковныхъ, но приведеннаго немедлѣнно въ разумъ истинны Митрополитомъ Леонтіемъ. Нынѣшніе же расколы возъимѣли бытіе и силу свою лѣтъ за сто предъ симъ: ихъ соблазнило исправленіе церковныхъ книгъ. Многія погрѣшности обезобразившія церковныя книги и произшедшія по большой части отъ переписчиковъ за недостаткомъ училищъ и книгопечатень по причинѣ разныхъ безпокойствъ государство угнѣтавшихъ, побудили еще въ 1512 году Царя Василія Ивановича писать въ Афонскую гору къ тамошнему духовенству и просить, чтобъ прислали къ нему человѣка, способнаго исправить погрѣшности, вкравшіяся въ

Россїйскїя церковныя книги; для чего и присланъ былъ оттуда старецъ *Максимъ*, мужъ въ Греческомъ и Славенскомъ языкѣ весьма искусный, коего ревность къ исполненїю возложенной на его должности, стоила ему дорого; ибо народъ россїйскїй возроптал на него съ самаго его прїѣзду, что онъ не исправляетъ книги, но портитъ и вводитъ новую вѣру; по чему посадя его въ тюрму содержали его въ оной 38 лѣтъ до самой его смерти. Царь Иванъ Васильевичь продолжая сїе исправленїе собралъ въ Москвѣ соборъ именуемый стоглавнымъ подъ предводительствомъ Митрополита Макарїя, въ которомъ всѣ Архїепископы и Епископы россїйской церкви присудствовали и который точно опредѣлилъ помянутое исправленїе. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь съ родителемъ своимъ святѣйшимъ Патрїархомъ Филаретомъ Никитичемъ предпринималъ тоже, чему послѣдовалъ и Патрїархъ Іосифъ въ царствованїе Алексѣя Михайловича, благоволившаго при Патрїархѣ Никонѣ собрать соборъ, въ коемъ присудствовало все знатное Россїйское духовенство и на которомъ такъ же положено исправить церковныя книги. Государь писалъ о томъ ко вселенскимъ Патрїархамъ, изъ коихъ Константино-

польскій *Пансій* собралъ соборъ, гдѣ положено, дабы въ семъ дѣлѣ точно слѣдовать древнимъ Греческимъ и Славенскимъ книгамъ. По томъ еще было два собора, одинъ въ 1655 а другой въ 1667 году. Въ первомъ присудствовали Патріархи: Антіохійскій *Макарій*, Московскій *Никонъ*, Сербскій *Гавріилъ*, Россійскіе Архіепископы и проч: а во второмъ Патріархи: Александрійскій *Паисій*, Антіохійскій *Макарій* съ согласіемъ Цареградскаго и Іерусалимскаго, Московскій *Іоасафъ* съ 14 Митрополитами Россійскими и 8 Восточными Архіепископами, 5 Епископами, 25 Архимандритами, 6 Игуменами и 15 Протопопами, коими всѣми единогласно исправленіе книгъ было опредѣлено и въ совершенство приведено. Съ того времени малопросвѣщенные а болѣе злые люди почли и огласили исправленіе книгъ порчею и составили первый расколъ въ Россійской церквѣ подъ предлогомъ истиннаго благочестія, боголюбезнаго православія, непорочнаго храненія древней вѣры и отеческихъ преданій. Главные начальники онаго были протопопы: Иванъ Нероновъ, Даніилъ и Аввакумъ съ Діакономъ Ѳеодоромъ, великіе пустосвяты и при томъ духа гордаго и къ возмущенію склоннаго. Сонмъ ихъ умножился скоро при

стеченіи черни какъ пламень при бурномъ вѣтрѣ, и смутивъ въ разныхъ мѣстахъ народъ, захватилъ съ помощїю измѣнниковъ Астраханскихъ изъ шайки Стеньки Разина пребогатой Соловецкой монастырь и обратилъ оной въ свой вертепъ, которой по повелѣнїю Царя Алексѣя Михайловича былъ взятъ и большая часть скрывавшихся тамъ возмутителей получила мзду своихъ дѣлъ и казнена 22 Генваря 1676. Староверцы утверждаютъ для прельщенїя слабоумныхъ, что трупы ихъ остались нетлѣнны и пр. Никита показывалъ видъ совершеннаго раскаянїя и просилъ у Государя и собора прощенїя, которое и получилъ; но за дарованїе ему жизни отблагодарилъ онъ тѣмъ, что во время стрѣлецкаго бунта подговоря многихъ себѣ подобныхъ и склоня на свою сторону немалое число стрѣльцовъ, ходилъ по площадямъ и кормчемнымъ домамъ для возмущенїя народа и мало по малу столь усилился, что дерзалъ уже гласно склонять народъ на дѣло коварное, и вызывалъ къ себѣ для пренїя о вѣрѣ самаго Патрїарха, дабы принесть его въ жертву своему неистовству, и во время его служенїя ворвался въ крѣпость съ великимъ множествомъ единомышленниковъ своихъ и въ буйствѣ

кричалъ Государямъ *Іоанну Алексѣевичу* и *Петру Алексѣевичу* : *велите Государи имѣть Патріарху съ нами дѣло о вѣрѣ.* Патріархъ же прибѣгнувъ къ Богу и явясь немедлѣнно у Ихъ Величествъ, просилъ о покровительствѣ, которое и оказано было ему съ мужествомъ и благоразуміемъ Ихъ достойнымъ; ибо Они немедлѣнно вошли въ грановитую палату и повелѣли туда же быть Патріарху со всѣмъ его соборомъ для увѣщанія мятежниковъ, которые такъ же въ сію палату впущены были ; но они при самомъ входѣ своемъ попрали слово Евангельское : *воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богови* , надѣлали множество безчинствъ въ присудствіи высочайшихъ лицъ, родительницы ихъ , великихъ княженъ и знатнѣйшихъ особъ духовнаго и свѣтскаго чина , и невнимали никакимъ увѣщаніямъ и доказательствамъ о ихъ заблужденіи; поелику у нихъ не то со всѣмъ на умѣ было , какъ послѣ при допросахъ и дѣйствительно оказалось по преданіи Никиты въ руки правосудія самыми его сообщниками. —— Изъ числа мятежниковъ *попъ Козьма* убоясь жребія Никиты, казненнаго на красной площади, подговорилъ съ собою нѣсколько десятковъ человѣкъ и бѣжалъ изъ Москвы въ 1668 году въ Стародубовскую

нѣкоторую область и тамъ стекавшихся къ нему въ великомъ множествѣ мужиковъ вторично крестилъ и миромъ мазалъ по выдержанїи ими сорокодневнаго поста съ крайнимъ воздержанїемъ и содѣланїи всякой день 300 земныхъ и 700 поясныхъ поклоновъ, а въ нощное время 600 молитвъ Іисусу и проч. Отъ сего Козьмы установлено, что бы православные его ни съ кѣмъ изъ иновѣрцовъ непили и неѣли, въ баню неходили, Богу вмѣстѣ немолились, ни о чемъ съ ними неразсуждали, на торгу кромѣ великїя нужды непокупали пищи, да и ту молитвою бы очищали и проч. О строгомъ же сохраненїи заповѣдей Божїихъ и любви ко ближнему ничего неупомянуто. — Вскорѣ по томъ нѣкоторый *Стефанъ* попъ съ сыномъ своимъ Димитрїемъ пришелъ туда же изъ Бѣлева и поселясь въ слободѣ Митковкѣ поразнился съ Кузьмою въ томъ токмо, что никого неперекрещивалъ. Дошедшїй до нихъ слухъ о высочайшемъ повелѣнїи сыскать и представить ихъ въ Москву, принудилъ ихъ преподобїя ятися бѣгу въ Польшу и водвориться при рѣкѣ Виткѣ во владѣнїи нѣкоего помѣщика Халецкаго, гдѣ по краткомъ мирномъ сопребыванїи возъимѣли другъ противу друга великую вражду за колоколъ,

которой Козьмѣ хотѣлось имѣть а Стефану нѣтъ. По смерти Козьмы учинился преемникомъ его нѣкїй бѣглый чернецъ Іоасафъ, управлявшїй паствою своею 5 лѣтъ и положившїй основанїе сооруженїю церкви, доконченной и освященной разстригою Ѳеодосїемъ. Съ того времени умножился расколъ въ Россїи до крайности и соблазнивъ тысячи простодушныхъ, разсѣялъ ихъ по дебрямъ и пустынямъ, гдѣ они бѣдственно провождали дни свои и часто ради мученическаго вѣнца сожигались толпами. Раздѣленїе же въ ономъ главное послѣдовало тогда, когда вымерли у нихъ попы принявшїе священническїй санъ прежде исправленїя книгъ: тогда одна половина осталась безъ священства и таинствъ, а другая довольствовалась наборомъ бѣглыхъ поповъ приходившихъ къ нимъ подъ видомъ возвращающихся отъ ереси къ благочестїю. Безпоповщина раздѣляется на 4 отрасли: на Поморской, Ѳеодосїевской, Нетовской и Филиповской толкъ. О поморянахъ извѣстно, что они возъимѣли начало свое отъ *Данилы Викулича*, бывшаго дьячкомъ при церквѣ Шумскаго погоста, который ходилъ по волостямъ и развращалъ народъ называя триперстное сложенїе печатью Антихристовою, крестъ четвероко-

нечный кумиромъ и т. под. преклонилъ на свою сторону весь Олонецкій уѣздъ и основалъ около 1694 года выгорѣцкой скитъ, пришедшій въ отмѣнную славу при преемникѣ его *Андреѣ Денисовѣ*, человѣкѣ хитромъ и столько грамотномъ, что сочинилъ двѣ исторіи: одну о взятіи Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Соловецкого Монастыря, а другую о казни старовѣрцовъ Аввакумовскихъ, гдѣ весьма хитро украсилъ повѣсти свои баснотворными подвигами оныхъ лжестрадальцовъ, уподобленныхъ древнимъ святымъ мученикамъ и проч. Онъ писалъ такъ же съ помощію брата своего Андрея и поморскіе отвѣты Неофилу Іеромонаху присланному къ нимъ по Именному повелѣнію для увѣщанія ихъ и обращенія на путь истинны. Сіи хитросплетенные отвѣты, такъ же весьма старинные и рѣдкіе Россійскіе книги и рукописи, богатыя иконы и иныя великолѣпныя церковныя утвари, добытыя ими за великія деньги при помощи многоразличныхъ пронырствъ, служили камнемъ претыканія всѣмъ тѣмъ, кои были набожны, но незнали, въ чемъ состоитъ истинное благочестіе. Въ вышесказанныхъ Денисовыхъ исторіяхъ упоминается, что нѣкій старецъ изъ Соловецкого Монастыря избѣг-

шій участи собратіи своей, принесъ оттуда въ Поморье запасные дары, коихъ оскудѣніе принудило его соединить остатки ихъ съ хлѣбеннымъ растворомъ и спечь хлѣбы для того же употребленія, и будто не ради продажи крохъ ихъ за мѣшки сребра и золота. Послѣ сего Авраама были здѣсь главные настоятели: Петръ Прокофьевъ, Иванъ Филиповъ, Леонтій Ѳеодосіевъ и иные, коихъ всѣхъ ученіе состояло въ слѣдующемъ: 1) перекрещивать къ нимъ приходящихъ; 2) признавать Антихриста пришедшимъ въ міръ и царствующимъ; 3) немолиться о здравіи Государей; 4) неимѣть отнюдь браковъ и разводить женатыхъ на чистое житіе; 5) непринимать креста изъ двухъ частей сложеннаго; 6) отъ огнесожженія и погребенія себя живыхъ неотрицаться и за самоубійцъ Бога молить, признавая ихъ святыми страдальцами мученическаго вѣнца удостоившимися; 7) на трисоставномъ крестѣ недѣлать обыкновенной надписи а особливо подъ титлами и проч. подобн. —— *Ѳеодосіевской толкъ* восприялъ начало свое отъ Ѳеодосія Васильева отщетившагося въ 1706 или 1707 году отъ Поморянъ и разпространившаго около Новгорода и Пскова ученіе свое заключающееся найпаче въ томъ: что бы

при сохраненіи Поморскаго православія полагать предъ обѣдомъ за покупаемое отъ нечестивыхъ на торгу брашно по 100 поклоновъ, и дѣлать въ печныхъ изразцахъ диры, дабы удобнѣе благодать во время молитвы на уготовляемыя ѣствы дѣйствовала, ради чего и сосуды съ напитками бываютъ у нихъ тогда же отверзты.

Они имѣли въ 1751 году въ Польшѣ между собою Соборъ, гдѣ положили 46 правилъ для непремѣннаго и повсемѣстнаго наблюденія, изъ коихъ большая часть сходны съ Поморскими, а прочїе слѣдующаго содержанія: 1) Юношамъ, дѣвамъ и женамъ въ воскресные дни и прочїе праздники въ лѣсъ за ягодами и грибами неходить и по чужимъ деревнямъ негулять; 2) по середамъ и пятницамъ а въ великой постъ по вторникамъ и четвергамъ по дважды, въ прочїеже дни по трижды неѣсть; 3) на пьющихъ вино и пиво отъ жидовскихъ рукъ налагать постъ на 12 дней а на всякой день по 100 поклоновъ; 4) растящихъ власы и носящихъ шляпы къ моленію недопущать; 5) по середамъ и пятницамъ бань отнюдь не топить; 6) налагать по 500 поклоновъ на поющихъ свѣтскія пѣсни, играющихъ въ дуды, качающихся на качеляхъ и ходящихъ къ

ворожеямъ; 7) налагать по 1000 поклоновъ на того, кто будетъ въ судѣ иновѣрцовъ искать правды; 8) съ новожонами нежить въ одной храминѣ; 9) въ отлученныхъ домахъ, мiрскихъ и новоженскихъ Христа не славить; 10) стряпухъ при себѣ недержать; 11) юношамъ рубахъ красныхъ и сподницъ каламенковыхъ, а дѣвицамъ сапоговъ и платковъ красныхъ и подвязокъ золотыхъ на моленiи неимѣть.

Филиповской толкъ обязанъ началомъ своимъ чернецу Филипу, Андрея Денисова келейнику, который возъимѣвъ желанiе заступить мѣсто своего настоятеля и неполуча на то отъ братiи согласiя, разсудилъ за благо обличить оную въ несовершенномъ храненiи древняго православiя и отъ нее удалиться. Къ нему пристало немедлѣнно человѣкъ до пятидесяти ревностныхъ поборниковъ его благочестiя и онъ удалясь съ ними за нѣсколько десятковъ верстъ отъ прежняго своего жилища, построилъ тамъ себѣ скитъ и воономъ со всѣмъ почти своимъ стадомъ духовнымъ въ 1742 году сожегся. Съ того времени далеко разпространилося его ученiе, коего главное отличiе отъ Поморскаго состоитъ въ отсѣченiи четвертаго аминя, строгомъ отверженiи бра-

ка и перекрещиванїи приходящихъ къ нимъ супруговъ, нарицаемыхъ послѣ того духовными братьями и сестрами, въ храненїи трресоставнаго креста безъ титлы, въ поклоненїи однѣмъ только тѣмъ иконамъ, кои въ ихъ согласїи писаны, и во всегдашнемъ разглагольствїи о мученическомъ вѣнцѣ, ради котораго уговариваютъ они всякого къ себѣ новоприходящаго поститься 40 дней по примѣру Спасителя, на что если кто согласится, то выисповѣдавъ его снимаютъ съ него все платье и запираютъ его въ пустой и темной избѣ, гдѣ онъ пришедъ чрезъ нѣсколько времени въ изнеможенїе проклинаетъ прельстившихъ и заключившихъ его безчеловѣчно, тоскуетъ, стонетъ, терзается и на конецъ въ отчаянїи и неописанномъ безобразїи испускаетъ духъ свой. —

Что же принадлежитъ до *Нетовскаго* или *Спасовскаго толку*, то первый онаго заводчикъ неизвѣстенъ и самымъ его послѣдователямъ, кои соблюдая многїя правила Поморянъ, отличаются отъ нихъ въ томъ токмо, что никого неперекрещиваютъ, говоря, что все священство и таинство погибло на земли, и что хотящїе спастися должны прибѣгать къ одному Спасу, который вѣдаетъ, какъ бѣдныхъ спасти. Они назы-

ваются Нетовщиною по тому, что говорятъ: нѣтъ нынѣ никакой святыни въ мірѣ, а Спасовщиною для того, что во всемъ на благодать Спасителя полагаются. Изъ сего и *Филиповскаго толку* нѣкоторые видя, что порядокъ свѣта стоитъ ненарушимо а въ дѣвствѣ ихъ умножается примѣтно любострастіе, заключили, что должно исполнить и оное слово Божіе: *не добро быти единому*; ради чего за неимѣніемъ у себя священниковъ, почли за нужное прибѣгать въ семъ случаѣ къ такъ называемой ими новой церквѣ, а оттуда возвратясь въ благочестивое свое собраніе раскаеваться тамъ въ дерзновенно содѣянномъ грѣхѣ. Другіе утверждая, что вѣнецъ ни къ чему неслужитъ, и что сила брака заключается въ согласіи сочетавающихся и родительскомъ съ обѣихъ сторонъ благословеніи, позволяли вступать въ супружество безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ. Третіе же вступя въ супружество тѣмъ или инымъ образомъ, нарекли себя прелюбодѣями а женъ своихъ блудницами, по тому, что въ Антихристово пришествіе, о коемъ они столь сильно другъ друга увѣряютъ, не гдѣ получить благословенія Божія. Нѣкто Иванъ Алексѣевъ изъ *Өеодосіева толку* старался въ разныхъ сочиненіяхъ увѣ-

рить благочестивую свою братію, что дѣвственная жизнь состоитъ единственно въ произволеніи нашемъ и въ силахъ оную въ себѣ вмѣстить. — *Самокрещенцы* суть подражатели нѣкоего Павла, которому всѣ толки древняго православія непонравились для того, что имѣли по примѣтамъ его съ Антихристомъ сообщеніе въ разсужденіи осквернения пришествіемъ его нетокмо всѣхъ людей и звѣрей, но земли и воды. По мнѣнію его чиста одна токмо дождевая вода, которую онъ избравъ для окрещенія себя, возбудилъ въ нѣкоторыхъ соревнованіе къ своему благочестію. *Адамантовъ толкъ* гнушается всѣми другими и называетъ ихъ губительнѣйшими прелестниками, живетъ уединенно, ни съ кѣмъ никакого сообщенія неимѣетъ и ни за что неходитъ по каменной мостовой для того, что оная выдумана въ Антихристово по мнѣнію его время; имя же свое заимствуетъ отъ твердости, съ каковою пребываетъ въ любезномъ своемъ православіи. — *Молоканы* отступившіе много отъ ученія старовѣрческой своей собратіи ѣдятъ по середамъ и пятницамъ сыръ и молоко а въ суботные дни постятся. — Щельники иконамъ непокланяются, смотрятъ во время молитвъ своихъ

въ щели и безмѣрно къ ближнимъ свирѣпы и злобны; обитаютъ же большою частію на Дону. — *Селезневскій толкъ* разпространившійся нарочито въ Польшѣ и имѣвшій частое обращеніе съ жидами, прилѣпился немало къ ихъ ученію и обрядамъ. — *Перстный* имѣетъ главнымъ своимъ основаніемъ ученіе о сложеніи перстовъ и удостоеніи мученическаго вѣнца, коего нѣкій ревнитель перекрестилъ въ 1781 году въ слободѣ Злынкѣ беременную свою жену и троихъ дѣтей, и тогда же всѣхъ ихъ убивъ ночью сонныхъ, пришелъ по утру къ таможеннымъ приставамъ и объявя имъ вину свою, сказалъ: я мучитель былъ своихъ, а вы будите мнѣ; и такъ они отъ меня а я отъ васъ пострадаю и будемъ вкупѣ въ царствіи небесномъ мученики. — *Толкъ христовщины* самой хуждшій изъ всѣхъ. Оной положилъ выбирать себѣ Христа изъ собратіи своей и ему покланяться; заблужденія его столь ужасны, что никакое перо описать неможетъ. *Кадильники* изобрѣли себѣ особливой способъ держать кадило и предали проклятію всѣхъ тѣхъ которые не по ихъ предписанію кадятъ. Кромѣ сихъ толковъ есть еще и другіе, но различіе ихъ незаслуживаетъ особливаго вниманія.

П. Б.

Плодъ суевѣрія во Франціи или достовѣрное сказаніе о смерти Марка Антонія Каласа и о слѣдствіи и казни отца его Іоанна Каласа за мнимое убіеніе своего сына.

Іоаннъ Каласъ былъ купецъ города *Тулузы*, и жилъ тамъ четыре года въ великой знати. Онъ женатъ былъ на одной *Агличанкѣ*, родившейся во Франціи, у которой бабушка бывъ изъ фамиліи *Гард-Монтескіевой*, почиталась въ числѣ знатнѣйшаго дворянства въ *Лангедокѣ*.

Каласъ и его супруга бывши оба протестанскаго исповѣданія, воспитывали въ той же самой вѣрѣ и своихъ сыновей, которыхъ у нихъ пятеро было; но одинъ изъ нихъ именемъ *Людовикъ*, сдѣлался нѣкогда католикомъ; къ чему довела его одна служанка, которая жила у нихъ тридцать лѣтъ, и была сама Римско-католическаго исповѣданія; однакожъ отецъ его въ семъ случаѣ нетолько ни какого неоказалъ негодованія или неудовольствія, но и опредѣлилъ ему годовой доходъ, а служанку оставилъ у себя на прежнемъ основаніи.

Сїе сѣмейство состояло въ 1761 году, изъ *Іоанна Каласа*, его супруги, *Марка Антонїя Каласа* старшаго ихъ сына, *Петра Каласа*, меньшаго сына, и одной служанки. Маркъ Антонїй былъ воспитываемъ такъ, что бы сдѣлаться ему стряпчимъ или Совѣтникомъ въ судѣ; но какъ онъ нехотѣлъ быть въ семъ званїи, поелику долженъ былъ или перемѣнить нѣкоторые поступки, коихъ будучи протестантомъ, немогъ перемѣнить, или принимать виды, которые казались ему либо неправильны, либо весьма суетны; то впалъ въ уныние и задумчивость, и старался разогнать свою грусть играя на билїардѣ или занимаясь другими забавами требующими издержекъ: отецъ его часто изъявлялъ ему съ нѣкоторымъ жаромъ свое въ томъ неудовольствїе, и однажды сказалъ: что ежели онъ неперемѣнитъ своего поведенїя, то выгнанъ будетъ изъ дому. Сей молодой человѣкъ пришелъ въ большее еще унынїе и задумчивость, и уже по видимому имѣлъ намѣренїе прекратить свою жизнь, по тому что непрестанно выбиралъ и читалъ мѣста о *самоубїйствѣ* изъ *Плутарха*, *Сенеки*, *Монтанья*, и изъ другихъ писателей и даже зналъ наизусть часто твердя славное

единобесѣдованіе изъ *Гамлета*, переведенное на *Французской* языкъ; также и нѣкоторыя мѣста изъ *Французской* комедіи *Сидней*.

1761, Октября 13 дня, одинъ молодой девятьнадцатилѣтній дворянинъ, именемъ *Гоберъ Ла-веесъ*, славный адвокатъ *Тулузкій*, бывши нѣсколько времени въ *Бурдо*, пріѣхалъ обратно въ *Тулузу*, и хотѣлъ видѣть своего родителя; но узнавши, что онъ уѣхалъ въ свою деревню отстоящую нѣсколько отъ города, ходилъ по разнымъ мѣстамъ для нанятія верховой лошади, дабы туда съѣздить; однако немогъ достать оной и встрѣтился около пяти часовъ въ вечеру съ *Іоанномъ Каласомъ*, и съ старшимъ его сыномъ *Маркомъ Антоніемъ*, который былъ его другъ. *Каласъ* пригласилъ его къ себѣ на ужинъ; а какъ онъ немогъ ночью поспѣть къ своему отцу, то на то и согласился. Всѣ трое пошли вмѣстѣ въ *Каласовъ* домъ. *Ла-веесъ* узнавши, что Гжа *Каласъ* находилась въ своей комнатѣ, изъ коей она чрезъ цѣлой тотъ день невыходила, пошелъ къ ней отдать свое почтеніе. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій объявилъ ей, что будетъ съ нею ужинать по приглашенію ея супруга; она оказала на

то свое удовольствіе, и послѣ нѣскольких минутъ оставила его, дабы дать нужной приказъ своей дѣвкѣ. По окончаніи всего сего пошла она къ своему сыну *Антонію*, и застала его въ великой задумчивости одного сидящаго въ лавкѣ: она дала ему нѣсколько денегъ, что бы купилъ муки; ибо какъ онъ умѣлъ гораздо лучше покупать муку, нежели другое что для дома, то и посылали его всегда за оною.

Она возвратилась къ своему гостю *Лавессу*, который скоро послѣ того ушелъ въ конюшню, чтобъ посмотрѣть лошади, на коей можно бы было ѣхать, и чтобъ приготовить ее къ слѣдующему утру.

Какъ *Антоній*, купивъ муки, возвратился назадъ скоро, и *Ла-вессъ* въ то же время вошелъ въ комнату, то вся семья, и гость сѣли ужинать въ одной горницѣ въ верхнемъ жильѣ; всю компанію составлялъ самъ Каласъ, его супруга, *Антоній* и *Петръ* Каласъ и *Ла-вессъ* гость; а въ домѣ никого небыло другаго, кромѣ выше упомянутой служанки.

Уже было около семи часовъ; ужинъ былъ недологъ, но прежде нежели кончился, или какъ говорятъ французы, предъ десертомъ, *Антоній* вышедъ изъ за сто-

ла, спѣшилъ по обыкновенію своему въ поварню; и какъ служанка спросила, не холодно ли ему, то онъ отвѣчалъ: *я напротивъ того весь въ жару*; послѣ того оставилъ онъ ее. Пріятель же его и прочіе изъ семьи, вышедъ изъ той горницы, гдѣ ужинали, взошли въ спальню: хозяинъ, и г. *Ла-весс*ъ, сѣли вмѣстѣ на софу; младшіи его сынъ *Петръ* сѣлъ въ креслы, а мать въ другіе; и такимъ образомъ они небезпокоясь о *Антоніи* продолжали разговоры свои почти до десятаго часа; а какъ *Петръ* уже вздремалъ, и повалился, то *Ла-вессъ* взявши позволеніе подошелъ къ нему со свѣчею, и пробудилъ его. (*)

(*) Сія краткая повѣсть заключаетъ точное описаніе домашней жизни. Купецъ воспитывающій старшаго своего сына по ученому, дабы со временемъ сдѣлаться ему стряпчимъ, посылаетъ его купить муки, имѣя у себя одну только служанку и по изготовленіи ужина, садится за столъ въ семь часовъ; но прежде нежели оной кончился, *Антоній* старшіи сынъ, отмѣнной другъ гостя, выходитъ изъ за стола, и спѣшитъ въ поварню; объ немъ небезпокоятся, хотя бѣседа и продолжалась болѣе двухъ часовъ; они оставляютъ столовую комнату съ накрытымъ еще столомъ, и проводятъ вечеръ въ спальнѣ, послѣ того *Петра* клонитъ сонъ, и онъ спокоенъ былъ до тѣхъ поръ, какъ вздумалъ гость освѣтить его свѣчею.

Внизу *Каласова* дома была лавка, и кладовая, которая отдѣлялась отъ нее одною створчатою дверью: когда *Петръ Каласъ*, и *Ла-вессъ* сошли по лѣстницѣ въ лавку, то чрезвычайно были поражены, увидѣвъ *Антонія* висящаго въ рубашкѣ на шестѣ, которой онъ продвинулъ сквозь оную створчатую дверь, отворивъ одну ея половину. — При семъ страшномъ зрѣлищѣ они закричали, и на сей крикъ сошелъ внизъ самъ *Каласъ*, а жена его осталась вверьху въ великомъ страхѣ. Нещастный старикъ бросившись напередъ, схватилъ своими руками тѣло; а шестъ, на которомъ веревка была привязана, вынулъ изъ створчатыхъ дверей, и бросилъ оный: положивъ же тѣло на полъ, развязалъ и снялъ петлю съ него, и въ отчаянной скорби и несказанной горести рыдалъ, трепеталъ и оплакивалъ себя и сына своего. Меньшій же его сынъ, и г. *Ла-вессъ* неимѣвъ довольно присутствія духа, дабы осмѣлиться снять тѣло, стояли оцѣпенѣлы въ недоумѣніи и отчаяніи; вскорѣ послѣ того мать услышавъ ужасный вопль и стонъ своего супруга, и видя, что никто нешелъ къ ней, спѣшила сойти внизъ по лѣстницѣ. Тамъ увидѣвъ *Ла-весса*, съ торопливостію спрашивала, какая причи-

на была всему тому ; сей вопросъ потревожилъ его, и вмѣсто того, чтобъ ей отвѣтствовать , онъ понуждалъ ее возвратиться вверьхъ, на что она съ великимъ сопротивленїемъ и согласилась; но какъ немогла долго сносить безпокойства своей души, то послала дѣвку *Жаннету* провѣдать, что такое тамъ было; служанка увидѣвши все произходившее, осталась внизу либо для того, что боялась открыть страшное приключенїе своей госпожѣ, либо ради того что занята была какимъ нибудь дѣломъ возложеннымъ на нее отъ господина , который держа тѣло своего сына омывалъ оное слезами. И такъ госпожа будучи оставлена одна, пошла на низъ, и усмотрѣвъ печальное позорище, ощущала всѣ тѣ движенїя, каковыя могутъ естественнымъ образомъ произойти въ таковое время. Тотчасъ послали *Петра* за *ла Моаромъ*, врачемъ жившимъ по сосѣдству ; но какъ его незастали въ домѣ, то немедлѣнно пришелъ ученикъ его *Гроссъ*. По осмотрѣнїи онъ узналъ, что тѣло было совершенно мертво , и разстегнувши галстукъ , который былъ сдѣланъ изъ черной тафты, увидѣлъ знакъ веревки , и немедля объявилъ , что покойникъ былъ удавленъ. Сїе обстоятель-

ство оставлено было безъ вниманія; ибо когда *Петръ* пошелъ за *ла-Моаромъ*, то бѣдный старикъ кричалъ: *спаси по крайней мѣрѣ честь моего рода, неходи и неразсѣвай слуха о томъ, что братъ твой учинилъ надъ собою.*

Въ то время множество народа сбѣжалось при входѣ въ домъ, и нѣкто Казингъ съ другимъ пріятелемъ, или двумя вошли въ него; нѣкоторые же изъ тѣхъ, кои были на улицѣ, слышали только крикъ и вопль отца, матери, брата и его друга, незная еще, что такое сіе значило; но какъ то провѣдавъ, что *Антоній Каласъ* умеръ нечаянною смертію, притомъ же услышавъ отъ лѣкаря осматривавшаго тѣло, что онъ удавленъ, забрали мысли, яко бы онъ точно умерщвленъ; а какъ его родители были протестанскаго исповѣданія, то подумали, что сей молодой человѣкъ намѣренъ былъ отречься отъ ихъ вѣры, и за то де преданъ былъ смерти. Крикъ слышанной ими, почли они за крикъ умерщвляемаго, когда онъ возпротивлялся насилію ему дѣланному. Шумъ на улицѣ отъ часу болѣе умножался; одни говорили: что *Антоній Каласъ* хотѣлъ отречься на слѣдующій день; а другіе сказывали, что протестантамъ повелѣваетъ законъ давить или умерщвлять

своихъ дѣтей, когда они желаютъ сдѣлаться католиками. Другїе же узнавши, что *Лавессъ* былъ при всемъ произходившемъ въ семъ домѣ, съ достовѣрностїю утверждали, что протестанты въ прошедшемъ своемъ собранїи назначили одного изъ своихъ быть общимъ у нихъ палачемъ въ таковыхъ случаяхъ, и что конечно *Ла-вессъ* былъ тотъ самой, который въ соотвѣтствїе своей должности на него возложенной, пришелъ къ *Каласу* повѣсить его сына.

Нещастный отецъ обремененный горестїю о потерѣ сына, послалъ по совѣту своихъ прїятелей за судьями, опасаясь дабы несложили на него убїйства.

Одинъ человѣкъ отправленъ былъ къ городничему *Давиду*, а другой къ засѣдателю въ управѣ благочинїя. Городничїй будучи приведенъ въ страхъ молвою о убїйствѣ, поѣхалъ къ Каласу прежде еще нежели посланной къ нему прибылъ. Онъ вошелъ въ домъ съ 40 солдатами, взялъ отца, сына его *Петра*, мать, *Ла-весса*, и служанку подъ стражу и приставилъ къ нимъ часовыхъ: по томъ послалъ за г. *де ла Туромъ*, докторомъ, и за г. *ла Маркомъ* и *Перонетомъ*, лѣкарями, которые свидѣтельствовали на тѣлѣ знаки наглости, однакожъ

ничего ненашли, кромѣ рубца на шеѣ отъ петли. Волосы на покойникѣ были въ обыкновенномъ положенiи, нимало несклокочены и неизмяты; платье его сложено было порядочно, и лежало на счетномъ столикѣ, а рубашка ни заворочена была, ниже разтегнута.

Несмотря на сiи свидѣтельства, *Давидъ* держался одного мнѣнiя съ чернiю, и взялъ въ голову, что сей старикъ *Каласъ* вѣрно посылалъ за *Ла вессомъ*, дабы повѣсить своего сына; что *Ла-вессъ* и пришелъ исполнить свою должность казнителя, и что отецъ и братъ ему въ томъ пособляли.

Тѣло по приказанiю сего нещастнаго и несмысленнаго пустосвята, отвезено было на съѣзжую вмѣстѣ съ платьемъ. Отца и его сына отвели въ темную тюрьму; а мать, *Ла-весса*, дѣвку и *Казинга* посадили въ такую, въ которую свѣтъ проходилъ. На другой день такъ называемый *словесный судъ* вмѣсто того, чтобъ производить его тамъ, гдѣ тѣло найдено, какъ законъ повелѣваетъ, производимъ былъ на съѣжжей, а числомъ означенъ въ *Каласовомъ* домѣ, дабы чрезъ то скрыть несправедливость. Сей *словесной судъ* нѣкоторое имѣетъ сходство съ *осмотромъ*

нашихъ коронеровъ (coroners inquest) (*) свидѣтели были допрашиваемы, и учиненъ въ надлежащее мѣсто репортъ, которой сходственъ съ докладами нашихъ коронеровъ. Допрашиванные свидѣтели были докторъ и лѣкарь, которые доказывали, что *Антоній Каласъ* былъ удавленъ; лѣкарь, которому приказано было осмотрѣть желудокъ покойника доносилъ, что пища найденная тамъ, была принята за четыре часа до его смерти: но какъ ложное сїе доказательство немогло быть дѣйствительно, то судъ прибѣгнулъ къ увѣщанїю, въ коемъ уголовное преступленїе было однако же почтено за признанное; потребованы были всѣ свидѣтели долженствовавщїе согласоваться съ статьями имъ предписанными отъ суда. Сїе увѣщанїе начинается увѣренїемъ яко бы *Ла-вессъ* назначенъ былъ отъ протестантовъ для исполненїя должности казнителя, когда нѣкоторые изъ ихъ дѣтей за отступленїе отъ закона ихъ окажутся достойными быть по-

---

(*) *Коронеръ* есть въ Англїи такой чиновникъ, которой съ двенадцатью приставами осматриваетъ найденныя мертвыя тѣла, убиты ли они, или естественнымъ образомъ умерли.

вѣшены и что протестанты, когда вѣшають своихъ дѣтей, принуждаютъ ихъ становиться на колѣни; по чему между прочими допросами былъ такой: невидѣлъ ли кто Антонія Каласа стоящаго на колѣняхъ предъ отцемъ, когда онъ былъ удавляемъ? На конецъ все здѣсь кончится тѣмъ, что какъ *Антоній* умеръ Римскимъ Католикомъ, то и доженъ быть погребенъ духовенствомъ Католическаго исповѣданія. Когда же сіи смѣшныя мнѣнія были приняты и обнародованы главнымъ судомъ сего славнаго города; то *Женевская* церковь почла за долгъ послать вездѣ объявленіе о сихъ гнусныхъ и нелѣпыхъ мнѣніяхъ данныхъ такими особами, коихъ санъ и должность требовали отъ нихъ большаго знанія и лучшаго разсудка.

Но прежде нежели объявленіе сіе содѣлалось гласнымъ, чернь думала, что тѣло *Антонія Каласа* въ слѣдующій день должно вступить въ обитель братства бѣло-рясныхъ покаянниковъ. Градоправитель безъ всякаго разбирательства слѣдовалъ сему мнѣнію, и приказалъ *Антоніево* тѣло погребать по середи церкви св. *Стефана*, что и исполнено; четыре священника отправили здѣсь соборомъ похоронной обрядъ.

Спустя послѣ того четыре дни бѣлоряеные покаянники совершали въ своемъ храмѣ праздничную службу въ честь покойнику; и какъ церьковь зависѣла отъ нихъ, то поставили посреди ея гробницу, а на крышкѣ оной человѣческой скелетъ, держащїй въ одной рукѣ свитокъ, на коемъ написано было *отверженїе ереси*, а въ другой пальму, знаменїе мученичества.

Въ слѣдующїи же день Францисканцы отправляли такую же службу въ честь ему; легко можно вообразить, коль сильно мысли народа воспаляются странною глупостїю своихъ правителей и священниковъ.

Градоправитель продолжалъ гоненїе съ неумолимою жестокостїю; и хотя горесть и безпокойство сея семьи при въѣздѣ перваго его въ домъ, могли довольно увѣрить разумнаго человѣка въ томъ, что они небыли виновны въ приключенїи оплакиваемомъ ими; но какъ онъ всенародно обьявилъ, что они оказались дѣиствительно злодѣями недостойными ни малой пощады, то разсудилось ему осудить нещастнаго отца, мать, брата, друга его и служанку на мученїе, и такъ заключилъ ихъ въ желѣза 18 Ноября а *Казингъ* былъ выпущенъ по той причинѣ, что онъ въ *Калассовомъ* домѣ былъ послѣ смерти *Антонїя*.

На сїе страшное судопроизводство, злощастные подали аппелляцїонное прошенїе въ парламентъ, который взявъ немедлѣнно сїе дѣло въ разсмотрѣнїе, остановилъ рѣшенїе градоправителя и продолжалъ слѣдствїе.

Когда же оное происходило, то палачь посланный въ *Каласовъ* домъ, и осмотрѣвшїй створчатые двери и шестъ, объявилъ, что *Антонїю* ни какъ невозможно было самому повѣситься, такъ какъ разсказываютъ; другой же свидѣтель божился, что онъ съ другими смотрѣлъ сквозь замочную скважину *Каласовыхъ* дверей въ одну темную комнату, гдѣ будто бы люди бѣгали съ торопливостїю въ задъ и въ передъ; а третїй съ клятвою увѣрялъ по разсказамъ своей жены, что одна женщина именемъ *Мандрилла* говорила ей, яко бы нѣкоторая также незнакомая женщина слышала крикъ *Марка Антонїя Каласа* на краю города. При таковыхъ очевидныхъ свидѣтельствахъ большая часть въ парламентѣ была мнѣнїя того, что конечно отецъ и мать велѣли *Ла-вессу* повѣсить своего сына, и что другой сынъ, и служанка въ томъ ему помогали и были участниками заговора противу его жизни.

Нѣкто *Ла-Бордъ*, который находилъ для себя выгоды въ народныхъ предразсудкахъ, первенствовалъ при семъ слѣдствіи, и хотя явное было доказательство, невинности всѣхъ заключенныхъ, но онъ подалъ свой голосъ въ такой силѣ, что отецъ долженъ первой вытерпѣть обыкновенное и необыкновенное мученіе для узнанія его соучастниковъ, и тогда наложить на него живаго рѣль на висѣлицѣ для принятія послѣдняго удара, и послѣ двухъ часовъ его висѣнія сожечь и превратить его въ пепелъ. Въ семъ мнѣніи согласны были съ нимъ шестеро другихъ членовъ, трое въ разсужденіи мученія токмо, а двое были мнѣнія такого, что они должны стараться немѣдля вывѣдать; могъ ли *Антоній* повѣсить самъ себя или нѣтъ; одинъ изъ сихъ голосовъ состоялъ въ томъ, чтобъ выпустить заключенныхъ. Послѣ долгихъ прѣній большинство голосовъ утвердило мнѣніе свое относительно къ мученію и висѣлицѣ; и вѣроятно, что въ сіе время осудили отца на пытку, дабы чрезъ оную узнать, былъ ли онъ злодѣй или нѣтъ, уповая, что онъ въ семъ истязаніи признается въ злодѣйствѣ, и уличитъ другихъ въ тюрьмѣ по сему дѣлу заключенныхъ, коихъ судьба была еще въ сумнѣніи.

Извѣстно, что ежели бы они имѣли очевидное противъ отца свидѣтельство, которое оправдало бы приговоръ произнесенной ими противъ него, и кое утвердило бы также приговоръ и надъ прочими; и что ежели бы немогли обвинить законнымъ образомъ другихъ; то бы немогли обвинить справедливо и его, потому, что они всѣ вмѣстѣ были тогда, какъ умеръ *Антонїй*, и всѣ согласно говорили, что онъ самъ себя повѣсилъ; а къ учиненїю сего тѣ, кои непособляли вѣшать его, (ежели онъ токмо другими повѣщенъ,) никакого неимѣли побужденїя, да и ни одинъ изъ сихъ нещастныхъ немогъ повѣсить его насильнымъ образомъ, незнавши прочихъ.

На конецъ бѣдный *Каласъ* имѣвшїй отъ роду шестьдесятъ восемь лѣтъ осужденъ былъ одинъ на страшную казнь, онъ терпѣлъ истязанїе съ великою твердостїю, и шелъ на мѣсто мученїя съ такимъ разположенїемъ духа, которое возбудило удивленїе во всѣхъ зрителяхъ.

Два Доминиканца, отецъ *Буржъ*, и отецъ *Галдагъ*, присудствовавшїе при послѣднихъ минутахъ его жизни желали, чтобъ и ихъ кончина была подобна его, и говорили, что почитаютъ они его нетокмо совершенно без-

виннымъ въ злодѣянiи возверженномъ на него, но и подражанiя достойнымъ примѣромъ истиннаго Христiанскаго терпѣнiя, мужества и кротости.

Одинъ крикъ, и то невесьма сильной, произходилъ отъ него въ то время, какъ онъ получилъ первой ударъ; послѣ же неиспускалъ онъ ни малѣйшаго вопля. Наконецъ будучи уже на висилицѣ, и ожидая той минуты, которая разрѣшитъ его отъ жизни и купно отъ всѣхъ злополучiй, изъявилъ смиренное упованiе блаженнаго безсмертiя, и возвелъ сострадательный взоръ на судей обвинившихъ его; увидя же палача приготовляющагося дать ему послѣднiй ударъ, открылъ онъ безбоязненно свою невинность отцу *Буржу*; но между тѣмъ какъ онъ говорилъ, градоправитель, виновникъ всего сего злощастiя взошедши на срубъ во удовольствiе своего желанiя быть самому свидѣтелемъ сея казни, подбѣжалъ къ нему, и заревѣлъ: *нещастный, вотъ дрова, которыя тѣло твое превратятъ въ пепелъ; сказывай истинну.* На сiе *Каласъ* ничего неотвѣчалъ, но только отвратилъ свою голову нѣсколько назадъ, а палачь въ сiю самую минуту исполнилъ свою должность.

Хотя свидѣтельство умирающаго мужа и освобождало другихъ отъ казни; однако судьи стараясь во всемъ поступить съ единообразною гнусностїю, лишили жизни и *Петра Каласа*, и тогда выпустили прочихъ. Нещастные требовали удовольствїя отъ Короля, которому сей судейской приговоръ непосланъ былъ на конфирмацїю, какъ надлежало.

Судьи хотѣли утаить сїе дѣло; но вдова просила, чтобы оное приказано было представить въ *Парижской* парламентъ на разсмотрѣнїе.

съ Агглинскаго. *Б.*

Извѣстіе о другомъ плачевномъ приключеніи во Франціи 1765. (*)

Одинъ *Кастерской* помѣщикъ именемъ *Сирвенъ* имѣлъ у себя трехъ дочерей, всѣхъ протестантскаго исповѣданія. Младшую изъ нихъ насильно исторгли изъ объятій матери ея, увезли въ монастырь и тамъ учили ее катихизису лозами. Дѣвушка съ горяча убѣжала и кинулась въ одинъ колодезь, которой разстояніемъ былъ около мили отъ дому ея отца. Ревнители закона несумнѣвались, чтобъ отецъ, мать и сестры ея небыли тѣми злодѣями, которые утопили ее. Скоро молва прошла между Римскими Католиками той провинціи, яко бы есть одна статья между главнѣйшими въ протестантскомъ законѣ такая, которая требуетъ, чтобъ отцы и матери вѣшали, топили или рѣзали тѣхъ у себя дѣтей, которые окажутся подозрительными въ склонности къ Римскому закону. Сіе случилось точно въ то же самое время, когда *Каласова* семья была въ оковахъ и дѣлались приготовленія для истязанія оной.

(*) Письмо Волтера къ г. д, Ам. . . 1765

Слухъ о сей дѣвушкѣ разпространясь всюду дошелъ и до жителей *Тулузы*. Да; „(говорили они) мы видимъ и здѣсь живой „примѣръ того въ отцѣ и матерѣ, которые „убили свое дитя.„ Шумъ вездѣ умножается и бѣшенство народа усиливается; *Сирвена*, его жену и дочерей приказано было схватить. Устрашенный *Сирвенъ* едва успѣлъ убѣжать со всѣмъ своимъ злополучнымъ сѣмействомъ. Они лишась всякой помощи принуждены были скитаться при подошвѣ крутыхъ горъ, которые въ то время покрыты были снѣгомъ. Одна изъ его дочерей спасла по среди льда нѣкоторое дитя, кое уже при смерти было и взяла къ себѣ его на руки, сама едва будучи жива. Наконецъ они пошли по дорогѣ ведущей въ Швейцарїю.

Тотъ самой случай, который привелъ ко мнѣ дѣтей *Калассовыхъ*, заставилъ ко мнѣ притти и *Сирвена*. Представь себѣ, любезный другъ, четырехъ агнцовъ обвиняемыхъ мясникомъ въ томъ, что будто бы они сѣѣли одну овцу: я подобное сему видѣлъ, и немогу описать, колико тронутъ былъ тогда нещастїемъ и невинностїю. Что же должно учинить или какъ бы ты поступилъ будучи на моемъ мѣстѣ? Довольно и того, что бы воздыхать о то-

ликихъ злополучїяхъ человѣческихъ? Я осмѣлился отписать о семъ къ Предсѣдателю *Лангведокскому*; но его небыло въ Тулузѣ. Я просилъ одного изъ твоихъ прїятелей, чтобъ онъ подалъ прошенїе Вице канцлеру. Но не преминули близъ *Кастерса* казнить портретъ отца, матери, и двухъ дочерей; имѣнїе ихъ описали на Государя, пожитки разграбили, и погибель ихъ здѣлалась совершенною. И такъ добродѣтельное, честное и неповинное сѣмейство стало подвержено поношенїю и нищетѣ на чужей землѣ. Правда, они получили милость; но сколь горестно быть предмѣтомъ таковой милости. Отвѣтъ посланной на мою прозьбу, состоялъ въ томъ, что они можетъ быть получатъ себѣ прощенїе.

Б.

О произхожденіи Турецкаго народа и постепенномъ его возращеніи, съ показаніемъ нравовъ, обычаевъ и воинской его силы.

Арапы или Сарацины, произшедшіе отъ *Исмаила*, сына *Авраамова* и *Агары* его супруги, обитали въ странѣ именуемой *Аравою* и назывались *Исмаильтянами* и Агарянами, а отъ иноплеменныхъ народовъ *аравами*, по мѣсту ихъ жилища, и *Сарацынами* по образу жизни, означаемой словомъ Аравійскимъ, *сарацъ*, грабить; ибо они въ древнія времена упражнялись въ грабительствѣ и набѣгахъ такъ, какъ нынѣ упражняются Лесгинцы и иные степные и горскіе народы.

Въ 571 году по Рождествѣ Христовѣ явился между ими лжепророкъ *Мухметъ* или *Магометъ*, который принудилъ ихъ принять новый законъ и новый образъ жизни. Сей человѣкъ неимѣлъ въ коварствѣ и лести себѣ подобнаго. Онъ былъ столь хитръ, отваженъ и неустрашимъ, что нося въ одной рукѣ свой алкоранъ а въ другой мечъ поработилъ себѣ нетокмо Аравію, отъ коей на Востокѣ Римское и Персидское царство

потряслось, но и содѣлался законодателемъ всѣхъ почти Африканскихъ и Азїйскихъ народовъ.

Турки, произшедшїе отъ Скиѳовъ или Татаръ и обитавшїе между Яксартою рѣкою и Каспїйскимъ моремъ къ Сѣверу, переправясь по прошествїи цѣлаго почти вѣка по кончинѣ Магометовой чрезъ сїе море и Кавказскїя горы, поселились въ той странѣ, гдѣ нынѣ Грузїя, Туркоманїя и Дїарбекъ. Около же половины девятаго столѣтїя пошли они вооруженною рукою на великую Арменїю и оною овладѣвъ избрали ее своимъ обиталищемъ, чрезъ что стали сосѣдами Сарацынамъ, которые занимали тогда большую часть Азїи, Африки и Европы, и имѣли въ Сирїи столицу свою *Дамаскъ*, гдѣ обрѣтались самодержавные ихъ Калифы.

Сарацыны съ начала воевали противъ сихъ новыхъ пришельцовъ, но скоро по томъ заключили между собою миръ и соединились во едино. Турки же принявъ отъ нихъ магометанской законъ, приняли и общее съ ними названїе Мусульмановъ или правовѣрныхъ, и вооружились съ ними противу христїянъ, пришедшихъ въ Азїю ихъ безпокоить.

Калифы, Магометовы преемники, распространили въ краткое время повсюду свое могущество, но неположивъ оному твердаго основанія, подвергли царство свое въ одинадцатомъ вѣкѣ раздѣленію, коимъ непреминули воспользоваться Турки подъ предводительствомъ *Тугрулъ-Бега*, учинившаго въ 1032 году великія завоеванія и управлявшаго самодержавно всѣми покоренными имъ областями, кои по смерти его опять раздѣлились на разныя владѣнія, существовавшія дотолѣ, пока одинъ изъ ихъ Султановъ *Оттоманъ*, властвовавшій въ Цилиціи, неовладѣлъ всѣми оными и несоставилъ изъ нихъ единаго государства, нареченнаго по имени его Оттоманскою Портою. Онъ завоевалъ въ 1300 году и Виѳинію и пренесъ въ 1326 столицу свою въ главной ея городъ Брузію. *Орканъ* его сынъ взялъ въ 1330 году Никію, а *Амуратъ*, старшій сынъ сего Султана, прибывъ первый изъ соотчичей своихъ на судахъ въ Европу, овладѣлъ Адріанополемъ и Ѳракіею, послѣ чего восточная Имперія начала чувствительно упадать. Преемникъ его престола *Баязетъ*, былъ такъ же преемникомъ и воинскаго его духа и съ помощію храбраго тѣлохранительнаго своего войска, учрежденного отцомъ его и имену-

мого обыкновенно янычарами, возвысилъ толико славу оружїя своего, что одинъ токмо славный *Тамерланъ* могъ оному противуборствовать и при томъ столь удачно, что лишилъ *Баязета* и многихъ владѣнїй. Сыновья Баязетовы оспоривали долго другъ у друга право наслѣдства; но на конецъ *Магометъ первый* побѣдивъ своего брата, принялъ отцовскїй престолъ и продолжалъ съ толикимъ успѣхомъ войну, что возвратилъ всѣ *Тамерланомъ* завоеванныя земли и покорилъ Сербїю, Волохїю и Македонїю. Сынъ его *Амуратъ вторый* былъ неоднократно пораженъ отъ Венгерскаго Ироя *Іоанна Корвина Гуннїада*, но напослѣдокъ одержалъ въ 1444 году славную надъ нимъ при Варнѣ побѣду, которая для Венгрїи была весьма пагубна и служила Туркамъ ко утвержденїю за собою завоеванныхъ ими Европейскихъ владѣнїй. Во время сего Султана жилъ славный и непобѣдимый *Георгїй Кастрїотъ*, Скандербегомъ нареченный, который съ своими Албанцами положилъ Туркамъ преграду простирать далѣе въ Европѣ свои завоеванїя. *Магометъ вторый*, *сынъ Амурата втораго*, обладавшїй многими дарованїями и весьма искусный военачальникъ покорилъ подъ державу свою весь остатокъ Грецїи и Фра-

кіи и взявъ по двумѣсячной осадѣ въ 1453 году Царьградъ, разрушилъ въ конецъ Греческую монархію. *Константинъ Палеологъ*, послѣдній изъ Императоровъ сего государства былъ убитъ при взятіи столицы его, куда *Магометъ* пренесъ свой престолъ и объявилъ себя тамъ Императоромъ. Онъ лишивъ по томъ Венеціанъ всея Мореи, скончался въ 1481 году. *Баязевъ вторый* содѣлался преемникомъ его по одержаніи верховной власти надъ братомъ своимъ Цициномъ. *Селимъ*, одинъ изъ славнѣйшихъ Султановъ, побѣдилъ въ 1514 году Персовъ и лишилъ ихъ многихъ областей; по томъ овладѣлъ Египтомъ, Сиріею, Аравіею и Палестиною и разорилъ Мамелукковъ, побѣдивъ и убивъ послѣдняго ихъ Царя *Гаврія* въ 1517 при Алеппѣ. *Солиманъ первый* привелъ храбростію и прозорливостію своею Турецкое государство до высочайшей степени силы, славы и величія; одержалъ многочисленныя побѣды надъ Персами, отнялъ у нихъ многія земли, овладѣлъ Родоссомъ и выгналъ съ онаго кавалеровъ святаго Іоанна, поселившихся по томъ на островѣ Мальтѣ, покорилъ Молдавію, Валахію и большую часть Венгріи; но сіи области скоро по кончинѣ его достались опять прежнимъ вла-

дѣльцамъ. Въ царствованіе же сына его *Солимана втораго* приобрѣтенъ отъ Венеціанцовъ Кипръ, но изтреблена совсѣмъ морская его сила въ Левантѣ отъ Донъ Іоанна Астурійскаго, потопившаго болѣе 80 кораблей а 130 въ добычу получившаго, на коихъ всѣхъ 25000 Турковъ было убито а 5000 въ плѣнъ взято. Прочіе Турецкіе Султаны до *Магомета четвертаго* были слабы. Сему же Государю препятствовали внутреннія возмущенія проливать кровь сосѣдственныхъ народовъ такъ какъ онъ желалъ и могъ. Нынѣшній же Султанъ *Ахметъ четвертый* почитается миролюбивымъ и неищетъ той суетной славы, чтобъ торжественную его колесницу влачили чрезъ трупы миліоновъ подобныхъ ему человѣковъ.

Что же принадлежитъ до Турецкаго правленія, то Государь здѣсь имѣетъ полную и безпредѣльную власть и слѣдуетъ во всемъ своей волѣ. Могущество его необуздывается ни какимъ правомъ и закономъ. Жизнь, имѣніе и счастіе каждаго его подданнаго зависитъ отъ его произволенія: словомъ, все ему порабощено. Онъ подвергается нерѣдко опасностямъ низверженія и наглой смерти; но сіе неустрашаетъ его толико, чтобъ онъ согласился пожертвовать власто-

любіемъ своимъ учрежденію такихъ законовъ, кои могли бы его оградить отъ подобныхъ злоключеній. Въ протчемъ судъ и расправа у него коротки. Когда Паша или намѣстникъ какой обвиненъ въ измѣнѣ или другомъ преступленіи; то недопуская до оправданія, осуждаетъ его на смерть. Подданные должны здѣсь часто жертвовать жизнію своею за то токмо, что стяжали такія сокровища, на кои и дворъ обращаетъ свое вниманіе и для присвоенія коихъ велитъ рубить головы обладателей ихъ и оставлять оныя на позорище черни, благодарящей правосудіе за непощаду и вельможъ, несоблюдавшихъ по мнѣнію ея справедливости. Весьма рѣдко случается знать Пашѣ осужденному на смерть, за какое преступленіе и по какимъ доносамъ опредѣлена ему казнь. *Капиджи* пріѣзжаетъ за головою его по большей части нечаянно и исполняетъ повелѣнное обыкновенно такимъ образомъ, что прибывъ тайно въ домъ его, вручаетъ ему Султанскій указъ, а сей поцѣловавъ оной и возложивъ на голову свою, произноситъ сіи слова: *буди воля Бога моего и Государя*, и прочитавъ краткую молитву, принимаетъ присланную къ нему отъ Его Султанскаго Величества шелковую петлю, кладетъ ее

себѣ на шею и повергается на полъ, а служители Капиджїевы схватя его удавливаютъ и отрубливаютъ ему голову.

Гражданскїе Турецкїе законы сами по себѣ хороши и строги, но худо исполняются и мытарство беретъ часто надъ ними верьхъ. Судьи по образу жизни своей иждиваемой въ сладострастїяхъ столь здѣсь жадны къ деньгамъ, что несмотря ни на какую опасность, склоняютъ охотно вѣсы правосудїя на ту сторону, которая болѣе карманамъ ихъ благопрїятствуетъ.

Султанъ ввѣряетъ великому Визирю въ полное распоряженїе всѣ государственныя дѣла, и сей верховный градоначальникъ и полководецъ при всемъ величїи сана своего имѣетъ такую участь, коей нельзя завидовать. Во время войны при благополучномъ успѣхѣ оружїя своего онъ владыка, но при несчастныхъ для снаго обстоятельствахъ онъ первый всегда жертвою гнѣва Государя и неудовольствїя народа; въ мирное же время подверженъ онъ всегда опасности низверженїя и потерянїя жизни, поелику войско Турецкое склонное весьма къ возмущенїямъ и необузданное благоразумною строгостїю нерѣдко доходитъ до такой дерзости, что требуетъ нетокмо его головы, но и

всѣхъ тѣхъ, коихъ почитаетъ своими недоброжелателями. Многократно случалось, что самые Султаны для личной своей безопасности находили себя принужденными удовлетворить буйству ихъ казнїю тѣхъ начальниковъ, о коихъ совершенно увѣренны были, что они по вѣрной и ревностной службѣ своей достойны уваженїя и всякїя пощады.

Бароцци.

Разговоръ Гернанда Кортеза съ Вильгельмомъ Пенномъ.

Кортезъ. Можешъ ли г. *Пеннъ*, сравнить славу свою съ моею! Ты основалъ малое селенїе въ сѣверной Америкѣ и думаешъ спорить о преимуществѣ со мною, побѣдителемъ сильнаго Мексиканскаго царства!

Пеннъ. Другъ мой, я неспорю о преимуществѣ и неищу славы, которая принадлежитъ одному токмо Богу; но смѣло могу увѣрить, что былъ орудїемъ достопамятнѣйшаго и славнѣйшаго дѣла, нежели то, какое ты совершилъ.

Кортезъ. Развѣ ты незнаешъ, что я менѣе нежели съ шестью стами Ишпанской пѣхоты, съ осьмнадцатью человѣками конницы, и съ нѣсколькими только пушками испровергъ безчисленныя войска самыхъ храбрыхъ людей, свергнулъ съ престола такого государя, который взошелъ на оный своимъ мужествомъ, а въ военномъ искуствѣ столько превосходенъ былъ предъ всѣми своими соотчичами, сколько сїи славны были въономъ предъ прочими народами Западной Индїи. Я плѣнилъ его въ собственной его столицѣ, а послѣ, какъ онъ лишенъ

былъ своего престола, и былъ умерщвленъ отъ своихъ подданныхъ, побѣдилъ и пол онилъ *Гватимозина*, преемника его, и совершенно завоевалъ все Мексиканское государство, которое законнымъ образомъ присоединено мною къ Ишпанской державѣ. Знаешъ ли, что я въ семъ подвигѣ оказалъ столько храбрости, сколько великій Александръ, и столько благоразумія, сколько Кесарь? Я поработилъ сильную Тласкальскую Республику и принудилъ ее помогать себѣ въ покореніи Мексиканцовъ; и когда намѣстникъ Кубы, *Веласкъ*, хотѣлъ отнять у меня власть и пожертвовать мною своей зависти, то я отнялъ у самого его всѣ силы, и присоединивъ оныя къ своимъ собственнымъ, показалъ себя столь же превосходнымъ предъ всѣми Ишпанцами, сколько и предъ Индіанами.

Пеннъ. Мнѣ довольно извѣстно, что ты былъ свирѣпъ какъ левъ, а лукавъ какъ змѣй. Но послушай другъ мой, какое право имѣлъ ты, или самой Король твой надъ Мексиканскимъ государствомъ? отвѣтствуй, если можешъ.

Кортезъ. Право сіе получилъ Государь мой отъ Папы.

Пеннъ. Отъ Папы? . . . Но естьли бы первосвященникъ Мексики вздумалъ по та-

кому же праву отдать Ишпанію Монтезумѣ, что бы ты на то сказалъ?

Кортезъ. На вопросъ сей должно отвѣтствовать человѣку духовному а не воину. Да скажи и самъ, какое ты имѣлъ право заводить селеніе свое въ сѣверной Америкѣ?

Пеннъ. Право купли. Мы снабдѣвали дикихъ нѣкоторыми вещами, коихъ у нихъ недоставало, а они на мѣсто того давали намъ землю, въ коей мы имѣли недостатокъ. Все было основано на взаимныхъ выгодахъ и на дружелюбіи, и земля приобрѣтенная мною здѣсь нестоила ни одной капли крови.

Кортезъ. Я всячески убѣгалъ обмана въ торговыхъ дѣлахъ, а твои товарищи непочитали смертнымъ грѣхомъ обманывать тихимъ и скромнымъ образомъ людей простодушныхъ и добрыхъ.

Пеннъ. Клеветы ничто неизбѣгаетъ. Воззрѣніе на поселенцовъ моихъ, живущихъ съ Индіянами подобно невиннымъ агнцамъ, и смягчающихъ суровость грубыхъ ихъ нравовъ людкостію своею, и на цѣлую землю дотолѣ бывшую дикою степію, а по томъ превращенную въ плодоносный и прекрасный видъ вертограда Божія, должно быть и для Ангела восхитительнымъ зрѣлищемъ. О Кортезъ! оставилъ ли ты послѣ себя великое

Мексиканское государство въ таковомъ состоянiи. Нѣтъ, ты сiю прекрасную и многолюдную страну превратилъ въ пустыню обагренную кровiю. Помнишъ ли оное страшное происшествiе, когда воины твои положили великодушнаго государя *Гватимозина* на горящiе угли, и выпытывали изъ него, въ какомъ мѣстѣ озера бросилъ онъ царскiе утвари? Непронзаютъ ли доселѣ его стенанiя твоего сердца?

Кортезъ. Я небылъ при томъ, а если бы былъ, то никакъ недопустилъ бы до толь великаго безчеловѣчiя.

Пеннъ. Выгода, которую подчиненные твои обрѣтали отъ твоихъ поступокъ, заставила ихъ быть столь лютыми, а искуство твое избавило ихъ отъ мщенiя, кое навлекло на себя безчеловѣчное ихъ злодѣйство. Раздраженные Мексиканцы наказали бы ихъ за то неминуемо, естьли бы непочитали тебя за своего заступника.

Кортезъ. Ты говоришъ, что твои соотечественники живутъ такъ какъ *невинные агнцы*. Но нѣтъ ли въ сѣверной Америкѣ *волковъ*, которые могутъ пожрать агнцевъ сихъ? а ежели Американцы и жили бы въ непрерывномъ согласiи со всѣми твоими преемниками, то Французъ того непотерпитъ. Жители Пенсилванiи будутъ ли вести

войну противъ ихъ съ молитвами и проповѣдьми? Будь увѣренъ, что вертоградъ Божїй, который, какъ ты говоришъ, насажденъ тобою, будетъ ихъ добычею, и они лишатъ васъ всѣхъ благъ вашихъ и законовъ.

Пеннъ. Богъ насъ защититъ отъ ярости враговъ нашихъ, ежели будетъ ему благоугодно.

Кортезъ. Такъ ли должно мудрствовать великому законодателю? Я слыхалъ отъ нѣкоторыхъ изъ твоихъ соотчичей, что тебя сравниваютъ съ *Солономъ*! Уже ли думаешъ, что *Солонъ* давъ законы народу оставилъ ихъ и народъ на разхищенїе всякаго, кто бы ни напалъ? Главное дѣло законодателя есть то, чтобъ укрѣпить военную силу, которая въ состоянїи была бы защитить все, что ни заведено. Ежели домъ построенъ на разбойнической землѣ безъ надежной ограды или безъ защиты, которая бы охраняла его отъ опасности; то сколь бы хорошо ни былъ расположенъ и устроенъ, неможетъ быть полезенъ? Онъ хорошо укрѣпленъ внутри; но хищная и сильная рука часто будетъ покушаться разбивать внѣшнюю его крѣпость. Мїръ наполненъ разбойниками г. Пеннъ. Заводимое государство или

общество должно защищать и обезпечивать посредствомъ изрядныхъ военныхъ правилъ: иначе же то, которое щастливѣе его во всѣхъ обстоятельствахъ, и то, которое болѣе его, будетъ причинять ему много бѣдъ, а то, которое искуснѣе его, будетъ домогаться вовсе оное разрушить. Можетъ быть смѣжныя Аглинскія селенія будутъ служить нѣкоторою защитою вашимъ: но бѣдная сія оборона не всегда можетъ васъ оградить отъ опасности. Итакъ учрежденіе твое должно быть перемѣнено; а иначе селеніе твое скоро пропадетъ. Все сіе, что я ни говорю, выгодно для самой Великобританіи. Ежели приращеніе благосостоянія оной небудетъ подкрѣпляемо приращеніемъ ея силы, то она сдѣлается добычею нѣкоторыхъ сосѣднихъ народовъ, въ коихъ военной духъ сильнѣе, нежели купеческой. Все то, что токмо быть можетъ въ ней похвального, происходитъ отъ гражданскаго учрежденія; ежелижъ мудрой уставъ военной политики небудетъ его сохранять, то будетъ слабо, не въ состояніи будучи предупредить собственной своей погибели.

Пеннъ. Сіе не что иное какъ внушеніе человѣческой мудрости; ученіе же, котораго я придержался, было Боговдохновенное.

Кортезъ. Ты хулу произносишъ на Творца говоря, *яко бы безумїе происходитъ изъ источника премудрости.* Все то, что противно великимъ законамъ природы, и необходимому состоянїю человѣческаго общества, неможетъ быть вдохновенно отъ Бога. Самозащищенїе столько же нужно землямъ, сколько и людямъ. Да и долженъ ли частной человѣкъ имѣть право, котораго неимѣютъ народы? Истинная вѣра, г. Пеннъ, есть совершенство разума; а лжесвятость служитъ посрамленїемъ и пагубою для онаго.

Пеннъ. Все то справедливо, что ты ни говоришъ, но оно не изъ твоихъ устъ. Поди въ инквизицїю, и поговори тамъ *о разумѣ и великихъ законахъ натуры.* Тамъ тебя сожгутъ, такъ какъ твои воины сожгли нещастнаго *Гватимозина.* Для чего отворачиваешся, и блѣднѣешъ? уже ли при имени инквизицїи, или при имени *Гватимозина* ты пришелъ въ смятенїе и страхъ? О нещастный человѣкъ, учинившїйся произвольнымъ орудїемъ къ установленїю въ новообрѣтенной землѣ онаго адскаго судилища! Помысли что каждое убїйство, которое чинили инквизиторы, каждое мученїе, которымъ они погубляли безвинныхъ Индїянъ, приписывается вообще тебѣ; помысли, и трепещи. Ты дол-

женъ отвѣчать Богу за всѣ ихъ безчеловѣчія, и за всѣ ихъ несправедливости. Можешъ ли теперь оправдать славу своихъ завоеваній и имѣть столь же чистую и несмятенную совѣсть, какъ моя?

Кортезъ. Я чувствую силу словъ твоихъ; онѣ пронзаютъ меня, какъ стрѣлы. Никогда, никогда немогу быть блаженъ, когда токмо воспомню зла содѣянныя мною.... Но я думалъ, что поступалъ справедливо, и что тѣмъ самымъ старался о преуспѣяніи славы Божїей, и о разпространеніи въ отдаленнѣйшихъ краяхъ земли святаго закона его.

Пеннъ. Спроси у сердца своего, тщеславїе ли было точнымъ твоимъ къ тому побужденїемъ, или набожность?

Кортезъ. А ты спроси своего, неимѣла ли ревность твоя къ вѣрѣ свѣтскихъ причинъ, и непреданъ ли ты былъ всей нелѣпости той секты, въ которой будучи главою, изволилъ быть законодателемъ. Прощай.... Испытанїе самого себя требуетъ уединенія.

съ Аглинскаго изъ сочиненїй г. Литтельтона. *Б.*

О Твердости духа въ нещастіи.

Сколь ни удивительны красоты представляемыя природою въ разновидномъ позорищѣ ея произведеній; но человѣкъ, противоборствующій гнѣвному року и являющій себя чрезъ постоянство и твердость духа превыше своихъ нещастій, достоинъ большаго еще удивленія. Таковый смертный, говоритъ *Сенека*, есть достойнѣйшій предмѣтъ воззрѣнія и самыхъ обитателей неба.

Человѣкъ родится слабъ: его первое дыханіе есть изъясненіе скорби, и прежде нежели свѣтъ озаритъ очи его, уже они орошены слезами. Ощущеніе его слабости умножается вмѣстѣ съ нуждами, которыя день отъ дня возрастаютъ, и коимъ онъ неинако можетъ удовлетворять, какъ посредствомъ чуждыя помощи. Какую же потребно имѣть силу и твердость въ духѣ, чтобъ укрѣпиться противу своихъ бѣдствій и надъ оными торжествовать!

Сіи похвальныя напряженія души ко преодолѣнію естественныя своея слабости, тогда найпаче удивленія достойны, когда мы видимъ великаго мужа стояща твердо и непоколебимо противу всѣхъ стрѣлъ поражающаго его злощастія. Тако возвышающаяся

посреди пространнаго океана каменная гора презираетъ ярость волнъ ревущихъ окрестъ ея отъ начала мiра.

Представимъ нѣсколько примѣровъ сей ироической твердости. *Ѳитонъ*, мужъ извѣстный чрезъ преданiя *Дiодора Сицилiйскаго*, осажденъ былъ Тираномъ Дiонисiемъ, который тщетно употреблялъ и ласку и угрозы, дабы склонить его ко здачѣ: мѣсто наконецъ взято и *Ѳитонъ* видитъ себя жертвою мщенiя раздраженнаго побѣдителя. Сынъ его низверженъ въ море, самъ же онъ чрезъ день послѣ того представленъ былъ во уничижительномъ образѣ на позорище торжествующему войску; въ таковомъ горестномъ положенiи увѣдомляютъ его о кончинѣ сына, на что онъ отвѣтствуетъ съ холоднымъ духомъ: *сынъ мой единымъ днемъ былъ меня щастливѣе.*

Варваръ *Альдеретъ* обременяетъ оковами и возлагаетъ на горящiе угли нещастнаго *Гватимозина* и его друга, дабы чрезъ таковое мученiе принудить ихъ объявить, гдѣ сокрыты сокровища Монтезумы, послѣдняго Мексиканскаго Государя. Другъ Гватимозина нестерпя наконецъ муки, началъ стенать, а сей обращаетъ на него взоры и говоритъ: *уже ли я на розахъ?* какое величiе

въ толь немногихъ словахъ! Присовокупимъ къ онымъ то, что сказалъ грознымъ гласомъ и съ толикимъ успѣхомъ находившійся въ оковахъ *Марій*, когда невольникъ Цимбръ присланъ былъ умертвить его: *варваръ! смѣешъ ли ты убить Марія?* Колико должно гордиться онымъ цепямъ, которыя заключаютъ въ себѣ людей толь великаго духа! Самыя высокія чувствія человѣка вкушающаго постоянное щастіе, могутъ ли приносить толикую честь человѣчеству? Заключимъ сію статью достойнымъ отвѣтомъ великаго Государя.

Эдуардъ предлагаетъ невыгодные договоры Французскому Королю *Іоанну*, содержащемуся плѣнникомъ въ Англіи: сей отвѣтствуетъ ему съ величественною гордостію: *жребій войны властенъ былъ подвергнуть меня неволѣ; но невластенъ лишить священныхъ царскихъ правъ, полученныхъ мною отъ моихъ предковъ, и которыхъ ни плѣнъ, ниже самыя лютѣйшія муки отнять у меня немогутъ.*

О человѣколюбїи.

О человѣколюбїе! превосходная добродѣтель! по что немогу я воздвигнуть тебѣ жертвенника во всѣхъ сердцахъ! Собственный прибытокъ, оный бичь общества, и всѣ прочїя подлыя страсти его сопровождающїя, были бы первыя жертвы, которыя бы тебѣ я посвятилъ.

Изыйдемъ изъ самихъ себя и разпространимъ кругъ не понятїй но чувствїй своихъ; тогда всюду будетъ царствовать благополучїе.

Мы воздыхаемъ о блаженныхъ временахъ златаго вѣка и желаемъ жить въ Республикахъ, основанныхъ мыслѣнно великими умами. Будемъ человѣколюбивы, станемъ любить другъ друга; и вскорѣ узримъ златой вѣкъ.

Славный *Мопертви* по изчисленїи добра и зла въ жизни человѣческой и по сравненїи количества того и другаго нашелъ, что последнее превышало гораздо первое; да инако и быть немогло; ибо человѣколюбїе не есть еще любимая наша добродѣтель.

Нравственный мїръ неменьше изобиленъ въ чрезвычайныхъ явленїяхъ какъ и физической. Сколько встрѣчается въ ономъ та-

кихъ вещей, которыхъ мы изъяснить неможемъ! говорятъ: *такой то человѣкъ есть сущая загадка; возможно ли согласить образъ его мыслей съ дѣлами? его ни кто непостигаетъ*. Естьли бы хотя мало старались познавать сердце человѣческое, то нетрудно было бы согласить всѣ его качества, которыя по видимому кажутся столь между собою противными, и изъ коихъ самое странное есть въ человѣкѣ богатомъ, взирающемъ нечувствительнымъ окомъ на своего ближняго, стенящаго подъ игомъ нищеты или злополучія, когда самъ имѣетъ всѣ способы учинить ему помощь? Самый свирѣпый тигръ оказываетъ свою чувствительность, видя страждущаго звѣря, одного съ нимъ рода, а человѣкъ? . . . прейдемъ молчаніемъ.

Милосердіе есть одно изъ прекраснѣйшихъ свойствъ высочайшаго существа; потщимся подражать ему столько, сколько позволено слабымъ смертнымъ, и тогда обрѣтемъ источникъ истиннаго блаженства. Свидѣтельство чистыя совѣсти равняется токмо единое со внутреннимъ удовольствіемъ, которымъ наслаждается другъ міра; т. е. человѣкъ милосердый, человѣкъ, который любитъ творить подобныхъ себѣ щастливыми.

Къ *Алфонсу великому*, Королю Аррагонскому, приносятъ десять тысячь златыхъ Ефимковъ; царедворецъ увидя оные сказалъ въ полголоса: *имѣя столько денегъ, я прожилъ бы весь вѣкъ благополучно.* Будь щастливъ, отвѣтствовалъ *Алфонсъ*, отдавъ ему десять тысячь ефимковъ. Могъ ли сей великїй Государь вкушать сладостнѣйшее сего удовольствїе?

Человѣколюбїе имѣетъ еще то преимущество, что никогда небываетъ безъ сопутницъ. Въ частныхъ людяхъ оно всегда сопровождается состраданїемъ, благотворенїемъ и великодушїемъ; а въ государяхъ последуемо бываетъ правосудїемъ и милосердїемъ.

Китайскїй Императоръ *Хан-ги* будучи на охотѣ и отставъ отъ своихъ людей встрѣчается съ убогимъ старикомъ, который горько плакалъ и казался быть пораженъ чрезвычайнымъ нещастїемъ. Онъ къ нему подходитъ и неоткрывая себя, спрашиваетъ его, о чемъ онъ толико сокрушается. Ахъ! отвѣтствовалъ старикъ, на что вамъ знать причину моей горести, когда ничемъ неможете ее облегчить. Можетъ быть, сказалъ Императоръ, я помогу тебѣ болѣе, нежели ты думаешъ; нескрывай отъ

меня своей печали. Тогда старикъ сказалъ: я рыдаю о томъ, что главный надзиратель надъ однимъ Императорскимъ увеселительнымъ домомъ, нашедъ мою землю, смѣжную съ ею владѣніемъ, выгодною для себя, завладѣлъ ею беззаконно и привелъ меня чрезъ то въ нищету, въ которой вы меня видите. Сего еще для него недовольно было: я имѣлъ одного только сына, который былъ жезломъ моея старости. . . онъ его у меня похитилъ и учинилъ рабомъ своимъ. Вотъ государь мой причина слезъ моихъ. Императоръ толико былъ тронутъ симъ извѣстіемъ, что ни о чемъ болѣе непомышляя, какъ о наказаніи преступленія, спросилъ старика, далеко ли они отъ того мѣста, гдѣ находится царскій увеселительный домъ. Недалѣе какъ на полмили, отвѣтствовалъ старикъ. Проводи же меня до надзирателя, сказалъ Императоръ; я постараюсь уговорить его, чтобъ онъ возвратилъ тебѣ сына и землю. Послушаетъ ли онъ васъ, прервалъ рѣчь его старикъ: сей вельможа содержится въ милости у Государя, по чему и тщетенъ будетъ вашъ трудъ, а со мною поступитъ онъ еще хуже прежняго, да можетъ быть и вамъ окажетъ какую грубость, которой про-

шу васъ себя напрасно неподвергать. Небезпокойся обо мнѣ, отвѣтствовалъ Императоръ, я надѣюсь, что стараніе мое о тебѣ будетъ благоуспѣшнѣе, нежели какъ ты предвѣщаешъ. Старикъ уразумѣвая по величественному виду сего незнакомца, что онъ не изъ числа людей низкія степени, нехотѣлъ болѣе сопротивляться; но только представлялъ ему, что какъ онъ удрученъ старостію и при томъ пѣшій, то неможетъ слѣдовать за лошадью. Я молодъ, сказалъ Государь, сядь на мою лошадь, а я пойду пѣшкомъ. Старикъ на то несоглашался; но Императоръ сказавъ ему: оставь мой другъ свои отговорки, и садись по крайней мѣрѣ позади меня; по томъ помогъ самъ ему сѣсть на лошадь и вскорѣ оба достигли до царскаго увеселительнаго дома. Императоръ тотчасъ послалъ за надзирателемъ, который по прибытіи своемъ весьма былъ удивленъ, когда Государь для открытія ему своего сана, распахнулъ охотничье платье и показалъ вышитаго на чревѣ золотаго дракона. Большая часть вельможей находившихся съ Императоромъ на охотѣ, какъ будто нарочно въ сіе же самое мѣсто заѣхали, дабы учинить торжественнымъ достопамятный подвигъ правосудія и человѣколюбія. Предъ

симъ знатнымъ собранїемъ Императоръ обременя гонителя добродушнаго старика жестокими укоризнами и принудя его возвратить ему его имущество и сына, повелѣлъ по томъ немедлѣнно предать его смерти. Старика же возвелъ на его мѣсто, подтвердя ему ненадѣяться на свою силу, дабы другой немогъ тѣкъ же воспользоваться его неправосудїемъ, подобно какъ и онъ возвысился чрезъ вину своего утѣснителя. Какой великїй духъ въ Государѣ, которому едва токмо было четырнадцать лѣтъ отъ рожденїя!

Картина сраженїя.

Сто тысячь человѣкъ противопоставляются такому же числу подобныхъ человѣковъ: они приближаются и сходятся въ пространной долинѣ, для обагренїя оной своею кровїю. Какое великое число людей расположенныхъ прекрасно въ боевой порядокъ, дабы съ искуствомъ прекратить жизнь свою! Они въ безмолвїи ожидаютъ знака сраженїя: жестокосерды по долгу своего званїя, готовятся они попирать себѣ подобныхъ, нечувствуя противу ихъ ни озлобленїя ни гнѣва.

Они продали кровь свою за презрительную цѣну и ихъ начальники столь же мало уважаютъ ее, сколь дешево купили.

Уже восходитъ величественное небесное свѣтило, коего захожденія столько нещастныхъ неувидятъ! Земля разпещрена цвѣтами; кроткая весна объемлетъ воздухъ лазоревымъ своимъ покровомъ; природа радостна яко нѣжная мать; солнце въ спокойномъ величествѣ изливаетъ благотворныя свои лучи, которыя позлащаютъ и приводятъ въ зрѣлость дары Создателя; все тихо, весь міръ сохраняетъ согласіе, одни токмо человѣки питаютъ въ груди своей ярость: они закалаютъ другъ друга на нѣжной муравѣ покрывающей веселыя луга. Воинства приближаются, нивы попранны и повсюду лѣтаетъ смерть. Какое ужасное смятеніе! вся природа вдругъ возстенала отъ свирѣпости человѣка. Слышите ли вы громы произходящіе отъ сихъ страшныхъ орудій мщенія смертныхъ? Совмѣстники Перуна, и еще его ужаснѣе, они заглушаютъ ревомъ своимъ жалобныя стенанія умирающихъ и отрѣваютъ жалость, которая хотѣла бы проникнуть сердца; пороховыя облака восходятъ до самыхъ небесъ, какъ бы для сокрытія отъ оныхъ толь страшныхъ видовъ.

Свирѣпство злыхъ духовъ; всѣ адскія муки совокупляются на толь маломъ пространствѣ. Тигры, медвѣди, львы, побуждаемые жаломъ нестерпимаго глада показываютъ нестоль жестокую лютость. Посмотрите на текущія рѣки крови: здѣсь двадцать тысячь человѣковъ пожерты другими. Они упадаютъ другъ на друга, неоставляя по себѣ, ни имени, ни памяти, ни сожалѣнія. Тако скоропостижный сѣверный вѣтръ погубляетъ тьму насѣкомыхъ, покрывающихъ необработанныя нивы.

Нещастные! они низлагаются, возносятъ плачевныя вопли къ невнемлющему ихъ небу: попираемые ногами коней и своихъ сотоварищей, коихъ тщетно умоляютъ о помощи, кончаютъ вѣкъ, пріемля разнообразную смерть, изъ которыхъ одна другой ужаснѣе. Между тѣмъ другіе достойные еще больше сожалѣнія, сохраняя остатокъ жизни и томясь жаждою, несноснѣйшею изъ мукъ, желаютъ умереть, но неумираютъ; нѣкоторые же забывъ, что смерть ихъ окружаетъ, бросаются на изувѣченныхъ своихъ сподвижниковъ и неимѣя жалости къ ихъ ранамъ, обнажаютъ ради собственныя корысти истерзанныя и трепещущія ихъ тѣла.

О Боже! Создатель мiра! се ли есть человѣкъ? возможно ли, чтобъ, сiе прекрасное созданiе, одаренное нѣжнымъ сердцемъ и толь благороднымъ челомъ, возводящее къ небесамъ взоры, постигающее и питающее въ себѣ сладостныя чувствiя жалости и священныя восторги благотворительности, удивляющееся добродѣтели и величеству души и проливающее нѣжныя слезы: возможно ли чтобъ сiе самое созданiе радовалось и торжествовало водружая знамя побѣды между грудами труповъ! какiя ужасныя знамена торжествъ! О человѣки! позвольте оплакать васъ, ваши злодѣйства и ваши нещастiя. Въ чемъ состоитъ ваша побѣда? Въ слезахъ и крови! Какая цѣль вашего торжествованiя? Грабежъ необогащаетъ; слезы неприносятъ щастiя, и то самое, что похищается любочестiемъ, утекаетъ скоро изъ рукъ похитителя.

Ступайте варвары, торжествуйте на семъ пространномъ позорищѣ кровопролитiя: устремляйте взоры ваши на сiи блѣдныя лица, на коихъ скорбь и ярость изображены омерзительными чертами; утѣшайтесь жестокою своею побѣдою; пресмыкайтесь на сихъ необъятныхъ могилахъ; считайте безчисленныя жертвы, которыхъ вы повелѣли

смерти низложить свирѣпою ея косою. Озарите сіи плачевныя остатки радостными огнями; дерзайте въ своихъ молебствіяхъ нарицать Бога, повелѣвшаго вамъ любить другъ друга яко братій, Богомъ брани. Но что я вижу? обагренныя кровію ваши руки несутъ въ жилища, гдѣ царствуетъ духъ любви, тѣхъ самыхъ, изъ коихъ вы же исторгли половину жизни: вы прилагаете усердное о нихъ попеченіе и орошаете ихъ раны своими слезами: уже на окровавленныхъ долинахъ блистаетъ лучь благости. О человѣки! васъ ли я опять вижу? повѣдайте же мнѣ, кто вы такіе, злые или безумные.

Меланхолія.

Буди благословенна, сильная Царица возвышенныхъ мыслей! которой благоугодно всегда шествовать по необъятнымъ пустынямъ и предводительствовать луною, когда блѣдные лучи ея въ назначенный часъ сотрясаются межъ тусклымъ сумракомъ.

О Богиня! приведи меня къ мирному своему сѣдалищу! хотя бы ты обитала и

на вершинѣ *Геклы* дымомъ покрытой, или пребывала тамо, гдѣ горы сокрываютъ глубокую твою обитель, или скиталась по обширнымъ Хильскимъ долинамъ, либо останавливала стопы свои на безплодныхъ Ливійскихъ степяхъ, или сидѣла на верьху Андской горы, и внимала грому сильныхъ проторженій въ воздушныхъ полостяхъ, или устремляла взоръ свой на навислой утесъ, и слушала въ низу шумъ удаленныхъ жилищъ, или стояла тамо, гдѣ блѣдные сѣтователи рыдаютъ надъ прахомъ усопшихъ. . . . Уже темный завѣсъ нощи простирается долу и катящіеся міры по синему своду небесъ возбуждаютъ пораженную душу мою къ торжественнымъ мыслямъ! Да водворюся я при тускломъ сіяніи луны тамо, гдѣ искони поверженныя лежатъ башни, гдѣ воютъ кровожаждущіе тигры и гдѣ толпа подобныхъ имъ человѣковъ протекаетъ пустыни, бывшія прежде плодоносными нивами древняго Вавилона, онаго великаго града, нарицаемаго древле главою восточныхъ народовъ и бывшаго причиною погибели воинства своего въ то время, когда была въ самомъ восторгѣ увеселеній и когда допустила разсудку означить свое паденіе, и размышленію сокрушить чашу роскоши. Пріятный обман-

чивый сонъ честолюбія скоротеченъ; онъ ослѣпилъ очи ея вѣнцами цвѣтущаго лавра; но тихая мысль уничтожила сей мечтательный видъ, а хладное дыханіе времени все потребило. Пораженный столпъ уже недѣйствителенъ, когда таинственная сила сокрывающая гибельное намѣреніе, незрима и неслышима возбуждаетъ внезапный ударъ и совершаетъ паденіе государства, великолѣпія и славы.

Тамо назнаменуй кистію своею черты человѣка и изобрази на картинѣ дальновидную надежду, крылатыхъ купидоновъ попирающихъ возрастающій чертежъ и наконецъ оной поражающихъ и совсѣмъ истребляющихъ. Представь, какъ подъ шлемными перьями изпускающими блестящіе лучи, мучительное орудіе пронзаетъ душу, и какъ подъ блистательнымъ сіяніемъ шлема горесть поражаетъ изнеможенную грудь. Представь веселыхъ чадъ любви, сію смѣющуюся толпу съ уязвленною красотою, но неостерегающуюся стрѣлъ; между тѣмъ, какъ блѣдная отъ недуга ревность сокровенно лежащая въ близи, точитъ жестокое жало свое, и устремляетъ его въ сердце. Представь, какъ злодѣйство сидя подобно врану на загорѣломъ букѣ, изображаетъ въ волнующихся мысляхъ порокъ

и содрогается при воззрѣнїи на ефирную лазурь, опасаясь дабы сильное возсїянїе небесъ неразточило тьмы его внутрь уду. Изобрази оный страшный утесъ, на коемъ пронзенная въ сердце и тщетно себя ободряющая Сафо стояла и съ крутизны коего омрачавшей ея мысли низверглась въ пучину ярящагося моря. Представь мечту, углубленную въ мысляхъ готовую обнаружить сокровенныя сѣти подозрѣнїя, и усмотрѣть, гдѣ печаль исторгаетъ цвѣтъ любви, или какъ гордое величїе устремляется въ обиталище суеты. Изобрази, какъ судящїй разумъ, коего долженствовало бы воспламенять лестнѣйшее упованїе тщеславїя, снимаетъ покрывало, или какъ оной распаленъ будучи ревнїемъ къ высокой славѣ чтетъ на камнѣ надпись: *онъ скончался.*

Высокїя мысли гордыни и блистающїй цвѣтъ красоты служатъ мгновеннымъ токмо игралищемъ и единственно для наполненїя пышными стихами заключенной гробницы.

Да невходятъ никогда страсти въ мою душу и да неприступитъ къ ней неистовство, ниже отвратитъ богатство отъ оной мирной сѣни, гдѣ размышленїе возкрыляетъ ее къ небесамъ, и да пребуду на вѣки безопасенъ отъ лукавой сѣти веселїя, отъ злоключенїя сокрываемаго удовольствїемъ, отъ

ядовитаго дыханія суетной заботы, истощевающей благовременно силы, отъ тщеты глупостей и отъ мечтаній гордыни.

Нощныя размышленія.

О нощь! спѣши низпустить мрачныя свои сѣни на землю, облеки непроницаемою завѣсою оный бѣловидный шаръ, плавающій надъ облаками; блѣдный свѣтъ его поражаетъ отяготѣвшія мои очи. Коликое уныніе сонъ природы вливаетъ въ душу человѣка бдящаго! Сія мрачная и уединенная стезя сколь удобна питать въ насъ томную задумчивость! Пни древесъ, вѣтромъ долу поверженные, младыя отрасли изсохшія на своихъ корняхъ и преклонившіяся къ землѣ, сей старый дубъ, разторженный отъ пораженія молніи: все окрестъ меня находящееся представляетъ печальное зрѣлище. Глубокое безмолвіе сихъ мѣстъ прерываемое томнымъ гласомъ нощныхъ птицъ возмутило мою душу: тайное безпокойствіе тревожитъ мои чувства. . . .

Но какой печальный звукъ проницаетъ сквозь сіи безмолвныя дубравы и въ воздухѣ

раздается? . . . О смерть! я внемлю твой страшный гласъ! Сей печальный звукъ возвѣщаетъ, что существа подобнаго мнѣ бытіе пресѣклось, и что вскорѣ я самъ. . . . О страшное воззваніе! о часъ сѣтованія и слезъ! . . . Какое ужасное и нѣжное воображеніе въ мысль мою приходитъ! Подъ сею перстію, которую я попираю своими стопами, покоится прахъ дражайшей моей матери: сія самая земля отверзется нѣкогда, дабы пріять въ нѣдра свои хладныя остатки бреннаго моего тѣла. Придетъ оный день, который соединитъ сына съ матерью. Мы родимся для того, чтобъ умереть: все погибаетъ, все проходитъ; время уноситъ непрестанно съ каждымъ протекающимъ часомъ своимъ по нѣкоей отторженной части отъ тлѣннаго міра сего, и бытіе человѣка есть единое токмо мгновеніе между несуществованіемъ и гробомъ.

О вы! коимъ роскошь предлагаетъ нектаръ жизни въ чашѣ утѣхъ! какая невидимая десница изображаетъ на челахъ вашихъ толико печальныя черты старости? Какой несносный призракъ дѣлаетъ увядшими прелестныя розы, на коихъ нѣжныя ваши члены покоются? Се ужасная смерть предшествуемая скорбію и пе-

чалїю. Я вижу ее, како она сокрушаетъ хладною своею рукою сїю юность исполненную живости, которую смѣхи и игры сопровождали. Сердца откровенныя и нѣжныя! ваши чувства пронзенныя тихимъ но чистымъ пламенемъ отверзаются къ наслажденїю росою дружелюбїя. Неупускайте мгновенїя прелестнаго, которое скоро проходитъ; спѣшите насладиться любовїю и младыми лѣтами. Сїи мирты, коихъ великолѣпныя и нѣжныя стебли возвышаются надъ вашими главами, вскорѣ преклонятся къ землѣ; печальные кипарисы будутъ затѣнять ихъ пригробными своими вѣтвїями. Уже облетаютъ отъ хладнаго дуновенїя смерти блестящїя цвѣты, которыя весна природы произвела для украшенїя весны вашей жизни. Невинное и безмятежное убѣжище, мѣста уединенныя! питайте навсегда томныя мои размышленїя. Блаженъ! кто можетъ въ объятїя дружества удалиться отъ вихрей свѣта, дабы сидя на мягкомъ дернѣ наслаждаться тѣмъ, что наиболѣе услаждаетъ насъ въ обуреванїяхъ сей жизни; кто подъ сельскою кровлею можетъ пользоваться тишиною и спокойствїемъ! Дружба, перьвая необходимость для сердца чувствительнаго, сопутствуй мнѣ въ прїят-

ныя поля, научи меня жить и умереть; ибо ты вспомоществуешъ намъ претекать поприще скоролетящихъ дней нашихъ; едина ты приносишъ намъ утѣхи, умягчаешъ наши скорьби и утѣшаешъ въ нещастїяхъ. Кто знаетъ лучше тебя употреблять пустоту времени обременяющую души толикаго множества существъ суетѣ предавшихся! Разлей окрестъ меня прелести тебя окружающїя; устели цвѣтами путь ведущїй меня ко гробу: довольное и спокойное мое око взираетъ несмущаясь на косу смерти. Умереть есть щастїе, естьли померкающїя очи затворяются твоею десницею.

Утренняя пѣснь.

Отлетайте безмолвные и во снѣ погубленные часы, отлетайте! другїе и стократъ прїятнѣйшїе спѣшатъ на мѣсто ваше... Я отверзаю очи, и чувствованїе, что я существую, заемлетъ мои мысли. Я живъ, новый день умножаетъ число претекшихъ моихъ дней. Я еще увижу солнце освѣщавшее меня вчера своими лучами, еще наслаждуся удовольствїемъ обнимать своихъ друзей.

Всевышнїй владыко мїровъ! мое первое чувствїе да будетъ устремлено къ тебѣ. Прїими день моего благодаренїя: пусть подобно легкимъ парамъ раждающагося утра, возвышается оно и взыдетъ къ твоему священнѣйшему престолу. Коль сладостно и утѣшительно для меня удостоиться еще сея новыя твоея щедроты! Ахъ! я живу а по тому заключаю, что еще достоинъ жить, и твое всеобщее предвѣденїе непозволило бы мнѣ озариться днемъ симъ, когдабъ я долженъ былъ употребить его на зло.

Но что я говорю? Какъ! едва открою свои очи, и уже суета мїра владѣетъ моею душею. Безразсудный, углубися въ самаго себя, познай свою слабость, приведи на мысль заблужденїя вчерашняго дня, и ты увидишъ, что днешнимъ своимъ существованїемъ обязанъ ты не правосудїю нелицепрїемнаго судїи, но безпредѣльной благости всещедраго Отца.

Во истинну, о Творче! я вижу еще день сей, не яко мзду и воздаянїе дней препровожденныхъ мною во тьмѣ заблужденїя, но яко дѣйствїе твоего милосердїя, которое благоволитъ еще дать мнѣ средство, чтобъ я обратился къ твоему святѣйшему закону и впредь съ большею пользою употреблялъ дни, которыхъ благости твоей угодно бу-

детъ меня удостоить; и что былобы моею участїю, когдабы вчерашнїй день былъ послѣднимъ днемъ моего бытїя?

Я бодрствую. . . но все покоится вокругъ меня: всеобщая тишина природы соединяется съ моею душею, и тогда какъ ничто непрерываетъ моего размышленїя, я хочу пользоваться симъ безмолвїемъ, чтобъ проникнуть въ самые тайные изгибы моего сердца, и свѣтильникъ спасительныхъ наблюденїй пренесть въ самые сокровенные хранилища моихъ помысловъ.

Я наслаждаюсь жизнїю . . . но соотвѣтствовалъ ли всѣмъ ея должностямъ? засвидѣтельствовалъ ли мое бытїе дѣлами добрыми? и когда угодно будетъ моему Создателю воззвать душу мою въ свое лоно, что я по себѣ оставлю на земли? и какъ будутъ обо мнѣ вспоминать, съ сожалѣнїемъ ли болѣзненнымъ или съ равнодушїемъ и хладнокровїемъ? О смертный! се цѣль, къ которой должны стремиться всѣ твои попеченїя, и ежели ты оной достигнешъ, безсмертїе славы тебя ожидаетъ.

Тако неподвижный камень поражаемый бурею возвышаетъ твердое и нахмуренное чело и зоветъ на подвигъ противъ себя ярость соединенныхъ вѣтровъ; и се пѣня-

щаяся волна бѣлясь издалека и клубясь сама въ себѣ, увеличивается въ своемъ пути и вскорѣ дѣлается ужасною. Глухой шумъ повторяемый отзывами ей предшествуетъ и возвѣщаетъ о ея приближенiи. Она достигаетъ камени, ударяется о него и упадаетъ поглощаясь въ протчихъ волнахъ; но онъ между тѣмъ твердъ и непоколебимъ въ своемъ основанiи спокойно взираетъ на перуны готовящiеся надъ его главою и упадающiе къ его стопамъ.

Утренний пѣснословъ! пусть почiетъ твоя арфа. Доколѣ ночь осѣняетъ еще крылами своими вселенную, ты могъ пѣть. Солнце разогнало уже густоту мрака и минуты отъ него даруемыя не тебѣ принадлежатъ. Время драгоцѣнно и ты въ расточенiи его долженъ дать отвѣтъ твоимъ соестественникамъ: есть должности, которыя обязанъ ты исполнять. Супругъ, отецъ, сынъ, гражданинъ, человѣкъ: се то, чемъ ты быть долженъ.

Утѣшай обремененнаго печалiю, буди помощникомъ несчастному и покровителемъ сиротѣ! Старайся быть достоинъ щедротъ твоего Создателя! и ежели похвально напоминать смертнымъ о ихъ должностяхъ, то исполнять оныя, есть нѣчто высокое и вели-

чественное. Во время ночи ты воспѣвалъ! явился день, дѣйствуй.

Блаженство.

Грудь моя ощущаетъ гласъ строгія истинны: смертные внимайте своей наставницѣ! она сама избрала меня, дабы я вознесшись на крылахъ музъ возвѣстилъ вамъ ея законы. . . . Миліоны міровъ блистаютъ въ предп..анныхъ предѣлахъ и въ пространствѣ ѳфира, гдѣ нещетныя свѣтила движутся въ своихъ кругахъ; все подвластно порядку. . . . Такъ! единымъ порядкомъ все существуетъ, что создано: онъ владычествуетъ и кроткими зефирями и бурными вихрями: его цепь соединяетъ всѣ существа отъ насѣкомаго даже до человѣка. . . . Первый нашъ законъ есть благо всего существующаго, блаженъ буду, ежели ни какимъ порочнымъ дѣйствіемъ непрерву сего всеобщаго благополучія, единственнаго конца моего бытія, блаженъ естьли сердце мое небудетъ противоборствовать моей должности, ежели гнусный прибытокъ воспаляющій страсти и разрушающій согласіе небудетъ тайно владычествовать моимъ

сердцемъ. . . . Нечистый источникъ порочныхъ вожделѣнiй изливаетъ горестный ядъ на цвѣты одѣтыя самою прiятнѣйшею красотою. Часы скуки обременяютъ роскошнаго: спокойствiе убѣгаетъ изъ его мраморнаго чертога. . . . Чистѣйшая радость произтекаетъ изъ чистаго и непорочнаго сердца и свидѣтельство спокойныя совѣсти разливаетъ. благопрiятныя лучи въ самыхъ мрачныхъ темницахъ. Токмо бы совѣсть моя неуязвляла меня жаломъ порока, что въ прочемъ нужды, что стяжанiе мое сдѣлается добычею лукавства и хитрости, и что слѣпое щастiе меня поверженаго во прахъ земли, будетъ попирать ногами? Чего недостаетъ къ щасливой моей жизни кромѣ излишества взыскуемаго съ толикою жадностiю и съ толикимъ старанiемъ? Единое слабое младенчество покупаетъ несчастiя свои слезами. . . . Провидѣнiе всегда съ премудростiю и благотворитъ и наказуетъ: оно повелѣваетъ намъ протекать жизнь свою по стезямъ усыпаннымъ розами, но иногда дабы извлечь насъ изъ бездны пороковъ, ведетъ насъ стезями исполненными тернiя. . . . Когда вѣчный день откроетъ взору нашему составъ всемiрнаго порядка, сей пространный чертежъ, сокрываемый нынѣ отъ насъ священ-

нею мрачностію отъ насъ и отъ нашихъ любопытныхъ взоровъ: какіе радостные восторги обымутъ насъ тогда, насъ взирающихъ на протекшія свои бѣдствія?

Притчи г. Лессинга.

Юпитеръ и Овца.

Овца много претерпѣвала отъ проччихъ звѣрей, и жаловалась на свое несчаетіе Юпитеру, который выслушавъ ее благосклонно сказалъ: вижу голубушка, что недалъ я тебѣ никакого способа къ твоему защищенію, однакожъ ты неостанешся безъ удовлетворенія: хочешъ ли, чтобъ я вооружилъ ноги твои кохтями а челюсти клыками. Охъ! нѣтъ, отвѣчала овца, я нехочу быть похожею на кровожаждущихъ звѣрей — Нелучше ли тебѣ покажется имѣть ядъ подъ зубами? — Избавь меня его пожалуй: ядовитыхъ гадовъ всякъ убѣгаетъ. — Ну! чегожъ ты хочешъ? Добро, пусть выростутъ рога на лбу твоемъ и прибавится нѣсколько силы у тебя. — Нѣтъ, нѣтъ, отецъ благотворительный! я отъ того можетъ быть буду такъ же сва-

рлива, какъ козелъ. — Однакожъ когда хочешъ, чтобъ тебѣ недѣлали вреда другїе, то надобно, чтобъ ты сама имъ дѣлала вредъ. — Когда такъ, сказала овечка вздохнувъ, то оставь меня такою, какъ я нынѣ, я никому нехочу вредить! имѣть же способъ и силу дѣлать вредъ, возраждаетъ желанїе оной производить, а я этого нежелаю, и хочу лучше остаться сама обиженною, нежели другихъ обижать. — Юпитеръ благословилъ добродушную овечку и съ того времени она перестала приносить ему жалобы на свои нещастїя.

Фурїи.

Фурїи мои начинаютъ старѣться, говорилъ *Плутонъ Меркурїю*: надобно мнѣ сыскать другихъ пободрѣе и помоложе: потрудись пожалуй, обойди землю и избери мнѣ по сердцу три особы къ сей должности. *Меркурїй* повиновался и пошелъ.

Немного спустя послѣ того *Юнона* говоритъ *Ирисѣ*: неможешъ ли сыскать для меня двухъ или трехъ дѣвицъ цѣломудренныхъ да совершенно цѣломудренныхъ. Понимаешъ ли меня? Мнѣ очень хочется пристыдить Венеру, которая хвастаетъ, будто всѣ до одной

женщины ей подвластны: ступай и постарайся услужить мнѣ сею находкою. *Ириса* ей повиновалась и отправясь въ путь, обошла всю землю неоставя ни малѣйшаго уголка, въ которой бы незаглянула, однакожъ тщетно и наконецъ принуждена была возвратиться безъ находки. —— Ахъ! возопила *Юнона*, увидя ее одну, ненапрасно *Венера* величалась своею властїю. О добродѣтель! о непорочность —— Богиня, сказала *Ириса*, я могла бы привесть къ тебѣ трехъ дѣвицъ совершенно цѣломудренныхъ, которыя даже ни разу на мущинъ привѣтливо и невзглядывали и кои изтребили изъ сердецъ своихъ и самыя сѣмена любви; но по нещастїю опоздала приходомъ своимъ къ нимъ. . . . Какъ опоздала? вскричала *Юнона*. Такъ, *Меркурїй* увелъ ихъ до меня для *Плутона*. . . . Для *Плутона*? на что *Плутону* сїи добродѣтельнные дѣвицы? . . . . Заступить мѣсто фурїй.

О древнихъ и новыхъ врачахъ писавшихъ о свойствѣ, употребленіи и дѣйствіи разного рода пищи.

Иппократъ жившій въ двенадцатомъ вѣкѣ послѣ Моисея и почтенный именемъ отца врачебнаго искуства, изслѣдовалъ сей важный предмѣтъ съ толикимъ тщаніемъ, что оставилъ намъ нетокмо подробное и ясное описаніе свойства разного рода пищи, бывшей въ его время во употребленіи, но и предписалъ столь хорошія правила для сохраненія здоровья и для воздержанія, что оныя доселѣ содержатся въ такомъ же уваженіи, въ какомъ были и съ начала. Послѣ его писалъ о пищѣ *Корнелій Цельсъ* въ царствованіе Тиверія съ великою убѣдительностію и свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Въ то же время упражнялся *Ксенократъ* въ разсматриваніи слѣдствій производимыхъ въ тѣлѣ человѣческомъ разнородною рыбною пищею, и примѣчанія его объ оной уважалъ немало *Галіенъ*, жившій въ царствованіе Марка Аврелія Антонина послѣ *Діоскорида*, врача обрѣтавшагося при Римскомъ войскѣ въ Нероново время и писавшаго довольно пространно о свойствѣ пищи быв-

шей въ его время во употребленіи; уваженіе же сего славнаго врача имѣетъ великую силу, поелику онъ самъ писалъ о пищѣ и при томъ столь основательно, что въ книгахъ его обрѣтаются самыя здравыя понятія не токмо о различныхъ вещахъ, коими люди въ его время питались, но и о дѣйствіи оныхъ во всякомъ сложеніи тѣлъ; по чему и не безъ основанія правила и опыты его почитаются превосходнѣйшими изъ всѣхъ до него сообщенныхъ свѣту. *Орибазъ*, главный Іуліановъ врачь, украсилъ сочиненія свои подобными же примѣчаніями, равно какъ и *Аетій* жившій въ концѣ пятаго столѣтія по Рожд. Христовѣ, *Павелъ Египетъ*, писатель седмаго, *Симеонъ Сетъ* одинадцатаго и *Актуарій*, славный Цареградскій врачь, тринадцатаго вѣка. Между Аравитянами *Ісаакъ*, Израильтянинъ, возведенный на степень первосвященства подъ именемъ Іоанна XXI., *Серапіонъ*, *Авиценъ* и *Авверій* прилагали стараніе къ подобному же изслѣдованію свойствъ пищи. Многіе Италійскіе, Французскіе и Нѣмецкіе естествоиспытатели, какъ то: *Арнольдъ*, *Вилленевъ*, *Михаилъ Савонароллъ*, *Карлъ Стефанъ*, *Лудвикъ Нонній*, *Петръ Кастелланъ*, *Касторъ Дюрантъ*, *Авзонъ* и иные, слѣдовали ихъ стопамъ и на-

блюдали тщательно дѣйствїе и свойство разнородной пищи. Пришедшїе въ великое у насъ употребленїе: чай, кофе, шеколадъ и табакъ обращали особливое на себя вниманїе. *Король Іаковъ первый*, *Симеонъ Павли*, и *Неандеръ Бремъ* писали обстоятельно о табакѣ, Докторъ *Шубъ Варвикъ* и иные о шеколадѣ и кофе, а *Шортъ Шефилдъ* и разные другїе о чаѣ.

Не безполезно здѣсь примѣтить, что въ сочиненїяхъ *Галїена*, *Іоанна Бруерина*, *Кампегїя*[1], *Ілїи Александрина*[2], *Мелхїора Себизїя*[3], *Муфета*[4] *и Арбутнота*[5] истощено все, что токмо касается до сей отрасли врачебнаго искуства, а особливо въ *опытѣ* послѣдняго *о свойствѣ и выборѣ пищи.*

П. Б.

1. De re cibaria. 2 Salubrium sive de sanitate tuenda. 3. De alimentorum facultatibus. 4. Soin de la santé. 5. Sur la nature et le choix des alimens, trad. de l' anglois.

О началѣ и возращенїи врачебнаго искуства.

Искуство предохранять здравїе и оное врачевать родилось по мнѣнїю *Иппократа* отъ необходимости. О первомъ говоритъ онъ, что болѣзни произшедшїя отъ грубой пищи, которую люди сперьва употребляли, принудили ихъ стараться о приуготовленїи растѣнїй для употребленїя своего такимъ образомъ, чтобъ оныя легче были для желудка, ради чего и стали пшеницу молоть въ муку, а изъ оной составлять хлѣбъ и проч. Причиною же побудившею ихъ упражняться въ врачебной наукѣ полагаетъ онъ примѣчанїе ихъ о различїи между пищею свойственною больнымъ и тою, какую здоровые употребляли; они ежедневно видя, что пища полезная для людей мощныхъ была вредна слабосильнымъ, предписали различное ея употребленїе для врачеванїя больныхъ и для сохраненїя здоровья тѣхъ, кои небыли крѣпкаго сложенїя. Но дабы положить правила на всѣ случаи, какимъ подвержено болѣзненное состоянїе человѣка, требовалось долговременнаго опыта. *Иродотъ* повѣствуетъ, что Вавилоняне обязаны были закономъ выносить больныхъ своихъ на площади и рас-

путія и просить всѣхъ мимоидущихъ сказывать, невидѣли ли кого такимъ же недугомъ одержимаго и незнаютъ ли, какія средства были къ исцѣленію его употреблены. Ни что болѣе сего по признанію самого *Иппократа* немогло поспѣшествовать къ собранію нужныхъ опытовъ и къ приведенію въ зрѣлость искуства, которое едва только процвѣтать начинало. Сей великій мужъ совѣтуетъ *въ правилахъ своихъ* всѣмъ врачамъ, дабы они никогда непоставляли себѣ въ стыдъ спрашивать у простыхъ людей, чѣмъ они въ болѣзняхъ своихъ лѣчились. Египтяне и Португальцы подражали по свидѣтельству *Страбона* Вавилонянамъ вынося больныхъ своихъ на торжища и спрашивая у прохожихъ совѣта и средствъ къ ихъ исцѣленію, что подало случай къ другому неменѣе похвальному обыкновенію, чрезъ которое врачебная наука получила знатное приращеніе, и кое состояло въ томъ, что люди достаточные, получившіе отъ болѣзней своихъ исцѣленіе, поставляли въ знакъ признательности ко врачамъ своимъ и любви къ общему благу столпъ въ мѣстахъ открытыхъ или вывѣшивали въ Эскулаповомъ храмѣ доску съ описаніемъ начертаннымъ крупными золотыми буквами: отъ какой болѣзни и

какими средствами они излѣчились. *Стравонъ* говоритъ, что самъ *Иппократъ* обязанъ таковымъ памятникамъ, обрѣтавшимся въ великомъ множествѣ въ славномъ Косїйскомъ Эскулаповомъ храмѣ за тѣ обширныя свѣденїя во врачебной наукѣ, кои содѣлали его безсмертнымъ. Подобныя изображенїя украшали по свидѣтельству Тибулла и Изидинъ храмъ. *Меркурїаллъ же* повѣствуетъ, что въ Мафїиских палатахъ въ Римѣ находилась таковая мраморная доска взятая изъ Эскулапїева храма на Тибрскомъ островѣ. . . *Дїодоръ Сицилїйскїй* подаетъ выгодное понятїе о древнемъ состоянїи врачебнаго искуства, извѣщая, что въ Египтѣ врачи содержались на народномъ иждивенїи и обязаны были отправлять свою должность точно по правиламъ преданнымъ многими славнѣйшими тамошними врачами, и что если они немогли исцѣлить больнаго способомъ предписаннымъ, неставили имъ худаго успѣха въ вину, а если удалялись отъ онаго, то были наказываемы смертїю: но изслѣдывая нѣкоторыя правила о сохраненїи здоровья и о врачеванїи болѣзней, преданныя намъ симъ дѣеписателемъ, должны утѣшаться о утратѣ оныхъ. Они предупреждали болѣзни, говоритъ онъ, промывательными, чистительными, рвотными

и воздержанїемъ отъ пищи чрезъ нѣсколько дней сряду, думая, что всякой прїемъ пищи содержитъ въ себѣ излишество раждающее болѣзни, и что все способствующее къ испражненїю тѣла есть надежнѣйшее средство сохранять или возобновлять здравїе, о чемъ упоминаетъ и *Иродотъ* говоря, что Египтяне принимали слабительное или рвотное по три раза въ мѣсяцъ для сохраненїя здоровья по общему увѣренїю своему, что всѣ болѣзни происходятъ отъ употребляемой ими пищи.

Что принадлежитъ до нѣкотораго возобновленїя при старости силъ, т. е. до *Герокомїи* или пользованїя престарѣлыхъ людей, то самый древнѣйшїй тому примѣръ обрѣтается въ Священномъ писанїи, повѣствующемъ, что служители Царя Давида видя его изнуренна и дряхла, привели къ нему молодую и совершенно здоровую дѣву, дабы она согрѣвала его. Такой поступокъ хотя и запрещается благопристойностїю и добродѣтелїю, но одобряется самыми славнѣйшими врачами древнихъ и новыхъ временъ, изъ коихъ довольно здѣсь упомянуть токмо о *Галїенѣ*, *Павлѣ Егинетѣ*, *Лордѣ Веруламѣ* и *Бергавѣ* . . . *Гомеръ*, коего *Плинїй* достойно именуетъ источникомъ вы-

сокихъ мыслей, и который въ толь многихъ мѣстахъ своей поемы говоритъ съ почтенiемъ о врачахъ, есть послѣ Богодухновенныхъ мужей самый древнѣйшiй писатель, упоминающiй въ Одиссеѣ своей о Герокомiи. Въ разсужденiи же другихъ возрастовъ *Моисей* опорочиваетъ во Второзаконiи объяденiе и пьянство какъ пороки достойные наказанiя, и *Соломонъ* говоритъ, что человѣкъ отъ невоздержности яко отъ змiя уязвленъ простреется, да и *Гомеръ* возвышаетъ гласъ свой противу излишняго употребленiя вина. *Пиѳагоръ* Самосскiй одобрялъ равномѣрно воздержанiе и умѣренность въ пищѣ и питiи, какъ самое дѣйствительнѣйшее средство къ сохраненiю здравiя. Онъ называетъ пьянство врагомъ человѣчества и убѣждаетъ рачащихъ о своемъ здоровьѣ недопускать себя никогда до излишества, какъ въ трудѣ и пищѣ, такъ и любострастныхъ вожделѣнiяхъ. *Ямбликъ* повѣствуетъ, что ученики *Пиѳагоровы* ходили часто въ баню, умащали тѣла свои, и занимались упражненiями, способствующими къ умноженiю тѣлесныхъ силъ. Въ семъ случаѣ кажется смѣшиваетъ онъ *Пиѳагора* мудреца, съ *Пиѳагоромъ* ратоборцемъ, который первый по объявленiю *Плинiя* питалъ мясомъ юношей и выводилъ ихъ

на борьбу незаботясь нимало о будущемъ состоянiи ихъ здоровья. Послѣ *Пиѳагора*, *Иккъ*, врачь Тарентинскiй, совѣтовалъ нетокмо для сохраненiя здравiя присовокуплять къ умѣренности въ пищѣ тѣлодвиженiе, но и самъ толико прославился трезвостiю, что оная даже взошла въ пословицу при разговорахъ о убогихъ обѣдахъ. *Иродику*, одному изъ наставниковъ *Иппократовыхъ*, сохраприписываетcя столь великое искуство сохранять здравiе приличными упражненiями и трезвостiю, что *Платонъ* вмѣнялъ ему оное въ преступленiе, поставляя самъ за правило, дабы каждый членъ республики поспѣшествовалъ общественному благу своими трудами и невлачилъ при старости такой жизни, которая препятствуетъ носить бремя гражданина съ бодростiю и безропотно. Онъ говоритъ о семъ такъ: „*Эскулапiй* пре„далъ потомству свои откровенiя для од„нихъ токмо мощныхъ человѣковъ, вѣдая, „что естьли бы оставилъ средства къ без„полезному продолженiю бѣдственной жиз„ни удрученныхъ болѣзнiю стариковъ и ста„рухъ, то подвергнулъ бы чрезъ то токмо „жизнь юношей толикой же тщетѣ, какъ и „ихъ. Какое ужасное изреченiе! и отъ кого? Отъ

мудреца перваго степени. Кто можетъ уже послѣ сего порицать жестокое обыкновенїе Готентотовъ отводящихъ въ дремучїе лѣса своихъ отцовъ и матерей, пришедшихъ въ несостоянїе пропитать себя чрезъ собственное упражненїе. Индѣйцы, именуемые *Иродотомъ* Падеянами поступали такимъ же образомъ нетокмо съ престарѣлыми, но и со всѣми больными или ослабѣвшими, коихъ прїятели убивали, опасаясь дабы отъ недуга небыло истощено ихъ тѣло, назначаемое ими для употребленїя въ снѣдь. . . Какого удовольствїя и коликихъ выгодъ лишилися бы мы, естьли бы приняли за правило оставлять безъ жалости на погубленїе немогущихъ себя пропитать безъ помощи другихъ! Сколько людей исцѣлѣвшихъ отъ болѣзней содѣлались благодѣтелями и украшенїемъ своего отечества! Взирая на *Платона*, бывшаго послѣ *Сократа* славою своихъ соотечественниковъ, и немогшаго при всемъ своемъ проницательномъ разумѣ и правотѣ своихъ намѣренїй предостеречь себя отъ таковыхъ и многихъ онымъ подобныхъ заблужденїй, съ какимъ благоговѣнїемъ должны мы благодарить онаго Божественнаго учителя разсѣявшаго мракъ язычниковъ и отверзшаго столь легкой и удобной путь къ добродѣтели, что

и самые слѣпые немогутъ уже толико наономъ претыкаться!

П. Б.

О Иппократѣ и его правилахъ для сохраненія здоровья.

Сей отецъ врачебнаго искуства, споспѣшествовавшій успѣхамъ онаго болѣе, нежели всѣ его предшествователи родился за 458 лѣтъ до рождества Христова, на одномъ изъ Архипелажскихъ острововъ, отъ потомковъ Эскулапа и Геркулеса, и приобрѣвъ великую славу добродушіемъ своимъ, началъ упражняться рачительно во врачебномъ искуствѣ и нетокмо открылъ при остроумномъ разпространеніи своихъ изысканій все то, что токмо служитъ къ сохраненію здравія, но и описалъ съ толикою подробностію и точностію, что нельзя ему неудивляться принимая въ разсужденіе время, въ которое жилъ, и малую помощь, какую онъ обрѣсти могъ отъ своихъ предшественниковъ. Здѣсь слѣдуютъ правила и примѣчанія его о шести принадлежностяхъ необходимо нужныхъ для жизни, какъ то: *воздухѣ, пищѣ, движеніи и покоѣ, снѣ и бдѣніи, влажностяхъ испражняемыхъ и удерживаемыхъ, и душевныхъ страстяхъ.*

О воздухѣ.

Города лежащїе къ Западу въ закрытїи отъ Восточныхъ вѣтровъ[1], столь способныхъ для очищенїя воздуха отъ всякихъ вредныхъ паровъ немогутъ быть здоровы, и жители оныхъ подвержены весьма частымъ болѣзнямъ.

Воздухъ производитъ великое дѣйствїе надъ тѣломъ человѣческимъ въ разсужденїи укрѣпленїя или ослабленїя его здоровья; доказательствомъ тому служитъ, что мы дни два или три безъ пищи жить можемъ, но безъ воздуха ни одной минуты: толико оной нуженъ для жизни. Изъ сего же явствуетъ, что прилипчивая болѣзнь, заражающая людей всякаго возраста и состоянїя несмотря на различїе ихъ пищи и образа жизни, происходитъ не отъ пищи или питїя, но отъ окружающаго ихъ воздуха, коимъ они дышутъ; по чему тщетно бы было заставлять ихъ перемѣнять родъ жизни, что всегда тѣмъ болѣе вредно, чѣмъ незапнѣе случается. Тутъ остается одно токмо на-

1) Нѣкоторыя положенїя Иппократовы о вѣтрахъ относятся по существу своему къ положенїю одной Грецїи и смѣжныхъ съ оною земель, гдѣ онъ дѣлалъ свои наблюденїя.

дежное средство, состоящее въ томъ, чтобъ очистить буде можно, воздухъ или оставить заразительныя мѣста и жить тамъ, гдѣ оной чище и здоровѣе.

И такъ должно обращать, прилѣжное вниманіе на свойство воздуха и примѣчать, тепелъ ли оной или холоденъ, густъ или тонокъ, влаженъ или сухъ, и какой при томъ подверженъ перемѣнѣ. Изъ опыта должно познавать различныя его дѣйствія на наше тѣло и для благоуспѣшнаго пользованія себя въ болѣзни необходимо нужно смотрѣть на времена года толико между собою разнствующія и чрезъ то въ тѣлѣ нашемъ великія перемѣны производящія. Найпаче должно примѣчать силу вѣтровъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто живетъ. Сѣверный вѣтръ, когда долго дуетъ, придаетъ тѣламъ крѣпость, легкость и хорошій цвѣтъ, и много поспѣшествуетъ здоровью, поелику хорошо очищаетъ воздухъ отъ грубыхъ паровъ; но непривыкшіе къ оному и слабосильные, естьли неосторожно себя ведутъ, получаютъ насморки, гортанныя и грудныя болѣзни, запоры, лихорадки и мочерѣзъ. ... Полуденный вѣтръ отягощаетъ грудь мокротою, ослабляетъ и утомляетъ тѣло и причиняетъ дурныя влаги; время же самое сухое есть

самое здоровое... По опыту извѣстно, что зимою и весною ѣдятъ болѣе и пища лучше варится, нежели лѣтомъ и осенью, чему и удивляться недолжно, поелику тогда пища нужнѣе для тѣла, нежели въ иное время. Зимою ради сопротивленія холоду сухая и горячая пища предпочтительнѣе всякой другой. Весною при постепенномъ растворенiи теплотою воздуха должно пищу принаравливать къ его расположенiю и употреблять больше прохладительную и легкую нежели иную. Лѣтомъ въ жаркое и сухое время должна оная быть нарочито прохладительна и питье легкое и тонкое; но послѣ осенняго равноденствiя надлежитъ опять горячую употреблять пищу соразмѣрно приращенiю стужи, и чѣмъ ближе къ зимѣ, тѣмъ теплѣе носить платье[2].

2) Сiе наипаче должно наблюдать въ приморскихъ мѣстахъ, гдѣ часто теплота и стужа перемѣняются въ одинъ день раза три и четыре. Благоразумное дѣло неоставлять совсѣмъ зимняго платья прежде Маiя мѣсяца въ Сѣверныхъ мѣстахъ, хотя бы въ то время и теплая погода по видимому установилась. Славный *Сиденгамъ* примѣчаетъ, что худое обыкновенiе оставлять рано зимнее платье при наступленiи весны и быть слишкомъ долго на солнцѣ въ знойное время погубляетъ болѣе людей, нежели голодъ, моровая язва и война.

Весна есть время самое способное для здоровья; напротивъ того осень весьма опасное и раждающее многія болѣзни. Весна и начало лѣта полезны найболѣе для младенцовъ и юношей, лѣто и начало осени для стариковъ, а глубокая осень и зима для возмужалыхъ. Весна чиститъ кровь, лѣто производитъ желчь, а другія времена года раждаютъ по свойству своему мокроты. Весна есть самое лучшее время для пусканія крови и для приниманія лѣкарствъ, естьли въ оныхъ необходимая нужда и буде можно до того времени дождаться. Когда умѣренность воздуха соотвѣтствуетъ свойству каждого годоваго времени, въ такомъ случаѣ годъ здоровъ и болѣзней мало; но когда годовыя времена текутъ непорядочно, то есть когда умѣренность воздуха онымъ несоотвѣтствуетъ, то должно опасаться жестокихъ болѣзней. Незапная перемѣна теплоты на великую стужу опасна и всегда почти сопровождается пагубными слѣдствіями, и естьли таковыя перемѣны случаются ежедневно чрезъ нѣсколько времени, то никогда почти осень непроходитъ безъ того, чтобъ небыло великаго множества больныхъ.

Примѣчено, что свойство воздуха содѣйствуетъ нетокмо на образъ и сложеніе че-

ловѣческаго тѣла, но и на нравы имѣетъ немалое влїянїе. Въ Азїи, гдѣ годовыя времена умѣренны и гдѣ рѣдко случаются незапныя перемѣны стужи на зной, произведенїя земли гораздо изобильнѣе и лучше нежели въ Европѣ и люди обходительнѣе и ласковѣе: напротивъ того въ Европѣ, частыя и чрезвычайныя перемѣны погодъ возбуждаютъ сильныя страсти и влекутъ людей къ дѣламъ отважнымъ и знаменитымъ.

О пищѣ.

Для точнаго разумѣнїя всего, что касается до пищи, надлежитъ знать нетокмо естественное свойство всякой въ снѣдь употребляемой вещи, но и получаемое оною отъ искуства при различныхъ здобяхъ и приуготовленїяхъ. Пшеничная мука вмѣстѣ съ отрубями слабитъ и мало питаетъ, но чисто просѣянная совсѣмъ неслабитъ и хорошо питаетъ. Повѣрить нельзя, сколько человѣческое здравїе зависитъ отъ того, чтобы ѣсть бѣлой или ситной хлѣбъ, и хорошо выпеченный или недопеченый . . . Врачь долженъ такъ же примѣчать, какого свойства и сложенїя люди въ разсужденїи пищи, коею

они питаются; справедливы ли жалобы на худыя ея дѣйствія, и для чего она ихъ надъ одними производитъ а надъ другими нѣтъ. Сыръ, на примѣръ, инымъ совершенно вреденъ, а другимъ весьма полезенъ; причиною же вреда отъ него у первыхъ испорченные соки, кои надлежитъ имъ поправить, либо оставить вовсе сыръ. . . . Тѣло человѣческое содержитъ въ себѣ четыре весьма различныя влажности въ разсужденіи теплоты и холода, сырости и сухости, т. е. кровь, слюна, желчь желтая и черная. Здравіе зависитъ отъ соразмѣрнаго ихъ между собою смѣшенія, и все что умножаетъ одну предъ другою, для него вредно. Оное страждетъ такъ же отъ непомѣрнаго употребленія пищи, а особливо если неимѣть при томъ довольнаго тѣлодвиженія для истребленія ея излишества: съ другой стороны опасно употреблять менѣе пищи, нежели сколько требуетъ сложеніе; по чему воздержаніе есть дѣло весьма важное какъ по отношенію сохраненія чрезъ оное здоровья, такъ и приведенію его въ смертоносную слабость. Можно даже сказать, что сколь объяденіе ни вредно, но нестоль опасно, какъ излишнее пощеніе или чрезвычайное воздержаніе: то и другое однакоже требуетъ строгаго

вниманія; поелику степень умѣренности зависитъ не отъ правилъ и проницанія врача, но отъ внутренняго чувствія каждого человѣка. . . . За великими столами должно рачительно убѣгать пищи различнаго свойства, желудокъ весьма разстроевающаго. Въ протчемъ изъ опытовъ извѣстно, что строгое пощеніе и непомѣрное воздержаніе подвергаетъ насъ гораздо большей опасности, нежели нѣкоторое излишество въ пищѣ, и что болѣе произтекаетъ вредныхъ слѣдствій отъ малѣйшаго нарушенія воздержанія, къ какому себя кто приучитъ, нежели отъ усугубленія обыкновенно употребляемого количества. Изъ сего заключаю, что излишняя точность употреблять всегда совершенно равную мѣру въ пищѣ неприноситъ никакой пользы. . . . Всякая ѣства, какую только хорошо варитъ желудокъ, здорова; напротивъ того та, которая въ немъ несвариваеться, составляетъ дурную пищу. Есть люди, кои по привычкѣ и по сложенію своему могутъ въ одинъ день быть за тремя добрыми столами; но тѣ кои обыкновенно ѣдятъ въ день раза два порядочно, если когда оставятъ одинъ разъ, то всегда чувствуютъ тягость. Они бываютъ унылы, имѣютъ тошноту, отвращаются отъ вся-

кого труда, чувствуютъ слабость въ желудкѣ, глаза у нихъ мутны, во рту горько и наконечности тѣла холодны. При всемъ томъ когда пропустили разъ свой столъ, напримѣръ обѣденной, то должны беречься отъ пресыщенія во время ужина; если же неостерегутся, почувствуютъ скоро въ себѣ тяжесть и препроводятъ ночь гораздо безпокойнѣе, нежели какъ бы тогда, когда бы обѣдали и ужинали до сыта. Я совѣтую тому, кто приобыкнувъ ѣсть два раза въ день, неможетъ когда завтракать или обѣдать и чрезъ то ослабѣетъ, убѣгать отъ жару, холоду и труда, ужинать менѣе обыкновенного и употреблять при томъ лучше что нибудь легкое и жидкое нежели крѣпкое и твердое. Съ другой стороны, если привыкшіе ѣсть въ день однажды, наѣдятся по случаю дважды, то всегда бываютъ тяжелы и разстроены и нерѣдко отъ великаго излишества принятой пищи подвергаются и великой опасности. Вообще полезно тому, кто наѣлся болѣе обыкновеннаго и чувствуетъ, что желудокъ его чрезъ то отягощенъ, прибѣгнуть ко рвотному. Что же принадлежитъ до различія пищи, то легкою можетъ по справедливости называться та, которая при умѣренномъ или нѣсколько и излишнемъ упо-

требленіи непучитъ живота, непричиняетъ ни рѣзи ни вѣтровъ, но варится легко и въ свое время свободно испраздняется. Тяжелая же есть та, которая нетокмо при умѣренномъ, но даже и при маломъ употребленіи отягощаетъ желудокъ и причиняетъ тоску.

Тѣ, кои растутъ, имѣютъ много природной теплоты а по тому и много нужды въ пищѣ: но старики мало имѣютъ естественной теплоты и слѣдственно мало требуютъ пищи, по тому что теплота истребляется изобиліемъ оной. . . . Изъ многоразличныхъ же родовъ пищи самая свойственнѣйшая и питательнѣйшая для нашего тѣла состоитъ въ хлѣбѣ, мясѣ, рыбѣ и винѣ; но оная будучи употреблена въ великомъ излишествѣ причиняетъ скорѣе болѣзни и смерть, нежели другая нестоль питательная и крѣпительная: слабаго и нѣжнаго сложенія людямъ, должно питаться тѣмъ, что непроизводитъ вѣтровъ, и неупотреблять пряныхъ и здобныхъ ѣствъ, но такія, кои желудка ихъ неразслабляютъ да и невесьма для онаго легки. Естьли кто послѣ болѣзни выздоровѣвъ, ѣстъ хорошо, но отъ того неукрѣпляется, то сіе означаетъ, что онъ употребляетъ болѣе пищи, нежели сколько для него нужно; естьли же ѣстъ

умѣренно и нечувствуетъ отъ того пользы, то долженъ заключать, что въ тѣлѣ его соки испорчены, о исправленіи коихъ паче всего стараться имѣетъ.

Изъ обыкновенной пищи молоко для людей подверженныхъ лихорадочнымъ припадкамъ вредно равно какъ и для тѣхъ, кои страждутъ головною болѣзнію, вѣтрами въ животѣ и непрерывною жаждою, и у коихъ при испражненіяхъ исходитъ либо чистая желчь либо много крови. Полезно же оное для людей сухихъ и склонныхъ къ истощенію, лишь бы токмо неимѣли лихорадки либо иной какой здѣсь упомянутой болѣзни. . . . Лукъ, чеснокъ и хрѣнъ по пряности своей весьма горячитъ кровь; горчица и жеруха удерживаютъ мочу, а селдерея и петрушка оную гонитъ; всѣ благовонныя и душистыя травы горячатъ, капуста всякаго рода распускаетъ желчь; салатъ прохлаждаетъ и слабитъ; огурцы холодятъ; сыръ тяжелъ и къ варенію неудобенъ; груши совершенно зрѣлыя слабятъ, а недоспѣлыя вяжутъ желудокъ; яблоки имѣющіе легкой квасъ легче варятся нежели сладкіе; всѣ же огородныя стручечныя овощи причиняютъ вѣтры, какъ бы приуготовлены ни были. Медъ сотовой гонитъ мочу, чиститъ въ

лишкомъ желудокъ и болѣе оной разслабляетъ, нежели укрѣпляетъ.

Вино молодое по слабительному своему свойству для головы нестолько тяжело какъ старое, но удерживаетъ вѣтры и надуваетъ кишки, а къ очищенію легкаго отъ дурныхъ мокротъ пособствуетъ болѣе нежели крѣпкое и не съ лишкомъ гонитъ мочу; для многожелчныхъ же оное совсѣмъ негодится, поелику жажду весьма умножаетъ. Красное полезно для имѣющихъ слабой животъ и нестраждущихъ головою, у коихъ при томъ испарина и испущеніе мочи свободно. Вино же растворенное довольно водою полезно для головы, груди и почекъ, а чистое или съ весьма токмо малымъ примѣсомъ воды пригодно токмо для желудка и кишокъ.

Вода рѣчная и ключевая тѣмъ лучше, чѣмъ съ вышшаго мѣста имѣетъ свое теченіе, и если источникъ оной лежитъ къ Востоку, то оная бываетъ по большой части чиста, безъ всякаго запаху и совершенно прѣсна. Дожжевая собираемая въ малые сосуды прозрачна, легка и пріятна, но скоро портится по тому, что содержитъ въ себѣ множество инородныхъ частицъ, отъ коихъ должно ее для употребленія освобождать зреніемъ или процѣженіемъ. Снѣжная и

льдяная нехороша для того, что самыя лучшія ея частицы морозомъ отъяты. Весьма же вредная и производящая болѣзни есть вода непроточная имѣющая дурной цвѣтъ и вонючая. Люди крѣпкаго сложенія и здоровые неимѣютъ нужды въ семъ великомъ разборѣ, но слабые и больные должны для поправленія или возстановленія своего здоровья онымъ отнюдь непренебрегать; страждущіе запоромъ должны употреблять самую прѣсную, чистую и легкую воду, а имѣющіе внутренность слабую, будутъ болѣе пользы имѣть отъ той, которая менѣе мягчитъ. Вообще же вода весьма здорова для людей горячаго сложенія и всѣ почти пьющіе оную обыкновенно имѣютъ хорошій желудокъ.

О Баняхъ.

Баня холодная растворяетъ и прохлаждаетъ тѣло а теплая располагаетъ оное къ слабости и зноболивости, когда по утру употребляется, когда же послѣ стола, то горячитъ и разбиваетъ кровь, что производитъ и холодная но въ противномъ случаѣ т. е. прежде обѣда. Умѣренной теплоты баня полезна въ разныхъ припадкахъ, облег-

чая колотье въ боку, боль въ труди и спинѣ, пособствуя легкому дыханїю, выгоняя дурныя мокроты, помогая въ усталости и отнимая тяжесть обременяющую голову, но пользоваться оною надобно съ надлежащею предосторожностїю. Паче всего нужно, дабы входъ и выходъ былъ таковъ, чтобъ нельзя было никакъ простудиться или инако себя повредить. Будучи въ оной должно сидѣть спокойно чрезъ все то время, покуда моешся и трешъ тѣло. Примѣчать же всякому должно, что баня вообще вредна для тѣхъ, кои подвержены кровотеченїю изъ носу, чувствуютъ слабость или боль въ желудкѣ, и имѣютъ сильной запоръ или поносъ, въ коемъ послѣднемъ случаѣ можно избѣгнуть вреда принявъ прежде бани слабительное.

О Бдѣнїи и Снѣ.

Излишество во снѣ и бдѣнїи для здоровья вредно; неумѣренное бдѣнїе препятствуетъ порядочному варенїю пищи, а долговременный сонъ приводитъ тѣло въ слабость и отягощаетъ весьма голову. По уставу природы должно днемъ бдѣть а ночью спать. Люди противно сему поступающїе

бываютъ за то рано или поздо наказаны. Спать же полезно въ большой комнатѣ, въ которой воздухъ чистъ и свободенъ, и во время сна быть покровенну. . . . Если человѣкъ почивая имѣетъ силы сходствующїе съ тѣмъ, что онъ днемъ видѣлъ или слышалъ, то сїе показываетъ, что онъ здоровъ и что ничто еще неначало внутренности его разстроевать; буде же сны его совсѣмъ противные, то оные означаютъ поврежденїе его здоровья, коего степень опредѣляетъ удаленїе таковыхъ сновъ отъ тѣхъ предмѣтовъ, коими онъ занимался. Если снится, что испражняешся, то сїе показываетъ, что желудокъ весьма полонъ и что его очистить надобно либо рвотнымъ либо воздержанїемъ отъ пищи, либо испражненїемъ. Когда же видишся, что ѣшъ охотно, то чрезъ сїе извѣщается, что желудокъ пустъ и что нужно болѣе обыкновеннаго употреблять пищи. Сны печальные и страшные знаменуютъ, что теченїе крови весьма тихо и что оному должно пособить. Правилъ сихъ отнюдь превирать ненадобно: если кто оныя хорошо наблюдать будетъ, узритъ скоро хорошїй отъ того плодъ.

О содержанїи желудка.

Для сохраненїя здоровья нужно имѣть каждой день отверстой желудокъ. Люди пьющїе и ѣдящїе весьма мало и имѣющїе сильное тѣлодвиженїе страдаютъ обыкновенно запоромъ и едва въ три или въ четыре дни разъ очищается ихъ животъ, отъ чего подвержены бываютъ лихорадочнымъ и инымъ припадкамъ; но употребляющїе много пищи и много тѣломъ работающїе понуждаются къ испражненїямъ соразмѣрно количеству своей дневной пищи и движенїю, въ коемъ находятся, съ тою токмо разностїю, что изъ числа совершенно здоровыхъ и употребляющихъ равное количество пищи тѣ чаще позываются на низъ, коихъ тѣлодвиженїе слабѣе другихъ и кои по тому менѣе нежели сїи потѣютъ. . . . Болѣзни происходящїя отъ пресыщенїя или отъ излишняго наполненїя желудка должно излѣчивать чрезъ испражненїя, а раждающїяся отъ весьма частыхъ испражненїй пользовать обильнѣйшею пищею исподоволь умножаемою до надлежащїя ея мѣры. . . Молодымъ людямъ должно имѣть желудокъ легкой, а престарѣлымъ ненужно сего наблюдать. . . . Когда надобно очистить желу-

докѣ, то сухощавые и сносящїе удобно рвотное должны къ оному прибѣгать; но дороднымъ и свободно испражняющимся надлежитъ употреблять легкое слабительное. Вообще примѣчать надобно, что рвотное гораздо болѣе пользуетъ тѣмъ, коимъ оное прилично, лѣтомъ, а проносное зимою. Принимать же лѣкарство при совершенномъ здравїи ни къ чему болѣе неслужитъ, какъ къ поврежденїю онаго.

О движенїи и покоѣ.

Когда чрезмѣрное утомленїе причиняетъ какую боль, то должно оную изцѣлять покоемъ; но если причиною оной бездѣйствїе, то надлежитъ прибѣгать къ тѣлодвиженїю. Предавшись же великому движенїю по долговременной привычкѣ къ покою, должно непремѣнно ожидать вреда. Ноги и прочїе члены потерявъ много силы своей немогутъ перенесть вдругъ тѣхъ напряженїй, кои переносятъ приобыкнувъ къ онымъ мало по малу. Мягкая постеля несносна для человѣка грубую жизнь ведущаго равно какъ и жесткая для роскошнаго и приобыкшаго покаряться своимъ прихотямъ. . . . Естьли кто послѣ великихъ трудовъ предается нѣгѣ,

тотъ да наблюдаетъ тщательно правила умѣренности, въ противномъ же случаѣ долженъ опасаться мучительныхъ припадковъ. . . . Тренiе согрѣваетъ тѣло и дѣлаетъ оное крѣпкимъ и мощнымъ. Громкое чтенiе и пѣнiе производитъ также въ тѣлѣ жаръ и нѣсколько оное сушитъ. . . . Прогулка пѣшкомъ есть самое пристойнѣйшее тѣлодвиженiе для здороваго человѣка, да и вообще умѣренное движенiе укрѣпляетъ тѣло и придаетъ силу чувственнымъ членамъ, а особливо естьли оное бываетъ прежде обѣда.

О Страстяхъ.

Жестокiй гнѣвъ сжимаетъ сердце и легкое и наполняетъ голову теплыми парами; спокойствiе же напротивъ того ограждаетъ внутренности отъ всякой натуги. . . . Страхъ и печаль продолжающiися долго раждаютъ задумчивость. Ужасъ, стыдъ, радость и гнѣвъ, содѣйствуютъ толико на тѣло, что производятъ въ ономъ движенiе сходное съ ихъ предмѣтомъ, напримѣръ: нечаянное видѣнiе змѣи причиняетъ блѣдность а незапное пришествiе къ страшной пропасти производитъ трепетъ во всѣхъ членахъ.

Вотъ вкратцѣ все то, что обрѣтается въ писанїяхъ Иппократовыхъ касательно шести вышепомянутыхъ обстоятельствъ сопровождающихъ человѣческую жизнь. Нынѣ слѣдуетъ предложить всеобщїя великаго сего мужа правила о сохраненїи здоровья: I.) Всякое излишество въ тѣлодвиженїи, въ ѣствѣ, въ питїи, во снѣ, въ очищенїи и наполненїи желудка и разныхъ иныхъ случаяхъ противно уставу природы и совершенно вредно. II.) Сдѣлавшему великую къ чему нибудь привычку опасно отставать вдругъ и приступать неисподоволь къ другой совсѣмъ противной. Самая худая пища, къ которой кто приобыкъ, нестолько вредна для здоровья, какъ незапная перемѣна оной на хорошую. Употребляющїй обыкновенно вино, естьли разомъ отстанетъ отъ онаго и примется за воду, то будетъ чувствовать тяжесть въ желудкѣ и обремененїе внутренности вѣтрами; пьющїй же всегда воду или вино оною растворенное, если станетъ вдругъ употреблять одно вино, то подвергнется чрезъ то дрожанїю сердца, боли въ головѣ и ощутительному трепетанїю всей внутренности. III.) Воздержность и тѣлодвиженїе суть самыя главныя средства къ сохраненїю здоровья. Между общими признаками нарушенїя воздержанїя

должно почитать слѣдующія. 1.) Когда ноздри залегаютъ, по томъ вскорѣ тяжелѣютъ рѣсницы , теряется позывъ на ѣду , исчезаетъ краска въ лицѣ и наконецъ приходитъ либо лихорадка, либо скопляются мокроты при первомъ случаѣ приведшемъ въ движеніе оные, то сіе служитъ достовѣрнымъ знакомъ чрезмѣрнаго засоренія желудка , кое примѣтивъ помянутымъ образомъ должно пищи убавить, а тѣлодвиженіе усугубить доколѣ всѣ сіи припадки непройдутъ. 2.) Случается съ нѣкоторыми , что при употребленіи пищи въ количествѣ несоразмѣрномъ ихъ тѣлодвиженію, сперьва спятъ ночью хорошо и чувствуютъ дремоту днемъ; но когда желудокъ ихъ съ лишкомъ засорится, то провождаютъ ночь въ великомъ безпокойствѣ и тревожатся страшными привидѣніями, какъ то сраженіями и пр. Въ семъ случаѣ должно беречься, чтобы умножившіеся чрезъ то дурные мокроты неприналили всѣ къ какой нибудь части тѣла и необьяли оной опаснымъ образомъ, что можно отвратить благовременнымъ уменьшеніемъ количества пищи и большимъ тѣлодвиженіемъ. 3.) Нерѣдко оказываются также излишнія мокроты болью или тяжестію то въ той то въ другой части а иногда и во всемъ тѣлѣ.

Въ семъ случаѣ покой и бездѣйствіе наводитъ лихорадку, которую можно предупредить воздержанiемъ и тѣлодвиженiемъ. 4.) Иногда случается что скопленіе дурныхъ мокротъ претитъ порядочному варенію пищи и раждаетъ вѣтры, коихъ усугубленіе приводитъ внутренности въ безпорядокъ сопровождаемый наконецъ кровавымъ поносомъ, болѣзнью весьма опасною, кою можно также предупредить уменьшенiемъ пищи и умноженiемъ тѣлодвиженія, какъ скоро желудокъ худо варить станетъ и окажутся вѣтры. 5.) Блѣдность въ лицѣ и горькость во рту возвѣщаютъ также обиліе дурныхъ мокротъ, отъ коихъ можно освободиться легкимъ рвотнымъ, уменьшенiемъ пищи и усугубленiемъ тѣлодвиженія чрезъ нѣсколько дней сряду. 6.) У людей недородныхъ оказывается часто излишество мокротъ потѣнiемъ во время сна, что сперва несопряжено съ великимъ безпокойствiемъ, но наконецъ бываетъ источникомъ опасныхъ болѣзней. Сіе случается особливо съ тѣми, кои привыкши къ малому движенію предаются вдругъ большому. Имъ надлежало бы уменьшить количество пищи своей и привыкать исподоволь къ большему тѣлодвиженію. Таковыя суть слѣдствія производимыя пищею упо-

требляемою въ количествѣ несоразмѣрномъ тѣлодвиженію. Разсмотримъ нынѣ тѣ, кои раждаются отъ излишняго тѣлодвиженія въ сравненіи пріемлемой пищи. 1.) Нѣкоторые люди послѣ великаго тѣлодвиженія и малаго количества пищи жалуются на жаръ въ тѣлѣ и боль въ животѣ; имъ все противно: внутренность ихъ воспаляется и они подвергаются жестокому поносу, которой весьма трудно излѣчить; но благоразумная предосторожность воспрепятствовала бы дойти до такой крайности; надлежало токмо уменьшить тѣлодвиженіе въ половину противу прежняго и убавить третюю долю обыкновенно употребляемой пищи и сперва чрезъ нѣсколько дней сряду имѣть легкія и прохладительныя ѣствы. 2.) У иныхъ же бываетъ отъ непомѣрнаго тѣлодвиженія языкъ сухъ съ горечью, удерживаются испражненія и все, что они ни пьютъ и ни ѣдятъ выходитъ вонъ тошнотою и нерѣдко чрезъ то доводитъ до гроба. Въ семъ случаѣ полезно кромѣ теплой бани и сна употреблять прохладительную жидкую и питательную пищу мало по малу до надлежащаго количества умножаемую и уменьшить гораздо тѣлодвиженіе. 3.) Наконецъ изъявляется у многихъ людей несо-

размѣрность тѣлодвиженія количеству ихъ пищи сильнымъ ознобомъ послѣ прогулки или инаго тѣлодвиженія и глубокимъ по томъ сномъ, прерывающимся токмо зѣвотою и подергиваніями предвозвѣщающими наступленіе гнилой горячки. Для предваренія толикой опасности должно немедлѣнно уменьшить по крайней мѣрѣ до половины тѣлодвиженіе и употреблять прохладителѣную и легкую пищу и вина безъ воды и въ самомъ маломъ количествѣ не пить доколѣ невозвратится совсѣмъ здоровье требующее паки прежняго образа жизни, къ которому однакоже должно исподоволь приступать.

П. Б.

Надежное средство къ размноженію народа.

Бѣдное человѣчество удручается тысячею способовъ ежедневно возобновляемыхъ, а спасительныя для онаго средства столь рѣдки, сколь рѣдки Цари подобные *Великой Екатеринѣ.* Но кто тому виною? сами человѣки.... Други ихъ попираются а буйство заемлетъ всюду мѣсто истиннаго уваженія. Теперь гордыня ослѣпляетъ твои очи; ты идешъ мимо друга своего и его невидишъ; онъ бы возопилъ къ тебѣ, но вѣдая, что мечта отвратитъ твои отъ него уши, молчитъ; обратись же къ нему, онъ скажетъ, что полезно, что вредно, а твое съ нимъ совѣщаніе опредѣлитъ всему мѣсто, всему цѣну. Тогда всѣ добродушные поспѣшно предъ тебя предстанутъ и изъявятъ тебѣ между прочимъ свое прискорбіе о неустановленіи нигдѣ еще въ Европѣ таковыхъ заведеній, гдѣ бы простыя женщины опредѣляющія себя къ хожденію за младенцами, коихъ нынѣ миліоны отъ рукъ ихъ погибаютъ, были наставлены ясными и вѣрными правилами, отъ чего ихъ предостерегать, какъ съ ними обходиться, какимъ образомъ поступать во время ихъ припадковъ, какъ

оные по возможности отвращать и проч. Таковое благодѣтельное учрежденіе, разпространенное на всѣ города и села посредствомъ духовныхъ и иныхъ досужныхъ и благоразумныхъ особъ поспѣшествовало бы толико къ размноженію народа, колико благорастворенный климатъ. Событіе сего непокажется тебѣ страннымъ, когда воззришъ на дѣла содѣяныя въ краткое время для просвѣщенія и общенароднаго блага *Премудрою Матеріею* отечества нашего.

П. Б.

Статьи общественнаго хозяйства.

1.) *О прочности кораблей.*

Отъ Аглинскаго адмиралтейства обнародовано недавно предложенїе о изобрѣтенїи надежнаго средства къ долговременному сохраненїю кораблей отъ червоточины и гнилости, отъ коей и мѣдная обивка неограждаетъ ихъ въ жаркихъ странахъ. Оно опредѣлило знатную сумму въ награжденїе тому, кто удовлетворитъ ея требованїю. Я доволенъ буду, если предлагаемой мною здѣсь способъ одобренъ будетъ не цѣною Аглинской монеты но опытомъ моихъ сограждан, ради коихъ оной и объявляю, предувѣдомляя, что нечудесность и странность его, но простота и неизмѣнность должны обратить ихъ вниманїе. — Смола и другїя подобныя вещи употребляемыя доселѣ во всей почти Европѣ для охраненїя морскихъ судовъ отъ гнилости несоотвѣтствуютъ своему назначенїю по тому, что удобно въ водѣ размываются а на солнцѣ чешуятся, трескаются и отстаютъ совсѣмъ отъ дерева. Для вышепомянутой же потребы нуженъ составъ могущїй совершенно противиться влагѣ и сушѣ и соединяться крѣпко съ де-

ревомъ, и таковое свойство имѣетъ тотъ самый олифъ, которой употребляется въ хорошихъ книгопечатняхъ, и неиное что есть какъ свареное по искуству ихъ старое чистое конопляное масло, получающее отъ дѣйствія огня такую степень вязкости и клейкости, какой никакое иное подобное оному вещество по извѣстнымъ опытамъ неполучаетъ. Сей *олифъ* составляетъ въ смѣшеніи съ нарочитымъ количествомъ весьма мѣлко истертыхъ бѣлилъ то средство, коимъ долго можно сберегать корабли отъ гнилости, покрывая оныя по отстройкѣ въ лѣтнее время при теплой и ясной погодѣ разъ до шести чрезъ каждыя 12 или 14 дней, необходимо потребныхъ для обсушки всякаго слоя покрышки, которая по томъ раза два должна быть безъ примѣсу бѣлилъ. Обмазка сія ни чемъ нерастворяется и противится какъ по твердости своей такъ и особенному свойству всякаго рода насѣкомымъ. А дабы всякъ могъ удостовѣренъ быть о пользѣ онаго а найпаче о чрезвычайномъ его сопротивленіи огню и водѣ, то предлагаю здѣсь собственный опытъ: взять съ чайную ложку сего олифа смѣшанного хорошо съ самымъ мѣлкимъ порошкомъ чистыхъ бѣлилъ, и разбивъ двѣ чашки, склеить оныя симъ составомъ; по

томъ давъ имъ постоять недѣль 5 или 6, чтобъ порядочно высохли, опустить одну изъ нихъ въ кипятокъ, а другую поставить на жаръ съ водою часа хотя на два, послѣ чего окажется, что ни вода ни огонь ни малѣйшаго поврежденія сдѣлать немогли на мѣстахъ склееныхъ симъ составомъ. Что же принадлежитъ до приуготовленія олифу, о которомъ сообщено будетъ впредь, то съ онымъ должно поступать весьма осторожно и при томъ въ домахъ отнюдь съ нимъ необращаться, но въ открытыхъ мѣстахъ, поелику оной отъ долговременнаго кипѣнія легко воспламеняется съ такою силою, какую имѣетъ порохъ.

П. Б.

О сбереженіи дровъ.

Извѣстно, что печки нагрѣваются не по количеству дровъ въ оныхъ сожигаемыхъ, но по мѣрѣ огненныхъ частицъ ими въ себя вбираемыхъ во время топленія ихъ до закрытія трубъ и продолженія жару, зависящаго отъ дѣйствія на оной внѣшняго и внутренняго воздуха, а по тому отъ плотности крышекъ, расположенія трубъ и устроенія самыхъ печекъ. Поелику же глина

неможетъ накаливаться скоро, чрезъ что одно уже весьма много дровъ напрасно исходитъ, то всякъ видѣть можетъ, что вещь имѣющая въ себѣ совсѣмъ противное свойство, т. е. скоро нагрѣвающаяся и долго въ себѣ жаръ содержащая можетъ хозяйству въ Сѣверныхъ наипаче нашихъ мѣстахъ принесть великую пользу, коей печки чугунныя и желѣзныя хотя и болѣе соотвѣтствуютъ нежели иныя, но у насъ негодятся для того, что сильное ихъ раскаленїе, какого требуетъ наша стужа, бывъ ни чемъ неограждено, можетъ причинить угаръ, коего вреда незамѣнитъ польза теплоты. Выкаленныя же хорошо, т. е. около трехъ или четырехъ сутокъ на очагѣ жженыя небольшїя пушечныя ядра, накладенныя рядомъ къ той сторонѣ, къ которой жаръ загребать должно и очищаемые чрезъ всякїе три дни отъ золы удовлетворяютъ совершенно пользѣ хозяйской. Угару отъ нихъ никакого небываетъ, теплота въ печахъ несравненно долѣе сохраняется противъ обыкновеннаго и дровъ при употребленїи ихъ исходитъ въ половину менѣе нежели безъ оныхъ. Въ семъ единственно состоитъ и средство сберегать дрова при топленїи печекъ неуменьшая теплоты, къ которой кто привыкъ. При семъ нужно

токмо еще наблюдать, что бы дрова небыли длинны и толсты, поелику изъ толстыхъ обыкновенно ряда два сгараютъ прежде нежели послѣднїй начнетъ разгораться и по тому неостается отъ нихъ сколько должно угольевъ, собственно для нагрѣтїя печи полезныхъ.

П. Б.

ОПЕЧАТКИ

напеч.	чит.
стр. 140 стр. 11 имѣетъ основанїемъ и Славенскїй.	имѣетъ основанїемъ своимъ кромѣ древне Саксонскаго и Славенскїй.
тамъ же строк. 25 обязаны началомъ своимъ Славенскому.	много заимствовали отъ Славенскаго

Сицилія и часть Королевства Неаполитанскаго,
Заключающая въ себѣ Нижнюю Калабрію, гдѣ свирѣпствовало наиболѣе землетрясеніе

Грамота Ал. Мих 145

Отпис Селиван — 157

1512. Мах. Узк — 808

стогиал — 149

старооб 146.